

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 7 (июль 2009)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации г. Тамбова*

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 7. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ООП «Литфонд России», 2009. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

ПРОЗА

Виктор ГЕРАСИН. <i>Рассказы</i>	3
Николай НАСЕДКИН. <i>Иск. Правдивая повесть</i>	27
Александр ЗОТОВ. <i>Рассказы</i>	122
Алексей БАГРЕЕВ. <i>Программа очистки. Рассказ</i>	129
Владимир ПЛУТАЛОВ. <i>Свет в оконце. Фрагменты будней</i>	134

ПОЭЗИЯ

Иван АКУЛОВ. <i>Варавва. Поэма</i>	144
Людмила КОТОВА. <i>Стихи</i>	153
Валерий ХВОРОВ. <i>Последняя любовь атамана. Поэма</i>	162
Нина ИЗМАЙЛОВА. <i>Стихи</i>	176

ДРАМАТУРГИЯ

Елена ЛУКАНКИНА. <i>Мистические драмы</i>	184
---	-----

ЮНОСТЬ

Марина ЕЛЮТИНА. <i>Счастливый человек. Рассказ</i>	209
Никита ДУБРОВИН. <i>Размышления в стихах и прозе</i>	215
Ольга ТОДОСЕЙЧУК. <i>Стихи</i>	221

ЮБИЛЕИ

<i>80 лет со дня рождения Майи Александровны Румянцевой</i>	
Валентина ДОРОЖКИНА. <i>Её слушали, затаив дыхание</i>	227
Майя РУМЯНЦЕВА. <i>Стихи</i>	235

ВЗГЛЯД

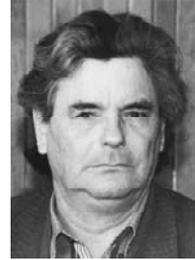
Владимир РУДЕЛЁВ. <i>Поэтическая школа Евгения Харланова</i>	245
--	-----

ЛИТЖИЗНЬ

Будни и праздники.....	255
Новые книги.....	256

Виктор ГЕРАСИН

РАССКАЗЫ

Здравствуй, это я!

Виктору Шемякину посвящаю...

I

С часу на час, с минуты на минуту по предположению Сергея должна была положить начало зима. Судя по всем его приметам, он не мог ошибаться: зима вот-вот накатит, укроет всё вокруг белым снегом, освежит, очистит. Скорее бы. Осень оказалась затяжной и так надоела своей унылой серостью, что руки опускались сами собой, никакое дело на ум не шло. Скорее бы.

Перед сумерками, которые наступали сразу же после полудня, Сергей сел на стул перед окном, поставил локти на подоконник и стал бездумно глядеть в окно. Слабый ветерок гонял стайку серо-жёлтых пересохших листьев вдоль тропинки. Листья то припадали к земле, затихали, будто охотясь за кем-то, то вдруг трепетно и смешно поднимались, бежали, взлетая и падая, убежали за угол соседнего дома, то кружась, возвращались оттуда, вновь пробегали вдоль тропинки и падали, замирали до следующего порыва ветра.

Родился 24 сентября 1939 г. в Пензенской области. Окончил Мичуринский пединститут. Работал в школе, ответственным секретарём Тамбовской писательской организации, редактором котовской городской газеты.

Автор нескольких книг стихов и прозы, вышедших в издательствах Москвы, Воронежа и Тамбова. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём» и др. Дважды удостоивался премии журнала «Подъём» за лучшую публикацию года.

Член Союза писателей с 1986 г.

«Дружная семейка, — отметил Сергей, всё никак не найдут своего окончатального места. Будто от своих отбились, сорванцы...»

Стало совсем темно. Сергей включил свет. С отворачиванием и передёргиванием поглядел на готовые под кисть холсты, которые он не убирал с глаз, чтобы они постоянно напоминали ему о том, что надо работать, надо творить. Но рука вот уже несколько месяцев не тянулась к кисти, а кисть к холсту, поэтому настроение было прескверным, казалось, что ему уже никогда не удастся изобразить что-нибудь путного, ничего светлого, ничего радостного. Казалось, что это не он вовсе написал около сотни картин, которые пользовались успехом на выставках, в общем-то раскупались, хотя он цены заламывал по местным масштабам немалые, что позволяло ему сносно существовать.

В то же время он понимал, что пора лёгкой и зачастую бездумной, торопливой кисти для него прошла. И чем дальше от картины к картине, то становилось написать всё труднее, всё раздражительнее. И полугодовые периоды между картинами, когда не знаешь, куда себя деть, чем заняться — это процесс накопления потенциала, процесс подхода к новой картине. Знать можно всё, но как прожить и пережить эти полугодовые провалы, как удержаться от многих соблазнов лёгкого бытия, которые опустошат душу, выведут в разряд умной никчёмности, наконец, сделают завистником, отрицателем всего и вся. Таких несостоявшихся художников Сергей повидал немало, их гораздо больше тех, кто сжигает себя за работой почти в полном одиночестве.

Художник всегда двояк. Один в нём — это ленивец, нытик, фразёр, другой же — тот который довлеет над первым, тащит его к холсту, заставляет работать и работать, не позволяет ныть, пустословить, отыскивать причины, по которым работать не хочется. И этот второй должен быть гораздо сильней, терпеливей, настойчивей первого. Если второй устанет сражаться с первым, махнёт рукой, отойдёт в сторонку, то первый радостно воспрянет, лень, нытьё, фразёрство расцветут махровым цветом. И попробуй их тогда ограничить. Много надо будет положить труда.

Много надо будет положить труда...

Зима, наверное, редко приходит днём, она больше по ночам тихо ложится на землю.

II

Спал Сергей или не спал — сам сказать не мог бы. Так полузавь, полусон. И даже в полусне к нему приходили отчётливые видения. Казалось, что они были долгими, и всего-то он забывался на какой-то десяток минут. На этот раз ему приснилась женщина, довольно элегантная, даже красивая. В присутствии мужчин она восторгалась стихами и песнями Владимира Высоцкого, говорила о своей любви к поэту. И чем больше, чем возбужденней она говорила, тем угрюмее и злее становился Сергей. Наконец не выдержал, подошел к женщине и сказал:

— А вот если я тебя прилюдно буду любить, тебе понравится это?

— Как это? — спросила женщина.

— А так вот, прилюдно. Согласна?

— Да вы что... что вы себе позволяете! — женщина заискала глазами поддержку.

— А что позволяете вы себе? Если он не может вам возразить, то вы готовы любить его прилюдно? А ему не нужна такая ваша любовь. Он хочет, чтобы его любили тихо, без лишних слов.

Сергей очнулся. И бывает часто так, что увиденное во сне тут же забывается. Проснётся и не может вспомнить, что снилось, кто снился. На этот раз, даже уже проснувшись, повторил вслух:

— Он хочет, чтобы его любили тихо, без лишних слов. То есть, настоящей, а не показной любовью.

Как это часто случается, когда зима приходит ночью, Сергей приход её пропустил, вернее проспал. Открыв глаза, он увидел в своей комнате особо чистый и мягкий свет, исходящий от окна.

Прижмурился, не веря в случившееся, вновь открыл глаза и, отбросив одеяло, пружинисто вскочил с постели и преник к окну. Так и есть, весь двор был устлан ровным белым снегом, и небо было чистым, с лёгкой еле заметной алостью от восходящего солнца. А так как день был воскресный, выходной, то людей во дворе не было, снег лежал ещё не тронутый ногой человека. Даже собаки сидели на площадках перед входными дверями, они будто не отваживались топтать снег.

Сергей глядел прямо, вправо, влево, запечатлевая в себе первое утро зимы. Через приоткрытое окно вдыхал свежий и, казалось, стерильно очищенный снегом воздух.

Справа от соседнего дома по нехоженому тротуару шла женщина. На ней было светло-голубое распахнутое пальто с небольшим воротничком, на груди лёгкий шарфик, без головного убора, на ногах облегающие сапожки. Шла она неторопливо, легко, будто поигрывая своим стройным телом. Будто наслаждаясь тем, что она первая ступает по новому снегу, оставляя за собой строчку чётких следочков.

Ещё не поравнявшись с окном Сергея, женщина посмотрела на его окно, на него самого, отчего Сергей отступил от окна. Ему показалось, что взгляд её был чист, тёпл, приветливо-любопытен, даже любящ, да, именно любящ, всеобъемлем, просторен, улыбчив, наконец. Взгляд затмил всё остальное — двор, саму женщину с её изящной лёгкой походкой. Он наполнил комнату Сергея каким-то несказанно-радостным жизнеутверждающим светом. И самого Сергея наполнил до краёв этим же светом.

Женщина прошла мимо окна, скрылась за углом дома. А Сергей вдруг понял, физически ощутил, как для него начался отсчёт совсем нового времени. Хотелось наскоро одеться, выскочить во двор, догнать женщину и ещё раз ощутить на себе её взгляд. И тут же он отбрасывал этот позыв: нет, нет, два раза, много раз такое не бывает. Как художник он понимал: взгляд женщины состоял из многих компонентов, окружающих её, из минутного состояния её души. Сменится композиция внешняя, сменится её настроение и взгляд будет уже другой, не тот, что минуту назад наполнил Сергея, его комнату какой-то несказанной радостью и особым, чарующим светом.

— Господи! Благодарю тебя за подаренный мне взгляд, — вслух произнёс Сергей, понимая и предчувствуя великолепную картину, которую он сделает легко, празднично, весело.

Лишь бы не вспугнуть видение, лишь бы не вспугнуть...

На холст легла легчайшая голубизна. Как первое, робкое дыхание весны.

Зазвонил телефон. Сергей взглянул на часы — одиннадцать. Марина звонит. Вчера договорились встретиться, куда-нибудь сходить, погулять. Но это вчера для него теперь было когда-то давно, в одном, соответствующем прошлому настроению. А сегодня...

— Да, Мариночка, весь внимание, — сказал Сергей в трубку как можно ласковой, миролюбивой.

Он уже знал, что встреча их не состоится, что он сегодня, завтра и, наверное, много позже никому, даже ей, Марине, не позволит

нарушить ощущение дыхания весны ни в себе самом, ни в своей комнате.

— Нет, Мариночка, пока отставим наш план. Да, произошли некоторые изменения. О них позже скажу. Да, позже. Не знаю, когда. Извини. Нет, не приходи. Я сам тебе позвоню. Напрасно, не обижайся. Слышу, обиделась. Пойми, мне сегодня так надо. Без лжи.

Марина первая положила трубку.

«Обиделась, — подумал Сергей. — Есть на что».

Он сидел в кресле, представлял удивлённый и оттого задумчивый взгляд кофейно-карих глаз Марины, её лёгкое перебирание пальцами локона над правым виском. Она теперь гадает: что же произошло с ним за эти неполные сутки.

В комнате стены и потолок были побелены так, что создавали лёгкое голубое свечение. Ещё вчера при сырой серой погоде свечения этого не было. А первое зимнее утро и поднявшееся солнце, чуть наискось светящее в окно, именно наполняли комнату будто бы тем самым светом, который проник в неё из взгляда женщины.

Сергей радовался тому, что он не ошибся, когда наперекор матери и Марине белили стены и потолок. Они говорили, что побелка — это несовременно, что нужны такие-то или такие-то обои. Мать даже купила обои какого-то берёзового цвета, сказала: «Уходи, мы с Мариночкой в один день обновим до неузнаваемости твою комнату».

Теперь обои мамины лежали где-то за диваном, а Сергей уже верил в то, что побелку стен и потолка он делал именно для того, чтобы в комнате поселился взгляд этой незнакомки в голубом в первый день зимы.

III

Первое представление о том, что картина пойдёт легко, оказалось обманчивым. Сергей никак не мог найти единственно верное композиционное решение. Не мог ухватить угол, под которым надо раскрывать женщину. Не мог передать лёгкость и игривость её походки, воздушность её одежды. А о взгляде, который выражал всю её любящую суть и говорить нечего. Не то, не то и не то. Он менял холсты, менял колер на холстах, менял точку, с которой видел женщину — нет и нет, не то, что надо. Нервничать же, отчаиваться себе не позволял, держал нервы в кулаке, убеждая себя в том, что ещё чуть-чуть, ещё немного, ещё какой-то единственный мазок кистью, и она пойдёт. Пойдёт. Куда же ей деваться. Если он видит её, чув-

ствует, если она стала роднее родной для него, если он и она знают одну тайну на двоих, то как же ей не пойти. Быть того не может, не сегодня, так завтра пойдёт.

У него накопились уже пяток наработанных холстов. Иногда казалось, ну что ещё искать, надо использовать все находки, которые он видел на холстах, свести воедино, и будет что надо.

«Нет, не будет что надо, себя не обманешь. Искать, искать и искать. Хотя... Можно искать всю жизнь и не найти. Ну и не найду. И что? Значит, не дорос...»

Марина пришла без предупреждения. Постучала, и он открыл дверь.

— Ну, здравствуй, — сказала тепло и миролюбиво.

— Здравствуй, проходи, — в общем-то обрадовался приходу девушки Сергей. — Прходи, отвлеки меня от неё. С ума ведь сойду.

Сергей указал глазами на холсты, хотя Марина видела их как только вошла. Она снимала пальто, сапоги, а взгляд не могла оторвать от холстов.

— Буров, ты, по-моему, метишь в гении. Кто она?

— Не знаю, — пожал плечами Сергей.

— Так и не знаешь, — не поверила Марина. — Разве бывает так — не знаю, а пишу?

— Как видишь, бывает. Её ещё нет пока, но она вот-вот будет.

— Занимательно. Это что-то совсем новое у тебя.

— Новое. Знаешь, и радостно и обидно, и руки опускаются от бессилия, от неумения, что ли, от неверия, что напишу так, как во мне живет.

— Ладно, Сережа, отвлекись, отдохни. Я не шла долго к тебе потому, что знала: работаешь. А теперь вот решила: отдохни. Если я предлагаю не то, что надо, то я уйду, не буду мешать.

«Малинка, малинка! Какая ты у меня молодец. Ну всё-то понимаешь, всё-то вовремя сделаешь», — думал Сергей, глядя на любимую девушку. Она была смугла, кареглаза, стройна, одевалась тщательно, со вкусом, на ней были украшения, столько и такие, которые только выгодно дополняли её и ни в коем случае не были вульгарны или лишни.

— Ты права, — положил Сергей руки на плечи девушки, пристально глядя в глаза, — я соскучился по тебе. Прости меня. Может, пойдём, развеемся.

— А может, не пойдём. Давай побудем вдвоём. Я тут кое-что

прихватила с собой, нам хватит.

Марина выложила на стол фрукты, конфеты, поставила вино.

— Нет, — остановил её Сергей. — Давай так сделаем — все эти холсты долой, ну её к Богу, устал от неё. Пусть и она отдыхает пока.

Вскоре комната сделалась просторной. Марина, переодевшись в халатик, быстрыми ловкими движениями протираала пыль на шкафах, столах, стульях. Сергей хлопотал на кухне, жарил мясо со специями, взбалтывал приправы.

Квартира постепенно принимала жилой вид, наполнялась духом кухни, духом семейного благополучия.

Расслабившись вином, Сергей откинулся на спинку дивана, внимательно, изучающе смотрел на Марину и вдруг тихо спросил:

— Скажи, Марина, тебе не кажется, что между нами двоими появилась третья?

Помолчав, пошевелив бровями, Марина ответила:

— Ты только открыл это? А я поняла это, когда в последний раз звонила тебе. Ты со мной разговаривал так, будто был не один, будто с тобой рядом стояла она, — Марина указала глазами на холсты.

— Серьёзно?

— Вполне.

— И как же теперь?

— Обыкновенно, — пожала плечами Марина, — пройдёт. Она пройдёт.

— Хорошо, что ты понимаешь это, — привлёк Сергей голову Марины к груди.

— Понимаю. Не хуже меня знаешь, сколько трагедий случается с художниками, когда они захвачены образом. Сколько случаев было, когда образ завладевает художником так, что уводит его от всякой реальности, вплоть до того, что в мир иной уводит.

— Такова се ля ви, как говорят французы, — хохотнул Сергей.

— Французы просто говорят: се ля ви, — возразила Марина.

— Вот и именно, но всё-таки по-нашему звучит лучше, убедительней: такова се ля ви, — усмехался Сергей, думая о чём-то своём.

IV

То видение женщины, которое посетило Сергея в первый день зимы, наверное, передать на холсте красками всё же не удавалось. Работая день за днём над образом, Сергей отмечал, что он — образ

женщины — обростаёт всё новыми и новыми деталями, то приближаясь к видению, то отдаляясь от него. Хотелось добиться неземной лёгкости, воздушности в образе женщины, но одно, другое движение кисти вдруг начинали приземлять видение, отягчать черты лица, походки.

Кисть отбрасывалась, холст закрывался лёгкой тканью, настроение портилось, одна за другой сгорали сигареты, чашки кофе не выводили из оцепенения мысль. Наваливалась такая тяжесть, которая выдавливала вон из комнаты, на воздух на долгое время.

Только-только начала заниматься мартовская заря. Сергей вышел на улицу и пошёл по пустынному тротуару к окраине городка. Под ногами похрустывал ледок. Шаги вспугивали, ломали тишину.

Шёл он около часа, сворачивая то на одну, то на другую улицу. Старался идти на восход. На одном из перекрёстков остановился, закуривая, оглянулся назад, и замер. Заря лежала на крышах, на верхушках сосен, обещая светлый первовесенний день. «Вот она, весенняя гулкая рань! Вот откуда у него это: “Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...” Этого нельзя придумать, это надо увидеть, ощутить, поосязать и сказать единственно верными словами. Надо же, того и гляди, из улицы выскочит конь с сидящим на нём улыбочивым белокурым юношей. И конь будет розов от алой зари, и юноша будет розов, молод, весел. И эта утренняя рань будет нарушена стремительным бегом коня...»

Сергей ощутил, как утренняя розовая свежесть наполняет его, поднимая, выталкивая из него зимнюю тяжеловатую накипь, вливает в кровь молодую энергию, уверенность в себе, в своих силах, в своей возможности преодолеть все преграды, все невзгоды, походя, легко разрешить самые неразрешимые проблемы.

Он легким бегом, глубоко вдыхая и выдыхая молодой весенний воздух, направился к дому.

V

Не сразу, не сходу, но образ женщины стал оживать, приближаться к тому идеалу, который установил художник. И кистью, казалось, не надо было управлять, её только надо было легко поддерживать, остальное она делала сама, по своему разумению.

Это ощущение было знакомо Сергею. Если говорить о творчестве, то оно было там, в коротких зимних днях и бесконечно дол-

гих ночах. Там, когда хотелось всё вокруг себя порушить, а холсты, краски, кисти так и выкинуть в раскрытое окно, когда отчаянно казалось, что всё, он уже никогда не напишет ничего толкового, радующего сердце.

Но вот... пошло!

Сергей был возбуждён, легко волновался, движения рук сделались невесомыми, летающими, глаза цепко схватывали каждый мазок, сделанный кистью, он с уважением относился к себе, к своему делу. Готов был звонить Марине, звать её, извиняться перед ней за свою угрюмость при ней, за своё нежелание видеть её долгое время. Умиленная теплота наполняла грудь, легко увлажняла глаза.

Солнце поднялось над крышами девятиэтажек, подвигалось к полдню. Оно светило с тыльной стороны, а перед глазами Сергея лежал просторный двор с проталинами на асфальте. Вот-вот должны были эти проталины начать испускать чуть заметный пар.

И Сергей сделал открытие. В композиции не доставало того, кто глядит на женщину, кто видит её приход, не доставало самого его, художника с радостью встречающего женщину. Но он, встречающий, невидим со стороны, а видит его только она, к нему и тянется её васильковый взгляд.

Сергей представил, как сам стоит, например, в какой-то полутёмной веранде, перед ним распахнута дверь, за дверью — крылечко. И он видит, как к крылечку идёт лёгкой, игривой походкой женщина в голубом пальто нараспашку, с тщательно уложенными и припиленными волосами. Приветливо улыбается, готовая произнести: «Ну, здравствуй, это я!» Произнести это грудным, мягким, искренне любящим голосом, от которого делается на душе тепло и волнительно.

А главное, — зритель. Тот, кто будет смотреть картину. Главное, чтобы он ощутил лёгкость и радость. Ни в коем случае зритель не должен видеть, в каких муках, с каким трудом давался художнику каждый штрих, каждый мазок кистью. Этого знать и видеть ему не надо. Его, зрителя, дело ощутить лёгкость и радость бытия.

VI

Весеннюю выставку-распродажу картин наметили провести в парке культуры в очередное воскресенье.

Сергей доводил «Незнакомку», сменил несколько рамок, остановился на простенькой, лёгкой, светло-желтой.

Вместе с Мариной уложили картину на полиэтилен, аккуратно обернули им, затем белой бумагой, которую закрепили скотчем.

— Ну, вот и всё, — сказал Сергей, присев на диван.

С ним рядом присела и Марина.

— Как думаешь, Сереж, покупатель будет?

— Обязан быть. Иначе чего кусать будем. Я уже в долгах, как в шелках. С мамой встречаться совместно. И жаль её. И тебя жаль. Все вы вокруг меня...

— Прекрати! Не люблю этого! Что тебе надо? Я пока работаю. Не густо, но и не пусто. Тарелка супа и стакан вина тебе гарантированы. Главное, пиши. Воздастся.

— Да ещё как, — криво усмехнулся Сергей. — Как дитятю малого утешаешь.

— Всё, кончили! Собирайся. Надень серый костюм, голубую майку. И — вперёд.

В парке культуры было ещё безлюдно. Только устроители выставки суегились вокруг художников, развешивающих свои картины.

Сергей и Марина прошли по аллее, здороваясь с художниками, с устроителями. Коротко взглядывали на вывешенные работы.

«Ничего особого, — отметил Сергей. — Пейзажики. Зима-лето.»

Возле трёх работ остановились. На тёмном бархате были тщательно выписаны лошадь, собака, волк. «Творчества высокого не густо, но картины будут пользоваться спросом», — подумал Сергей.

— Ну, а Буров чем сегодня нас убьёт? — к Сергею подошла Раиса Петровна, начальник отдела культуры. — Где расположитесь? Что, всего одна картина? Ну, Сергей Николаевич, вам непростительно. Так обильно выставлялись каждый год, и вдруг — одна картина. Что же так?

— Да так вот, не блины же пеку, — Сергею был неприятен разговор.

Марина тихонько толкнула в бок: сдерживайся.

Сергей выбрал солнечную сторону аллеи, распечатал картину, повесил её на крючки, растянул леской и спешно отошёл в сторону. Он волновался, в три затяжки выкуривал сигарету, бросал окурки в урну, зажигал новую.

— Спокойно, Серёж. — подошла Марина. — Смотрится.

Сергей отошёл ещё дальше. Ему хотелось быть одному и вдали

от картины. А она, «Незнакомка» стояла перед ним со своей обворожительной улыбкой. И он вновь и вновь спрашивал себя: «Всё ли сделал? Всё ли сделал?» Спрашивал торопливо, зная, что ответа не даст, всё ли сделал.

Народ в парк начал прибывать. Стайками переходили от полотна к полотну. Стояли и перед «Незнакомкой», то отходя от неё, то приближаясь к ней. Зорко взглянул на картину. «Нет, всё как надо. По-другому уже не сделаю. Однако, композицию я ухватил верную...»

И любому, кто глядел на картину, казалось, что женщина с несказанной любовью и радостью устремляется к нему, настраивает и его, зрителя, на любовь к ней, на радость.

Художники пожимали руку Сергею, похлопывали по плечу.

— Удивил. Так ты всю зиму и не появился ни разу. А мы всё думаем — где Буров, где Буров. А он вон чего учудил. Ну, брат, растёшь!

— Чья картина? — спросил бородатый мужчина.

— Моя, — отозвался Сергей.

Пожали руки.

— Жена вот так и вцепилась в вашу работу. Продавать будете?

— Что дадите... — пожал Сергей плечами.

С первым покупателем всегда трудно начинать торг.

— А что вы хотите? — подошла жена бородатого. — Вижу, не поделка. Но давайте в разумных пределах поторгуюсь. Сколько вы работали над картиной?

— Полгода.

— Десять тысяч рублей в месяц вас устроят?

— «Хорошо начала», — одобрил Сергей положенную женщиной цену.

— Это порядка двух тысяч долларов. Годится? — продолжила женщина.

Вдруг высоким детским голоском кто-то вскрикнул:

— Мама! Это моя мама! Мамочка моя!

У картины стояла девочка лет шести, а женщина пыталась увести её от картины.

— Нет! Не хочу уходить! Это моя мама! Мамочка моя!

Девочка плакала навзрыд. Плакала и женщина.

— Что такое? — подошла к ним Марина, а за ней и Сергей.

— Мама моя, — указывала девочка ладошкой на картину.

— Вы знали нашу Валю? — спросила женщина Марину и Сер-

гея. — Вы знали её?

— Нет, — неуверенно ответил Сергей. — Нет, не знаю.

— А с чего же вы её так верно срисовали?

— Да я не срисовывал, — совсем растерялся Сергей.

Девочка слушала их, переводя светлые, голубые, полные слёз глаза с картины на женщину, которая ей была бабушкой, на Сергея, вновь на картину, судорожно всхлипывала.

— Отойдём на минутку — предложила женщина Сергею. — Это наша Валя. Моя дочь. Я спрашиваю, вы её знали?

— Нет, — твёрдо ответил Сергей.

— Тогда как же это?.. Она погибла. Вместе с мужем. Понимаете, дочка вот, Верочка осталась.

— Когда это случилось? — спросил Сергей.

— Осенью. Перед снегом. Ледок был на дороге. Поехали на машине. Ну, и ... Ой, господи. Как же это?

Сергей хотел сказать, что видел женщину в голубом пальто на первом снегу, но вовремя остановился.

— Ну что, автор, договариваемся? Мы можем прибавить. В разумных пределах

— Нет, — ответил Сергей. Он подошёл к картине, снял её со стенда, протянул девочке:

— Возьми, это твоя мама. Марина! Помоги упаковать.

Поцеловал девочку в мокрую от слёз щеку и стремительно пошёл из парка.

Весёлое утро

Всего на каких-нибудь полчаса Петя нечаянно изменил себе. Ему как-то даже и на ум не пришло усомниться, проверить самого себя: а верной ли дорогой он идёт? Разыгравшееся не в меру воображение отвлекло от постоянной настороженности, которая росла в нём, пока он сам рос, с которой он, совсем слепой, без всякой посторонней помощи ходил по всем улицам и переулкам родного посёлка, по всем многочисленным мосточкам и тропинкам. Ходил, предпочитая независимость и самостоятельность, которые, в его понятии, уравнивали его со зрячими, со здоровыми людьми.

Людей таких вокруг Пети было много. А вот он один-единственный на весь свой посёлок, на всю округу даже, не видящий и, можно сказать, никогда не видевший белого света. На первом году от роду мать накупала его в бане, а из бани донесла до дома, не убергла, застудила. Тогда-то и погас белый свет в глазах Пети. И что он теперь мог знать о нём, о белом свете, о всех его цветах и радугах?..

На этот раз в мыслях и в душе Пети творилась такая песенная круговерть, такая восторженная музыка, что заглушило, затмило в нём всякую настороженность, заставило на какое-то время забыть-ся, отвлечься от дороги. И всего-то вся эта песенность и восторженная музыка состояли из одного-единственного слова. Утром такого простого и обыкновенного для Пети, а в полночь сделавшегося самым ласковым в мире, — это имя девушки, То-о-о-оня-я-я — пелось имя.

А на лице хранилось её лёгкое дыхание. На щеке, казалось, навечно остались следы от её теплых и влажных губ. На правом плече — о-о-о, даже подумать боязно, но в то же время волнительно, приятно до истомы — осталось ощущение её девичьей груди...

Петя играл вальс за вальсом. Он уважал, как сам выражался, музыку культурную. Частушки, припевки, плясовые всякие — это его не устраивало, казалось это всё слишком упрощённым, грубоватым, не вызывающим тонких чувств. А вот, например, «Амурские волны», или «На сопках Маньчжурии», или «Осенний сон», другие вальсы — это Петя ценил высоко, играл всегда с душой, сам ощущая какой-то героизм в плавности и задумчивости звуков. Да, героизм в вальсах явно присутствовал и в словах, и, тем более, в музыке.

Петя играл, увлекался тем движением жизни, которое воспроизводила его музыка. Он представлял себя широко шагающим с поднятой головой, с развёрнутой грудью и устремлённым вдаль взглядом. Шагающим в одном строю, даже впереди строя своих сверстников по сопкам Маньчжурии, по берегам Амур-реки. Представлял себя на отдыхе, на привале среди всё тех же ребят, уставшим от дальних походов, но после отдыха готовым вновь и вновь идти по приказу командира хоть на край света. Идти и в конце концов совершить такой героический поступок, о котором какой-нибудь музыкант сочинит новый, самый трогательный вальс.

Ребята и девчата танцевали. Они подымали нестерпимую пыль,

а так как Петя сидел низко на толстом бревне, то пыль эта лезла ему в нос, постепенно раздражала, мешала играть и думать по-настоящему, так, как он привык играть и думать наедине, дома.

«Ещё маленько поиграю и пора сворачиваться. Хватит на нынешний вечер», — прикидывал Петя, как лучше, чтобы не обидеть парней и девчонок, закончить игру и податься домой. По поведению своих друзей, голоса которых Петя особо заинтересованно улавливал, понимал, что домой-то топать ему придётся одному. Полтора-Вани, чувствуется, зацепился за какую-то Клаву, его теперь никакой силой не утащишь. А Володя не оставит одного Полтора-Ваню, на это у них уговор есть между собой особый.

Петя прикидывал, как он пойдёт один, припоминал все хитрости своего неблизкого пути, и тут на него кто-то навалился, помешал играть. Петя хотел уже турнуть от себя этого совсем некстати разыгравшегося танцора, но тут же ощутил — девушка! И тут же понял: да не раздурачилась она вовсе и не нечаянно налетела на него! Нет, девушка расчётливо обвила шею Пети мягкими и гибкими руками, дохнула сиренево в лицо, прижалась ласково губами к щеке, а грудью к плечу. Петя чуть не задохнулся от неожиданной радости, ему показалось на миг, что перед глазами у него всё прояснилось, всё засияло несказанным сиянием.

— Тонька! Прекрати! Чего дурачишься! Пусть играет! — закричали на девушку подруги.

А Тоня, чуть отстранившись от Петиного лица, зашептала горячо и громко:

— Петенька... Соколик ты мой... Прилетай ты к нам почаще. Ко мне прилетай. Любить буду.

И Петя, может быть, впервые в жизни потужил о том, что на коленях у него стоит баян, а руки повязаны ремнями. Не будь у него в руках этого баяна, он также крепко-накрепко обвил бы девушку за шею, прижал бы к себе, зацеловал бы, никого не постеснялся бы, ни на кого не обратил бы внимания. И долго-долго, всю жизнь, как она есть, держал бы её — эту смелую Тоню — в крепких объятиях. Но баян мешал, он стоял на коленях, он удерживал руки. А сбросить его торопливо — это уже как-то очень неудобно было бы. И Петя растерялся. А пока опомнился, Тоню уже отогнали от него. Нужна была парням и девчонкам его музыка. Подавив дрожь в руках и великое волнение в груди, заиграл вновь. Заиграл, будто ничего особенного не произошло только что. Но играл уже

так, как, наверное, ещё не играл ни разу.

А Тоня ведь громко шептала. Её слышали, её не могли не слышать все, кто стоял рядом. И Полтора-Вани, и Володя... Это ли не радость для Пети! Его у всех на виду обнимает девушка! Ему шепчет девушка ласковые слова! Не об этом ли мечтает каждый парень! Да что парень — каждая живая душа!..

«Ну и Тоня! Ну и праздник ты мне ныне устроила! Ну и спасибо же тебе! Вот и пусть все видят, вот и пусть все слышат. Даже пусть долго-долго говорят об этом», — гнул Петя мехи баяна в дуги, гнул и чувствовал: растёт он, непомерно растёт и в ширину, и высоту, а на душе от ощущения ширины своей, высоты своей делается всё более героически и всё более робко.

Красива ли была Тоня — этого Петя не знал. Но в первый же миг, как только понял и ощутил, что к нему прильнула девушка, понял: красоты она необыкновенной. Эти мягкие и гибкие руки, эти влажные и трепетные губы, эта упругая грудь могут принадлежать только необыкновенно красивой девушке. И не иначе. И в этом теперь никому не удастся переубедить Петю.

В свои двадцать лет Петя много был наслышан от парней о девчатах. Всякое — доброе, злое, красивое, дурное — говорили. Чему-то он верил, чему-то не верил. Когда слишком молод был — больше помалкивал, а если слушать неприятно было — отходил в сторонку. Повзрослев, не стал водить никакой дружбы с теми парнями, которые хвастливо рассказывали о лёгких победах над девчатами. В нём даже ненависть появлялась: будто не девушку, а его самого, Петю, оскорбляли эти ребята хвастовством своим. Он знал почему-то, чувствовал, что парни, хвастаясь, всего-навсего пытаются отомстить какой-либо девушке, которая отвергла их, не приветила. И ещё Пете почему-то казалось: когда кто-либо из парней или мужчин говорит о женщинах — все они такие, то это говорят и о его матери, и о его двух сестрах. И Петя этого не мог простить.

Парни постепенно привыкли к этой чудаковатости Пети, бывали при нём осторожны с каждым щекотливым словом. Понимали: оскорбится, уйдёт и целую неделю носа не покажет на улице. А без музыки как обойдёшься? И постновато, и суховато, и глуховато, и, главное, одиноко как-то, хотя если даже и сидят где-либо вместе и парни, и девчата.

Петя улавливал каждое слово, которое с уважением было сказано о девушке, о женщине да и вообще о человеке. И только с этих

слов рисовал в своём воображении внешности и характеры. Если бы можно было суметь выпустить на простор всех людей, которые самостоятельно жили в Петинском воображении, и посмотреть на каждого и каждую зрячими глазами, то потрясающая картина предстала бы — люди увидели бы сами себя не такими, какими привыкли видеть, а особыми, осмысленными и воссозданными Петей по их же отдельным словам и отдельным поступкам.

Всё это так. Но вот чтобы ощутить девушку так, как ощутил Петя Тоню — её дыхание, её губы, её грудь, — этого Пете ещё не доводилось. И он теперь желал, ждал, просил, умолял, чтобы Тоня не ушла, чтобы ещё раз, ещё раз и ещё раз подходила бы к нему, повторяла то, что сказала, прижималась бы... Другого же, большего, Петя не хотел желать, боялся желать... Он начинал обдумывать, как бы это самому подозвать Тоню к себе, готов был уже это сделать, но все же не осмеливался, слово не рождалось на устах. Остерегался вызвать насмешки. Всё, всё, что угодно, только не это, только не шепоток неразборчивый, только не подхихикивание вроде бы незлобивое!

Да и свободна ли Тоня? Должно быть, свободна. Иначе как бы это она могла так повести себя, кто бы, какой бы парень позволил ей это?

Так и не решившись ни на что, Петя вдруг услышал, как девчата с визгом рассыпались в разные стороны. Это уже признак того, что затевается драчка. Значит, опять кто-то с кем-то кого-то не поделил. Привычным ухом Петя уловил голоса чужих парней и понял: пришли с Пеньков. Ну а Полтора-Вани есть Полтора-Вани, он уж не упустит случая задраться на пеньковских: они в прошлом году ещё обидели Полтора-Ваню, отшили его от своей улицы, отогнали от невесты, будто бы, правда, потом кое-что прояснилось, невеста его вроде бы сама не захотела с Полтора-Ваней встречаться. Как бы там ни было, а на пеньковских Полтора-Вани был зол.

«Гляди ты, кажись, пеньковские уже погнали Полтора-Ваню кругом брёвен! Где Володя? Куда он запропастился? Нахлещут ныне Полтора-Ване, как пить дать нахлещут. Эх, не помощник я ему! А то бы!..»

Петя горел весь, подрагивал руками, ногами, покрикивал:
— Ваня, держись! Щас мы их! Щас уработаем!

«Эх, как бы я сейчас!.. На виду у девчат! У Тони на виду! Они ведь для видимости одной пугаются-то. Сами теперь смотрят, как

парни управляют друг с другом. Картина! Тут парню только показывай да показывай всю свою удаль. Мне бы теперь...»

— Ваня, держись! Двоих на себя беру! — это уже Володя вывернулся откуда-то.

Ну, теперь дело пойдёт на лад. Вон уже Полтора-Вани сопит, гоняется за кем-то вокруг брёвен. То из него прыть вышибали, теперь он рысаков из пеньковских делает.

Поддаваясь радостному чувству победы, Петя во всю баянную мощь заиграл марш «Прощание славянки». Ребята уверяли Петю, что в любой потасовке этот марш его заменяет им двух, а то и всех трёх здоровенных парней. А если это так, то чего ж, Петя с удовольствием поможет друзьям своей героической музыкой.

На этом «улица» и закончилась, пеньковских угнали. Все утихомирились, начали разбредаться кто куда. Полтора-Вани, жарко дыхнув на Петю, обнял за плечо и шепнул: «Жди нас тут. Мы скоро. Мы часика через два будем и тогда пойдём домой».

Петя вроде бы и кивнул согласно в ответ головой — знаю, не впервой мне сидеть и ждать вас, — но тут же в нём вспыхнуло досадное чувство. Он крепко сдавил челюсти и ругнулся про себя: «Да пошли вы все! Деятели! Петя им что, Петя повеселил, а теперь сиди и жди, когда друзья нагуляются, когда придут и позовут домой. Поведут... Ладно, я сам как-нибудь!»

Обидно, конечно. «Улицу» разогнали. Из-за них, из-за друзей этих чёртовых, может быть, и Тоня не смогла ещё раз подойти. Где уж, когда сразились, как на Куликовом поле.

«Эх вы, люди-люди», — вздохнул глубоко Петя. Посидел ещё минут пяток в полном одиночестве, всё ещё надеясь — а вдруг Тоня вернётся. Прислушивался к удаляющимся во все стороны голосам, к собачьему лаю, катившемуся волной также во все стороны. Вновь и вновь представлял, ощущал Тонино дыхание, тёплые губы её, грудь... Наконец поднялся, отряхнул с брюк пыль, повесил враз потяжелевший баян через плечо и зашагал домой.

А путь ныне ему был не ближний. Вон куда залетели, на самый Росляй. Но ничего, Петя доберётся до дома, доберётся и без попутчиков, пусть тешатся сколько хотят, он им мешать не станет. Ишь ведь какие! Сиди, жди их! Учись от нечего делать собачьему бреху. А то чего ж!

Дорога вдруг совсем незнакомо круто повела куда-то вниз. Петя остановился, затоптался на месте, выщупывая дорогу чуткими но-

гами. «Где это я? Когда шли сюда, на Росляй, то никакого бугра не было. Ну да, не было. Если бы он был, то я запомнил бы его, без внимания не оставил бы».

Стоя в нерешительности, пытался напрячь всю свою осязательную память, всё своё немалое представление о дорогах, всю свою способность чувствовать и понимать пространство. Но мыслям его на этот раз никак не удавалось собраться. Не удавалось и памяти сориентироваться. Всё то же непреходящее ощущение девичьего, вольного такого, откровенного объятия свежо сохранялось, волновало, отвлекало на себя все мысли. Зная теперь наверняка, что заблудился, казалось, должен был бы насторожиться, заставить свой ум вспоминать, искать дорогу, но не мог этого сделать. Он невольно как-то укрывал правую щеку от ветерка, который легко и беспрерывно тянул издали, с низов. Казалось, ветерок этот слижет, согрёт со щеки ощущение девичьих губ.

Но как же это так вышло — заблудился? Значит, шёл и шёл, радовался и радовался своему короткому счастью, не почувствовал того проулка, в который надо было сворачивать. Свернул совсем не там, где надо. И не направо, а, наверное, налево. Или вообще нигде не сворачивал? Шёл и шёл, куда вела дорога. Вот она и привела на этот совсем незнакомый бугор, о котором Петя даже самого малейшего представления не имел. И ветер... Он вроде бы должен дуть слева, судя по тому, как дул он, когда шли на Росляй. А он вон справа дует. Но ветер есть ветер, что с него спросить, он за один вечер может несколько раз развернуться, куда надо ему, куда хочет он, туда и дует-подувает.

Да, понимал Петя: самое благоразумное — это повернуть назад, пока не убрёл далеко, выйти к бревнам, где была «улица», а уж от брёвен начать новый путь да не забываться, не отвлекаться от дороги. В какой другой раз так и поступил бы. Но сегодня — нет! Лишь вот подумал об этом, а уже чуть руками не замахал: нет, нет и нет! Он же не знает, где живёт Тоня! А вдруг придётся проходить мимо? А вдруг она ещё не легла спать, сидит на крыльечке? Сидит, вспоминает о нём, а он, вот он, лёгок на помине! Крадётся ошупочкой по дороге, чуть не приседает на каждом бугорке, на каждой выбоинке и ничего-то и никого-то не видит. На него даже собаки по-настоящему не злятся, не брешут. Выскочат, выскочат откуда-нибудь из-за ограды, а увидят, кто идёт да как идёт — тут же весь пыл с них слетает, отходят совестливо в сторонку, уступают дорогу.

«Только не это! Только не это!» — чуть не вскрикивал Петя, представляя все это явно.

А что же тогда? Идти? Куда идти? В какой-нибудь буерак? Загребеть со своим неразлучным баяном куда-нибудь под кручу и сломать себе шею? Хорошо?

Хорошо! Лучше, чем показать Тоне всю свою беспомощность! Остаться на месте? Топтаться тут до видного? Ждать людей? Просить, чтобы вывели на дорогу? Люди выведут, не откажут. Но люди и пожалеют по доброте своей людской. Вот, мол, сбился Петя-слепой с дороги и кружился всю ноченьку на бугре. Хорошо, мы подоспели, указали ему, куда идти.

Один сказал об этом другому, другой третьему, а третий, глядишь, и Тоне сказал, как кто-то Петю-слепого пожалел, помог ему.

«Только не это! Только не это!»

Петя вытянул шею, подставил враз оба уха одной и другой стороне, поводил головой справа налево, слева направо, вслушивался, даже к воздуху принюхивался. Собаки где-то в левой стороне брешут. А по всем соображениям, их никак там быть не должно. Да они и справа вон подают голоса. Ухают, как в бочке. Значит, справа место намного ниже, это по голосам собак ясно.

Нет, на собачьи голоса выходить рискованно. Он, какой-нибудь блудень лохматый, днем выдрыхся вволю, а ночью-то и кружит круговую по поселкам. А ты пойдешь на его голос — сам будешь такого же кругалю давать.

«А-а-а, была не была! Иду!» — решил Петя.

Он чуть не бегом побежал, так был крут бугор. Но вскоре дорога пошла отложе, только легче идти не стало — под ногами появились ухабины, ощутилась какая-то мягкость земли. Явно это низина. Да вон и водой затхлой потянуло! Да уж не тот ли это самый ручей, который они переходили по мосточку под крайними дворами? Должно быть, он, только в другом месте. Там, где переходили по мосточку, ручей тёк, вода его не была затхлой, а тут, видно, запруду на его пути поставили.

Под ногами захрустели сухие ветки. Петя ощупал их руками, понял: плотина. А может, просто топкое место забили хворостом.

Кажется, удачно миновал опасное место. Проскочил. Дорога вновь повела вверх. Вон и воздух уже чище сделался, полевой дух в него стал примешиваться. И на душе светлее стало: может, оно и ничего его, Петино, дело? Может, вынесет его куда-нибудь на дво-

ры? А там уж как-нибудь разберётся...

Но, видно, рано обрадовался.

Правая нога вдруг потеряла землю, ушла в пустоту, и ничего подобного не ожидавший Петя не устоял, взмахнул руками и упал. Баян, сорвавшись с плеча, отлетел в сторону. Какое-то время Петя лежал не шевелясь, затем начал потихоньку ощупывать вокруг себя землю. Упал он удачно, боли не ощущалось. Поднялся на колени и стал ползать уже на четвереньках, исследуя пространство по кругу. Наткнулся руками на баян, взял его и, чтобы не потерять совсем, ремень перекинул через голову.

Наконец определился: он угодил в канаву. Канавы не свежая, вырыта года два-три назад, потому что земля успела задержаться, под свежей травой прощупывалась прошлогодняя, сухая. Зачем в этом месте канавы, кто её копал? Будто нарочно она пролегла на Петинем пути. Опомнившись окончательно, Петя поднялся, вышел по отлогому берегу канавы наверх. На какую сторону вышел — этого уже не знал, закружился в канаве. Сколько ни ощупывал ногами землю — дорога так и не попалась. Понял, вошел в поле. «Подсолнушки, — определил он. — По ним можно бы узнать, где солнышко... Хотя, наверно, вечером они поворачиваются лицом на закат, провожают солнышко, а после полуночи поворачиваются на восход, навстречу солнышку. Сколько же сейчас времени?»

Извлёк из заднего кармана брюк кожаный кошелек, в котором хранились карманные часы без стекла. Ощупав чуткими пальцами стрелки, определил: два часа. Значит, время движется к рассвету.

Сколько ни ходил по полю, только измок весь до пояса в росе, а подсолнечных шляпок так и не нашёл. Их ещё не было, рано им, только-только завязь начала собираться. «Глупенькие вы ещё, глупенькие...» — поглаживал по завязям подсолнухов, понимая, что они-то ему ещё не указчики пути.

Подсолнухи тоже кончились неожиданно, земля враз повела вниз. Вскоре под ногами захлюпало, запахло тиной. Куда теперь? В какую сторону? Сил уже не хватало идти. И, видно, без посторонней помощи уже не выбраться на нужную дорогу.

Вернувшись на твёрдую сухую землю, Петя сначала беззвучно заплакал. Потом застонал. Стоны его делались всё продолжительнее и продолжительнее, совсем такие, какие бывают у детей. Ему не хотелось выдавать себя голосом, но он не смог остановить, задержать его в себе.

страшными, но хоть немного видели бы.

Вскоре Петю опажнуло свежим полевым духом. Он остановился и всем телом ощутил перед собой простор с восходящим над ним солнышком. Это начинался большой и новый летний день.

Где-то вдали загрохотала телега. Петя насторожился. Ехали явно в его сторону. Уже слышно, как на телеге гремят пустые бидоны. Значит, едут на дойку.

Спрятаться — было первое желание. Но сколько же можно прятаться? Где? А дома вот-вот хватятся его, побегут искать на Росляе. Узнают все — Петя пропал. Узнает и Тоня...

«Так... Раз притворился весёлым, а другой раз придётся притвориться пьяным. С пьяного какой спрос?»

Накинув торопливо ремни на плечи, заиграл, завихлялся, изображая из себя сильно пьяного.

На подводе ехала женщина. Остановила лошадь. Воскликнула удивлённо:

— Петь! Никак это ты! Вот те раз! А говорили, не пьёшь! А он, поглядите-ка на него, как на весёлое утро вымазался весь!

Петя остановился. Покачивался. А сам соображал: голос бабы что-то знакомый.

— Гу-у-уля-е-ем! — резко свел мехи баяна. — А чего нам журиться, холостым да неженатым! Успеем, когда женимся! На то она и молодость!

Покачнулся. Чуть взаправду не упал.

— Да держись ты! Держись! — Баба соскочила с телеги, подхватила Петю под руку. — Расшибёшься ведь весь! Ох ты, горюшко-то какое!

И Петя узнал — это тетка Анна, живет на Угольском, дальняя родственница по матери, она ведь у них, у Пети, не раз дома бывала.

«Значит, под Угольским я? Вот это отмахал!»

— Иди, иди к телеге! Отвезу тебя домой. Как же теперь...

— Тетка Анна! — Петя обнял родственницу за шею. — Я ведь тебя сразу признал!

— Ну и спасибо, ну и спасибо! А то ты да не признаешь! Ты у нас вон какой сметливый-то!

— Эх, тетка Анна! Голубая твоя душа! Жениться буду — в первом ряду будешь у меня на свадьбе сидеть! Для тебя одной играть буду!

Петя выкрикивал слова по-пьяному, но от тетки Анны отворачивался: духу-то винного в нем совсем нет, как бы не догадалась о его игре.

Усадив Петю, тетка Анна села сама на телегу, понукнула лошадь. А сама всё приговаривала:

— Вымазался-то! Наказание! И с кем это тебя так угораздило?

— Друзья! У меня их полно! Запоили!

— Они и запоят, им только поддайся! А тебя-то уж — особо! Ты всем играешь, всем веселишь души-то!

И Петя вновь заиграл и запел:

*Птица счастья
Завтрашнего дня...*

До дома Петя тетку Анну не допустил, попросил, чтобы она на меже остановила лошадь. Межой дошёл до своего огорода, свернул к дому, войдя во двор, прислушался: уехала ли тетка Анна. Телега загремела, удаляясь. Всё, вздохнул Петя, притворяться больше нет надобности, он дома. Прошёл на погребницу, где в углу, на свежем сене, была устроена его постель, сел обессиленно прямо на эту постель. Слышал, что идёт мать, но не мог пошевелиться.

Мать остановилась на пороге, запричитала тихонько:

— Петенька! Родненький! Да где ж это ты был-то?! Да что же это с тобой такое?! Кто это тебя так?

Петя, сидя в постели, протянул к матери руки. И, когда она подошла к нему, обхватил её, уткнулся лицом в живот, вздохнул:

— Устал я, мама. Как я устал, кто бы только знал.

Мать молчала, дрожащими пальцами разбирала спутавшиеся волосы сына.

Отстранив от матери лицо, поднял глаза и неожиданно для себя сказал:

— Мне бы в зеркало хоть разок поглядеться бы... В зеркало...

Многое, почти все знал Петя на запах, на ощупь, а вот что такое зеркало — этого понять никак не мог. Бывало, подносил зеркало близко к лицу, ощупывал его пальцами с одной и с другой стороны, но, не обнаружив никаких следов самого себя там, на стекле, со вздохом откладывал в сторонку. А сам всё думал: как же это так, человек сам себя в стекле видит?

— Одежду мою убери. Не показывай отцу и сестрам...

Перед вечером, как всегда, ребята собрались на крыльце у Полтора-Вани. Готовились на «улицу». Кто куда, кого где ждут и принимают, кого куда влечет.

По знакомой тропинке Петя шёл бодрым, поигрывающим шагом. Ещё издали он радостно приветствовал ребят:

— Здоровы были, соколики! Куда полетим ныне?

Здороваясь с каждым за руку, Петя узнавал ребят. Он шутил, но в то же время был необычно насторожен: не знают ли чего о нём, о его ночном путешествии в сторону Угольского, не зубоскалят ли? Но ребята вели себя тихо, смиренно, и Петя враз понял, что здесь есть кто-то ещё. Он стал прислушиваться, узнавать, кто бы это мог быть. А ребячьи голоса между тем совсем затихли, удалились куда-то в темноту, в даль. Рядом же с Петей остался лишь один голос, нежный, ласковый, девичий:

— Ты куда же вчера так скоро пропал?..

«У меня свои дороги», — хотел было ответить Петя, но не смог, замер, словно заикнулся на полуслове.

Он ещё не совсем осмыслил, что говорила, что сказала ему сейчас Тоня. Он не мог понять этого без баяна, без его чутких, податливых пуговок. Путаясь и теряясь в ремнях, Петя развернул мехи, повёл их вначале медленно, а потом всё шире и шире. Музыка родилась как бы сама собой, одиноко и непривычно прозвучала в темноте, а через мгновение позвала, поманила за собой песню. Петя пропел первую строчку, ещё сам робея и не веря, что песня получится, но Тоня тут же подхватила её — и песня родилась, чистая и светлая и, наверное, слышимая на самых дальних деревенских околицах.

Так и пронесли они её вдвоём с Тоней через всё село до самого Росляя, где их ждали и никак не могли дождаться ребята...

Николай НАСЕДКИН

ИСК

Правдивая повесть об уроках
одной судебной тяжбы
с приложением добрых советов идущим в суд

Несколько предварительных слов

От сумы да от тюрьмы, говорят, не зарекайся. Добавлю: и — от суда.

Хотя, конечно, и в тюрьму попадают, в основном, через суд, но, во-первых, не всех подсудимых, а тем более ответчиков сажают, а во-вторых, через мытарства суда помимо них проходят потерпевшие, истцы, заинтересованные лица, свидетели, — все те бедолаги, коих судьба затащила в судебную машину помимо их воли и заставила, тратя нервы, силы, здоровье и часть своей жизни, трястись в ней по ухабам судебного делопроизводства энное количество времени.

Николай Наседкин родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда», «Российский колокол» и др.

Автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и других, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Председатель правления Тамбовской писательской организации. Секретарь Правления Союза писателей России.

Одним словом, речь идёт о сотнях тысяч, если не миллионах сограждан, которые уже участвовали в судебных спектаклях или участвуют в данное время. Всем им, мученикам нашей судебной системы, посвящается это былинное (тут и эпическая былина, и правдиво-документальная быль) повествование. Адресовано же оно, в первую очередь, тем, кто попадёт под колёса судебной машины, ещё не подозревая об этом, завтра, тем, кто зарекается.

Суд как таковой был придуман и создан ещё в библейские времена единственно для блага людей. Он должен был обеспечить любому и каждому обиженному, утеснённом, ограбленному торжество справедливости, защитить его права. Однако ж история, литература и, в первую очередь, фольклор свидетельствуют, что суд пользуется в народе, мягко говоря, странной репутацией. Стоит заглянуть хотя бы в кладезь народной мудрости — словарь В. И. Даля:

- *Судиться — не Богу молиться: поклоном не отделаешься.*
- *Порешил суд, так будешь худ.*
- *Не бойся суда, бойся судьи.*
- *Неправдою суд стоит.*
- *Суд прямой, да судья кривой.*
- *В суд пойдёшь — правды не найдёшь.*
- *Судье полезно, что в карман полезло.*
- *Тяжба — петля; суд — виселица.*
- *Земля любит навоз, лошадь овёс, а судья приносит...*

И т. д., и т. п., и пр. — вплоть до классической:

- *Закон дышло: куда повернул, туда и вышло.*

Владимир Иванович, сам, видимо, поразившись такому густому недоверию народа к судам, сделал внизу словарной страницы красноречивое примечание: «У нас не было ни одной поговорки в похвалу судам, а ныне я одну слышал: *Ныне перед судом, что перед Богом: все равны*». Где слышал? От кого слышал?.. Не растолковывает. Не исключено, что сам же по доброте душевной поговорку эту и придумал.

Современник Даля Фёдор Михайлович Достоевский, посвящая полтора века назад немало страниц своего «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых» тогдашней судебной реформе, не уставал печалиться и гневаться, поражаясь её медлительности, а также и несуразностям судебной практики, в ходе реформы только умножающимся. За полтора десятка лет, минувших с той поры, несуразнос-

тей меньше не стало, и судебная реформа конца века XX-го и начала XXI-го точно так же, как и её предшественница века XIX-го, до неприличия затянулась и пробуксовывает...

Впрочем, хватит теоретизировать. Пора к делу. Дальше следует, на первый взгляд, совершенно невероятная история из судебной практики, а самое невероятное в этой истории то, что подобные ей в нашей расейской судебной системе происходят-случаются сплошь и рядом, типичны и обыденны — несмотря даже на как бы бурно как бы идущую как бы уже много лет судебную как бы реформу-перестройку...

1. Предыстория

В достославный город Баранов (назовём-обозначим этот областной центр хотя бы так) приехал я в 1982 году по распределению, окончив факультет журналистики МГУ. Редактор областной молодёжки (так тогда именовались в обиходе комсомольские газеты) заманил-завербовал меня в эти глухоманные чернозёмные палестины обещанием, что-де сразу и немедленно одарит меня, несмотря даже на мой холостяцкий статус, отдельной квартирой. Само собой, редактор фантазировал, как сивый мерин, всё оказалось блефом, и я, промаявшись год в рабочей общаге, уже начал паковать свой единственный чемоданишко, как вдруг...

Видимо, суждено всё же было Баранову стать моим родным и судьбоносным «местом жительства». Короче, сначала я влюбился, затем, как следствие, женился, вскоре наметилось прибавление в семействе. Жена моя работала в той же редакции молодёжной газеты, а жила прежде с матерью в маленьком частном доме, где обитала ещё и семья брата. Более года помытарились мы, снимая чужую квартиру на окраине города, пока, наконец, не получили свою — в новом доме на улице Интернациональной в самом центре Баранова. Это был не дом, а просто какой-то архитектурный монстр: десятиэтажная кирпичная крепость, придавившая собою целый квартал. Резкими выступами и углублениями по фасаду дом напоминал гигантский коленчатый вал. Спереди на уровне второго этажа висел стеклянный параллелепипед Дома торговли «Баранов». Большой пролёт стены этого магазина вскоре рухнул (обошлось, слава Богу, без жертв!), бока его подпёрли по всему периметру железны-

ми балками, и дом наш в народе стали звать с тех пор домом на курьих ножках.

Архитектором нашего дома-монстра был какой-то армянин, и этот его проект предназначался, говорят, для Еревана, но почему-то воплотился в Баранове. Впрочем, сейчас речь идёт не о совершенно нелепых лестничных маршах, которые расположены абсолютно в стороне от жилых секций-коридоров, и на них надо попадать по открытым всем ветрам и стужам уличным переходным балконам, громоздящимся прямо над подъездом этажеркой. (Пацаньё, само собой, сразу облюбовало эти балконы: интересно же поплевать вниз на головы входящих, а то и сбросить чего-нибудь посущественнее и потяжелей!) Существеннее то, что даже этот несуразный проект наши доморощенные строители сумели сделать ещё анекдотичнее, в результате чего нумерация квартир получилась такая, что даже и в «жёлтом» доме вряд ли бывает. Дело в том, что, то ли по пьяни, то ли в шутку, строители поставили перегородки не посередине, как проектировалось, коридоров, чтобы три квартиры имели выход, допустим, во 2-й подъезд, а три — в 3-й, а взяли и заглушили кирпичной перегородкой один из выходов. В результате получился длинный коридор на шесть квартир с одним выходом.

Нам досталась однокомнатная квартира № 93 на 6-м этаже в 3-м подъезде, и волею судьбы да «вольных каменщиков» в соседях оказались у нас жильцы квартир №№ 92, 94, 165, 166 и 167. И на всех — общий коридор в 2 метра шириной и добрых 35 метров длиной. Горожане, обитающие в «хрущёвках» с крохотными лестничными площадками, вполне могли позавидовать: длинный светлый тёплый коридор (восемь окон с форточками, восемь батарей отопления) — детишкам на велосипедах можно кататься, старичкам в дурную погоду гулять-разминаться. На некоторых этажах соседи сразу же дружно скооперировались и в конце коридора, в «аппендиксе», соорудили общую кладовочку на шесть квартир — велосипеды, детские коляски, старую мебель хранить... Если учесть, что подвалов в доме не было, эти общие кладовочки здорово облегчали быт дружным жильцам-соседям.

На нашем 6-м этаже договариваться тоже было начали, но переговоры быстро зашли в тупик: хозяйка 92-й — самой крайней в глубине коридора — Т. М. Ульянова почему-то воспротивилась отрез. Впрочем, её долго не уговаривали: не хочет так не хочет — чужую волю уважать надо. Поудивлялись, конечно: неужели ей са-

мой не нужен в хозяйстве закуток-кладовочка? Странно, непонятно!

Вскоре хозяйка 92-й развелась с прежним мужем, выселила его, но вдвоём с дочкой обитала в квартире недолго — тут же въехал к ним некий бизнесмен-предприниматель Тимофей Сыскунов. В качестве мужа или сожителя, не суть важно (в паспорта соседи не заглядывали), главное, что квартира числилась за Тамарой Моисеевной, она как была, так и оставалась полновластной хозяйкой 92-й — с неё, как говорится, и спрос.

Но именно с появлением Т. Б. Сыскунова всё и началось: хозяева 92-й призвали-наняли рабочих, те завезли-натаскали на этаж кирпичей, раствора и шустро соорудили мощную перегородку, отхватив в единоличную собственность для Ульяновых-Сыскуновых добрую треть общего коридора (с тремя окнами да тремя радиаторами), напрочь отгородив их от соседей. Соседи интеллигентно, в целях сохранения мира и спокойствия, смолчали в тряпочку.

Аппетит, как известно, приходит во время еды, особенно у хищников. Однажды в ясный будничный день (был четверг 19 ноября 1998 года) мы, ближайшие соседи, случайно оказавшиеся дома, услышали шум-грохот в коридоре, а когда выглянули, то узрели, что там громоздятся железные конструкции, светится-шумит пламя газосварки, и под руководством Тимофея Сыскунова полным ходом идёт монтаж новой металлической перегородки. Причём, устанавливается она не вместо прежней кирпичной, а впереди её ещё на три-четыре метра. Таким образом, предприимчивые хозяева 92-й на глазах у честного люда прихватывали-отграбывали уже почти половину общего коридора (13 погонных метров!), но, главное, напрочь закрывали последние из оставшихся в данной секции окно и радиатор, оставляя для ближайших соседей холодный (зимой), душный (летом) и тёмный (всегда) тупик.

Робкие попытки соседей образумить Сыскунова, уговорить-умолить его не ставить дополнительную перегородку, не лишать их луча света в этом крыле коридора — пропали втуне. Тимофей и разговаривать не пожелал, только бросил-процедил через плечо, что, мол, сделаю я вам, убогим, свет: над перегородкой фонарь сооружу — будет гореть круглосуточно. Соседям бы удовлетвориться, да и порадоваться за Ульяновых-Сыскуновых: у людей появилась дополнительно и задаром чудесная светлая комната для собаки, под склад, а может, под уютный холл... Но соседи интеллигентность свою окончательно утратили и нагло выразили свой протест. Причём, не

только на словах, но и на бумаге. А именно: написали мы в тот же день заявление на имя директора МПЖХ-3 (расшифровывается эта абракадабра, вроде бы, как — муниципальное предприятие жилищного хозяйства номер три), к которому относился наш «дом на курьих ножках». Знали б мы тогда, в какую канитель ввязываемся!..

Первое (теперь уже историческое) заявление выглядело так:

Начальнику МПЖХ-3 Ленинского р-на г. Баранова
от жильцов квартир 93, 94, 165, 166 и 167
дома № 36 по ул. Интернациональной

ЗАЯВЛЕНИЕ

Несколько лет назад жильцы кв. 92, не согласовав ни с кем из соседей, отгородили значительную часть общего коридора (с тремя окнами и тремя отопительными батареями) капитальной кирпичной стеной, чем значительно ухудшили наши жилищные условия. Однако в целях мира и спокойствия мы протестовать не стали.

И вот только что, 19 ноября с. г., днём, буквально за один час они смонтировали новую перегородку уже из железа, отгородив ещё несколько метров общего коридора, и теперь в их индивидуальном пользовании находится почти половина его.

В результате этого:

1. Отгорожена-закрыта последняя отопительная батарея в этом крыле коридора.

2. Отгорожено-закрыто и последнее в этой части коридора окно, так что на пять остальных квартир теперь осталось только четыре окна из восьми, поэтому:

а) большая часть оставшегося коридора превращена в глухой, тёмный тупик;

б) в случае пожара, задымления (что уже случилось в нашем коридоре) не будет возможности проветрить эту часть коридора;

в) теперь нет вообще никакой возможности нормально проветривать коридор, особенно в летнюю жару.

3. Собака из кв. 92, которая содержится в отгороженной части коридора, теперь практически находится под стенами квартир 93 и 94 и своим лаем доставляет массу неудобств.

4. Немаловажен и тот фактор, что жильцы кв. 92 относятся к категории предпринимателей, так что если какие-нибудь рэкетеры или конкуренты начнут взрывать их дверь (что случается в наши дни сплошь и рядом), то теперь от взрыва пострадают и стены соседей.

5. Наконец, в-пятых, и самых главных: насколько нам известно, в

домах с коридорной системой вообще запрещено в общих коридорах сооружать какие-либо перегородки без согласия соседей.

В связи с вышеизложенным просим вас употребить все меры для того, чтобы все и всяческие перегородки (и новая железная, и старая кирпичная, и все остальные, сколько там понастроено ещё) в нашем коридоре на 6-м этаже дома № 36 по ул. Интернациональной были разобраны-убраны.

Очень надеемся на скорое решение этой довольно простой проблемы!

(Дата, подписи жильцов-соседей)

Нам, наивным, казалось, что мы ну о-о-очень убедительно изложили суть дела, и что оно действительно выеденного яйца не стоит. Я даже для подстраховки указал в свой подписи, что, мол, «член Союза журналистов и Союза писателей России», и жену тоже заставил «признаться», что и она член Союза журналистов да к тому же — корреспондент областной газеты «Барановская жизнь». С одной стороны, конечно, в какой-то мере давление на тех, кто будет с заявлением разбираться и даже вежливый шантаж, с другой — просто ненавязчивое предупреждение потенциальным бюрократам: в случае, если начнёте дело волокитить — оно может получить огласку.

Ага, щас! Напужали! Это раньше, в «брежние» времена, бюрократы «четвёртую власть» побаивались (за критику в газете и премий лишали, и в должности могли понизить и даже под суд отдать), в эпоху же «ельцинизма»...

Впрочем, вернёмся к аргументам и фактам. Здесь самое время и место дать потенциальным жертвам-участникам судебных игрищ первый **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *пишите-составляйте заявления (исковые, по инстанциям) строго, деловито, лаконично: с первых же строк только суть, ссылка на закон и — никакой лирики.*

К примеру, в нашем случае собачий лай под дверью, гипотетические взрывы рэкетиров-конкурентов и даже нарушения противопожарной безопасности — это как раз и есть лирика. Соль же заявления содержалась в последнем (5-м) пункте, да и то была выражена чересчур робко и просительно («насколько нам известно...»): сразу видно — писали лохи, писали «вшивые» интеллигенты, писали робкие людишки, сами же, первые, не уверенные в своих правах. По-деловому это заявление должно было выглядеть так:

ЗАЯВЛЕНИЕ

В нашем общем коридоре на шесть квартир хозяева 92-й квартиры своровали большую часть общей коридорной площади, самовольно установив перегородки, чем нарушили статьи Гражданского кодекса (такие-то), Уголовного кодекса (такие-то), Конституции РФ (такие-то) и Всеобщей Декларации прав человека (такие-то).

Требуем незамедлительно принять меры к тому, чтобы перегородки в нашем общем коридоре были снесены, и хозяева 92-й квартиры привлечены к административной ответственности.

Так как кодексы наши постоянно меняются, периодически появляются к ним уточнения и дополнения, то желательно найти среди своих знакомых юриста или не пожалеть денег на юридическую консультацию, где помогут грамотно указать ссылки. Мы, к примеру, ни сном ни духом не ведали, что в Гражданском кодексе имеется статья 289 «Квартира как объект права собственности», в которой чётко сказано:

«Собственнику квартиры в многоквартирном доме наряду с принадлежащим ему помещением, занимаемым под квартиру, принадлежит также доля в праве собственности на общее имущество дома».

А следующая замечательная статья под номером 290 недвусмысленно разъясняет и уточняет:

«1. Собственникам квартир в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности общие помещения дома, несущие конструкции дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающее более одной квартиры.

2. Собственник квартиры не вправе отчуждать свою долю в праве собственности на общее имущество жилого дома...»

Более того, действия Ульяновых-Сыскуновых вполне подпадают и под статью 330 «Самоуправство» Уголовного кодекса, по которой предусматривается весьма строгое наказание вплоть до исправительных работ и ареста. И уж совсем нам в головы не могло придти, что наша коридорная история напрямую сопряжена с 17-й статьёй Всеобщей Декларации прав человека:

1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.
2. Никто не должен быть произвольно лишён своего имущества.

Между тем, доставил я нашу дилетантскую «телегу» в МПЖХ-3, где сразу выяснилось одна деталь, которая формулируется в ещё один **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *каждое заявление по инстанциям необходимо предоставлять в двух экземплярах и обязательно требовать, чтобы на втором экземпляре чиновник или секретарша, принимающие заявление, указали дату, номер регистрации, телефон канцелярии и расписались. С этого второго экземпляра, который остаётся у заявителя, желательно сделать и две три ксерокопии — пригодится.*

С нашим заявлением разбираться выпало инженеру данной коммунальной конторы А. Л. Лоскутовой. Она сразу, ещё не до конца дочитав заявление, начала вдруг жарко жаловаться нам же на то, что-де власти у них, «рядовых коммунальщиков», ужасно мало, и она помочь вряд ли нам сможет, так что, мол, лучше сразу же обратиться в районную администрацию. Однако заявление наше инженер Лоскутова с неохотой, но всё же зарегистрировала. А мы тем временем отпечатали на пишмашинке то же заявление ещё в двух экземплярах — уже на имя главы Ленинского района г. Баранова Э. А. Немчурова и доставили в канцелярию райадминистрации 20-го ноября.

Долго ли коротко ли время шло, перегородки благополучно стояли, только 17 декабря нам пришлось наше заявление срочно распечатывать ещё в четырёх экземплярах, с новой шапкой, и бегом доставлять его ещё в две конторы. Дело в том, что вскоре после моего похода в райадминистрацию появилась-таки в нашем коридоре представительная комиссия, в составе которой был даже милиционер с табельным оружием в кобуре. Расстреливать Ульянову, хозяйку 92-й квартиры, конечно, никто не стал, но через день-два ей прислали строгое предписание: перегородки в общем коридоре немедленно снести! Нас, заявителей и чрезвычайно заинтересованных лиц, об этом чудесном строгом предписании уведомить почему-то не спешили. И только 16-го декабря мы получили наконец бумагу из администрации Ленинского района, датированную 1-м декабря (между зданием администрации и нашим домом по прямой — 500 метров!), где сообщалось, в частности:

...квартиросъёмщику кв. 92 выдано предписание о предложении сноса перегородки до 15.12.98. Если самовольное строение не будет убрано до указанного срока вопрос должен решаться в судебном порядке.

(Стиль, пунктуацию и орфографию документов я и далее буду по возможности оставлять во всей их первозданной красе.) Естественно, я в качестве представителя соседей поспешил в администрацию, дабы сообщить, что «предписание о предложении» не возымело действия на хозяйку «самовольного строения», и уточнить — кем и когда «вопрос должен решаться в судебном порядке»? Можно представить себе выражение моего лица, когда в канцелярии администрации я увидел-узрел в деле № 989 о «нашей» злополучной перегородке поверх ответа Немчурова резолюцию за подписью его подчинённого — начальника отдела жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства администрации А. А. Володькина, датированную 10-м декабря: заявление снять с контроля ввиду того, что хозяева кв. 92 оформляют-де в управлении архитектуры мэрии разрешение на свою перегородку.

Ни хрена себе! Я бегом помчался в кабинет г-на Володькина, дабы заглянуть ему в глаза и лично убедиться: может, он действительно до сих пор понятия не имел, что без согласия соседей никто и никогда (даже сам Президент!) не разрешит, не узаконит захват в личное пользование общего коридора? Взглянув на чиновника Володькина, на его лоснящееся лицо и равнодушные сытые глаза (типичнейший салтыковско-щедринский герой!), я вполне догадался: все, какие надо, понятия он имеет, и гражданка Ульянова побывала здесь не зря...

Кстати, забегая ужасно вперёд, сразу скажу, что многие перипетии данной перегородочной тяжбы, поведение иных чиновников и прочих ответственно-безответственных лиц выглядят с точки зрения нормального человека совершенно алогичными, нелепыми, странными и необъяснимыми (казалось бы, сделай всё по закону, как положено, по инструкции и — тебе же меньше хлопот!), так что волей-неволей пришлось объяснение этому предполагать только одно, и, опять же, совершенно в духе незабвенного Михаила Евграфовича: берут-с! Характерен в этом плане невольный вздох-признание гражданки Ульяновой во время очередного судебного заседания, уже на четвёртом году тяжбы, мол, ужас, сколько ей при-

шлось денег из-за этих перегородок извести — целый дом можно было бы построить!..

Ну так вот, поняв, что с чиновником Володькиным говорить бесполезно, я на следующий день пробился на приём к самому Немчурову. Признаться, тоже пришёл с небольшой «взяточкой» — вручил для начала знакомства свою книгу «Криминал-шоу», изданную незадолго до того в Москве. Не знаю, как с другими посетителями, но со мной Эдвард Алексеевич был сама любезность. Внимательно выслушал, сочувственно цокал языком, к случаю доверительно поведал и о своих тяжбах-проблемах, заботах и делах, а затем вызвал Володькина, поставил его перед собой на ковёр и сделал подчинённому в моём присутствии строжайшее внушение: затянувшийся коридорный конфликт разрешить немедленно и в соответствии с буквой закона. Начальник жилкомотдела поелику возможно вытянулся в струнку и пробурчал: будет исполнено! Причём, Э. А. Немчуров оказался столь деликатен, что не стал выяснять у подчинённого (по крайней мере, при мне) — почему, из каких таких интересов тот попытался спустить дело на тормозах?..

И здесь необходимо сформулировать ещё один — **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *не надо индифферентно ждать вестей-ответов от инстанций, в которые вы обратились за помощью, следует настойчиво, хотя бы по телефону, требовать оперативного ответа.*

Это правило особенно актуально в наше время, когда многие госучреждения, почти все конторы, вплоть до судебных, экономят на почтовых расходах. Между прочим, на дверях судебных кабинетов так-таки откровенно и пришпилены беспардонные бумажки-требования: в связи, дескать, с недостаточностью финансирования просим к исковым и кассационным заявлениям прилагать маркированные конверты по числу участников процесса. Спасибо, что вход в здание суда и туалеты в нём ещё остаются бесплатными... Хотя, впрочем, насчёт туалетов я поторопился: туалеты в судах (а мне довелось бывать в двух районных и областном) прочно закрыты-замкнуты на кодовые или обычные замки и доступны только для жителей Фемиды. Как выходят из положения обычные посетители в случае приступа диареи — не знаю: самого Бог миловал..

А между тем, как упоминалось, в тот же день, 17 декабря, я всё же сбежал на всякий пожарный случай, огнёс заявления о незаконных перегородках в отдел по делам строительства и архитектуры

мэрии Баранова и, вот именно, в пожарную часть. Начальник пожарных В. Г. Дьячков, как и положено человеку служивому, откликнулся вполне оперативно (22 декабря), но странно:

Ваше заявление от 17 декабря 1998 года рассмотрено с выходом на место.

В ходе проверки установлено, что сведения изложенные в Вашем заявлении, вопросы пожарной безопасности не затрагивают.

Из Управления архитектуры и градостроительства мэрии г. Баранова 2.12.1998 года в СПЧ-1 поступило заявление о возможности регистрации перегородки в коридоре 6-го этажа кв. 92 по ул. Интернациональной, 36 гр. Ульяновой Т. М.

Заявление рассмотрено с выходом на место и предложено металлическую перегородку обложить кирпичной кладкой...

Я не знал тогда, какое пожарное образование имеет Дьячков, но он явно не знал азбучных противопожарных истин: в длинном коридоре со множеством квартир любые перегородки затрагивают «вопросы пожарной безопасности». Что касается мифического заявления из управления архитектуры, которое якобы поступило в пожарную часть, то это вообще из области чёрного юмора: мэрии города больше делать нечего, как писать заявления в районные пожарные части по поводу перегородок всяких гражданок Ульяновых. Немаловажно, что два похода distinguished пожарных в наш коридор («с выходом на место») для ближайших соседей прошли незамеченными. Ну а насчёт обкладывания металлической перегородки «кирпичной кладкой», думаю, и комментировать нечего: ещё бы предложили Ульяновым-Сыскуновым их первую, кирпичную, перегородку заковать в железо и броню...

Когда в первом газетном материале о перегородочной истории я высказал свои соображения о странном ответе пожарника Дьяčkова, он тут же прислал в редакцию горячее, пылающее огнём гнева письмо или, вернее, даже не письмо, а — эпистолярно-мемуарную новеллу под заглавием «Чёрная зависть», не лишённую литературных изысков (привожу в некотором сокращении):

ЧЁРНАЯ ЗАВИСТЬ

Прочитав статью в газете от 17 марта под названием «Захват», не мог не ответить «куриному соббору» Н. Наседкину, который иронизирует по поводу моей профессиональной подготовки.

Во-первых, не к лицу члену Союза журналистов и Союза писателей печатать непроверенный материал и заниматься подтасовкой и передёргиванием фактов и вот почему. Заявление ваше мною не рассматривалось, так как я был занят другой работой, а было оперативно рассмотрено одним из заместителей, который и подписал ответ. В письме направленном заявителям отмечалось, что 2 декабря 1998 года из управления архитектуры и градостроительства мэрии поступил запрос с просьбой подготовить заключение о возможности регистрации перегородки, возведённой самовольно Т. М. Ульяновой. 3 декабря инспекцией госпожнадзора части было подготовлено заключение, что перегородка может быть зарегистрирована при условии устройства её из кирпича. Кроме того гражданка Ульянова за самовольное строительство была оштрафована на 50 рублей.

А во-вторых, гр. Наседкин, позвольте провести с Вами маленький пожарный ликбез. Перегородка, выполненная из кирпича, будет отгораживать часть тупикового коридора, в котором имеется всего 1 выход из кв. 92. кирпичная перегородка в данном случае не является нарушением противопожарных требований, так как не снижает предел огнестойкости здания, не препятствует эвакуации людей и тушению пожара. Для выпуска дыма останется ещё 4 оконных проёма.

Вами движет чёрная зависть, которую Вы изливаете на строителей, предпринимателей, пожарных, администрацию района и других. Как так часть коридора заняла одна семья, а у Вас такой возможности не оказалось.

Вы предлагаете в конце коридора сделать общую кладовочку на шесть квартир, а вот этого как раз делать нельзя, запрещают «Правила пожарной безопасности в РФ» устраивать в лестничных клетках и в коридорах кладовые.

А в заключение на Ваш вопрос какое образование у начальника части В. Г. Дьячкова отвечаю: высшее, окончил ВИПТШ МВД, стаж работы в пожарной охране — 25 лет, на счету десятки потушенных и предупреждённых пожаров. Высшее специальное образование имеют все сотрудники инспекции государственного пожарного надзора части, которые, кстати, проводят большую работу по предупреждению пожаров в Ленинском районе. Только в прошлом году ими про-

верено противопожарное состояние 501 объекта, за нарушение правил противопожарной привлечено к административной ответственности 219 должностных лиц...

(Далее следует ещё полстраницы цифр и победных реляций. — Н. Н.)

Так что, гр. Наседкин, пусть читатель сделает вывод, кто занимается делом, а кто кудахтаньем, благоустраивая собственный «курятник»...

Как видим, Дьячкову удалось (и не однажды) весьма остроумно обыграть-связать мою «куриную» фамилию с метафорическим названием нашего «дома на курьих ножках». Удалось в какой-то мере пожарному начальнику и подчеркнуть-показать свою воспитанность: все эти «Вы» с большой буквы, обращение «гр.» (может, даже — граф?). Но вот с фактами и логикой у г-на Дьяčkова (замечу попутно — как у многих начальников!), сразу заметно — напряжёнка явная. Он обвинил меня в «подтасовке и передёргивании фактов» на том основании, что ответ подписал не он, а его зам. Но под ответом чётко машинописью было обозначено «Начальник части В. Г. Дьячков» и — закорючка, которую и сам Шерлок Холмс не разобрал бы. Так что в подтасовке следовало обвинять неведомого зама г-на Дьяčkова, почему-то забывшего перед росписью, как это и положено, приписать «за» или «вместо».

Далее пожарный начальник упоминает о «запросе с просьбой подготовить заключение», который поступил в СПЧ-1 из мэрии, но в ответе жильцам-соседям, как мы помним, лексика несколько другая: «заявление о возможности регистрации перегородки...» Думаю, любой и каждый согласится, что «запрос с просьбой» это совсем не «заявление», так что налицо ещё одна подтасовочка пожарных: ведь, получается, они пытались в первом ответе уверить нас, будто управление архитектуры мэрии уже полностью на стороне г-жи Ульяновой.

Но сообразительный читатель уже понял, что кульминация весьма своеобразной логики командующего районной пожарной частью проявилась особенно ярко не в этих мелких обманах, а в дальнейшем пассаже — про кирпичные перегородки и общие кладовочки. Только вдуматься: пятую часть общего коридора для кладовой на шесть квартир отгораживать «Правила пожарной безопасности РФ» запрещают, а почти половину этого же коридора для кладовой

одной квартиры те же самые пожарные правила-инструкции позволяют! Вот уж, действительно, закон, что дышло... Причём, Дьячков как бы напрочь позабыл о самом существенном противопожарном факте: все перегородки в этом общем коридоре со стороны «нехорошей» 92-й квартиры перекрывают второй выход из коридора — во 2-й подъезд. Интересно, где были пожарные, когда дом наш принимался в эксплуатацию?

Короче, если бравый начальник Дьячков и окончил «ВИПТШ МВД» (хрен знает, что это такое!), но логику, скорей всего, там не преподавали. А если и преподавали, то не против-, а именно — пожарную какую-то логику.

Впрочем, Бог с ним, с этим районным брандмайором, я так подробно остановился на его ответах, дабы понагляднее показать, что с самого начала этой перегородочной истории появилось ощущение, будто разворачивается она не в городе Баранове на переломе XX и XXI веков, а в середине XIX столетия в незабвенном глухоманном Глупове.

Ну, а из управления архитектуры мэрии, на которое так беспардонно ссылались пожарные, также поступил хоть и с опозданием, 20-го января, но почти что деловой ответ, подписанный начальницей О. П. Скороходовой:

...По заявке владельца кв. 92 управлением рассматривался вопрос регистрации перепланировки, но в связи с тем, что она произведена самовольно с нарушением действующих норм и может ущемить интересы проживающих на этом этаже граждан, заявителю отказано в её регистрации, поданное заявлением им отозвано.

Для решения вопроса сноса установленных перегородок Вы можете обратиться в УМПЖХ, обслуживающее жилой дом, или в суд.

Почему же ответ почти что деловой? Да потому что в ответе почему-то не содержалось ссылок на прекрасные статьи 289 и 290 Гражданского кодекса (вот бы ещё тогда нам о них узнать!) и вместо сообщения о том, когда незаконные перегородки будут снесены, всего лишь красовался бесплатный совет начать портить себе нервы и судиться. Ну неужели у наших властей так мало этой самой власти, чтобы паршивые вопреки всем правилам и законам установленные перегородки убрать без всякой волокиты? Никак я этого не понимал и до сих пор не понимаю!

Впрочем, не будем впадать в патетику.

Итак, время шло, перегородки незыблемо стояли, и хозяев 92-й квартиры строгое районного начальства «предписание о предложении сноса перегородки до 15.12.98» ничуть не озадачило. Делать нечего, подпоясался я, взял, образно говоря, посох в руки и отправился сначала в МПЖХ-3, где мне сообщили, что-де 26-го декабря гражданочке Ульяновой было выдано ещё одно «предписание о сносе перегородки», однако ж она на него, это самое предписание, выходит, начихала с нашего шестого этажа. На этом, как я понял, низовое коммунальное начальство свою власть и свои силы исчерпало. Пришлось идти опять в райадминистрацию, к Э. А. Немчурову. Эдвард Алексеевич вновь вызвал на синтетический ковёр своего кабинета г-на Володькина, топал, опять же — образно говоря, на него ногами и категорически потребовал ускорить решение вопроса о сносе незаконной перегородки... Само собой, у меня начало складываться впечатление, что дело начало крутиться по кругу и без всякого спирального прогресса — в одной плоскости.

Прошло ещё три недели без малейших результатов и последствий от гневного топая начальнических штиблет по синтетическому ковру — перегородка красовалась на прежнем месте. Тогда 3 февраля уже 1999 года решил я ещё раз поглядеть в глаза Володькину. Сделать это оказалось не так-то просто: нет, на приём к начальнику отдела жилкомхоза райадминистрации я пробился, но взгляд его оставался всё таким же сонно-рыбьим и непроницаемым. Правда, он при мне позвонил в МПЖХ-3 и довольно категорично потребовал составить наконец-то акт о наличии злополучной перегородки...

Вскоре мы получили бумагу за подписью г-на Немчурова с кратким сообщением, что районная администрация подаёт на г-жу Ульянову в суд. Естественно, мы тут же услышали звон фанфар и литавров — уж если до суда дело дошло!.. Концовка моего первого материала-рассказа «Захват» о перегородочной тяжбе, появившегося в городской газете в марте 1999 года, была пронизана наивным оптимизмом, несмотря на некоторую горечь:

Подведём предварительные неутешительные итоги. Пусть г-жу Ульянову не научили в детстве, что чужое брать нельзя, а общее — это не личное. Бессовестность г-жи Ульяновой — её личная беда. Но вот понадобилось более 15-ти человеко-походов занятых людей

по инстанциям, уже четыре месяца времени, переведена куча дефицитной бумаги, прояснилось, что власти наши властью не обладают. Или обладать не хотят. Зато бюрократические методы «брежних» времён цветут махровым цветом. Представим на минуту, что к примеру, инспектор ГИБДД вместо того, чтобы оштрафовать злостного нарушителя за рулём, начнёт жаловаться на него в суд... (Я и предполагать тогда не мог, что так вскоре и будет! — Н. Н.) Представим, что какой-нибудь хам из «новых русских» поставит гараж прямо на тротуаре рядом с подъездом, дабы утром ему удобней было отправляться по делам — неужели власти городские начнут с ним судиться?..

В стране у нас творится полный, извините, бардак. Бессовестные новые хозяева жизни, чувствуя безвластие, творят беспредел. И это не прекратится до тех пор, пока перегруженные суды будут копаться в «перегородочных» делах, а власти предержажшие будут вместо работы таскаться по судам и получать приличные зарплаты...

В следующем материале из этого «коммунального сериала» под названием «Захват-2» я надеюсь изложить подробности судебного процесса — Ленинская администрация против г-жи Ульяновой. А эту серию закончу всё же на оптимистичной ноте: во-первых, хорошо, что истцом всё же выступает районная администрация — нам, простым смертным, тяжело даже и в суде с новыми хозяевами жизни. Во-вторых, мы, простые смертные, попробует на суде поднять вопрос о возмещении нам морального ущерба. Ведь даже г-жа Ульянова как бизнесменша должна понять и почувствовать, что за всё — в том числе за многомесячное мотание нервов соседям — надо платить...

Так и читается между строк: уж теперь-то торжество справедливости не за горами... Эк ведь детство какое! И тут, заскакывая вперёд, самое время дать очередной **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *на соседей, ущемивших ваши права, иск в суд подавайте только сами — никакая администрация, никакая чиновничья шалупонь не способна отстаивать ваши попранные, ущемлённые права лучше, убеждённое и настойчивее вас самих.*

2. Судебное крещение

Кстати, о соседях.

Если бы в самом начале перегородочно-коридорного конфликта

все жильцы до единого из пяти квартир (человек пятнадцать!) дружно пришли к Ульяновым-Сыскуновым и хором, но в один голос твёрдо потребовали хотя бы металлическую перегородку убрать — думаю, даже этих «новорашей» толстокожих проняло бы. Однако ж реальные силы «движения сопротивления» и в самом начале войны с захватчиками-оккупантами общего коридора оказались по разным объективным и не очень причинам весьма жидки, а затем и вовсе начали таять и редеть.

Квартира 165 почти сразу отпала: прежние хозяева как раз вскоре её продали, новые вселяться не спешили, сдавали в наём — нелегальные жильцы-наниматели, естественно, ни во что не вмешивались. Скопцовы, супруги-пенсионеры из самой крайней к выходу 167-й квартиры, поначалу активно возмущались захватом и подписывали все бумаги, но вскоре осознали-поняли, что их-то хата совершенно с краю, да притом все оставшиеся четыре коридорных окна и батареи аккурат расположены напротив двери их квартиры, так что стоит ли из-за чужих печалей нервы жечь... Кто бросит в них камень? Хозяин 166-й однокомнатной квартиры, Виктор Дьячков (по иронии судьбы — однофамилец бравого брандмайора), безоговорочно, яростно и изначально был против всех и всяческих перегородок, да и вообще против всех Ульяновых-Сыскуновых и прочих новоявленных новорусских буржуинов: от классовой ненависти он даже говорить спокойно не мог — его трясло. Но, к сожалению, он вместо правой ноги имел инвалидность 2-й группы и по судам таскаться, естественно, не мог. Жильцы 94-й квартиры, семья Рюриковых из 4-х человек, так же, как и мы, волею судьбы оказались в положении ближайших соседей торгашей-захватчиков, в роли самых утеснённых, так что мать семейства, Валентина Ивановна, стала, особенно на первых порах, моей самой действенной помощницей. Основные же тяготы лидера борьбы за «коридорный суверенитет», увы, мне пришлось взять на себя.

Как будто мне делать больше было нечего!

Пора, впрочем, переходить, наконец-то, и к самому суду. Назначен он был на 9 марта 1999 года. Меня и Валентину Рюрикову пригласили, честь по чести, повестками в качестве заинтересованных лиц. Спал я в ночь перед этим первым в своей жизни судом дурно. К зданию бывшего горкома компартии, в котором при демвластях расположились два районных суда (на фасаде лозунг «Слава КПСС!» сменили на — «Слава труду!»), я прибыл чуть не за полчаса. Опыт-

ные знакомые предупреждали, что ответчица даже и не подумает явиться, так как понимает проигрышность дела, ей важно потянуть время и помотать нервы соседям, а штраф за неявку на суд в 100 рублей (эквивалент литра водки!) для них, «новых русских», смешон как анекдот. И, действительно, заседание суда сорвалось: к 10-00 собрались: представитель МПЖХ-3 (знакомая нам инженер Лоскутова), некий молодой человек из департамента жилищно-коммунального хозяйства мэрии (чего я никак не ожидал), заинтересованные лица (проще говоря — мы, утеснённые соседи) и... г-жа Ульянова! Не явился же, как ни странно, истец, то есть — представитель администрации Ленинского района. Судья Л. В. Чабрецова попыталась разыскать его по телефону — безуспешно.

Между прочим, эта самая судья Чабрецова будет играть в нашей документально-правдивой судебной истории одну из главных ролей, так что подчеркну: она мне с первого же взгляда не очень понравилась — суровая не по годам, неулыбчивая, сухая женщина. Впрочем, среди служителей Фемиды за всё время тяжбы я вообще не видал улыбчивых людей! Это у них, вероятно, профессиональное. Симпатий у меня к судье Чабрецовой не прибавилось особенно после того, как на мою робкую просьбу в самом начале первого заседания (когда только-только начали выяснять, кто явился на суд, а кто нет), мол, нельзя ли включить диктофон, она безапелляционно отрезала: нет! Ни хрена себе, подумал я, вот тебе и хранительница законов! Я тогда Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) ещё в глаза не видывал, но из газет прекрасно знал, что есть в нём статья по этому поводу. Я её потом отыскал — статья 10 «Гласность судебного разбирательства», часть 7-я которой гласит:

7. Лица, участвующие в деле, и граждане, присутствующие в открытом судебном заседании, имеют право в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства...

Естественно, я не стал добиваться пояснений от Л. В. Чабрецовой, почему она не в ладах с законом — стоило ли с самого начала портить отношения с суровым судьёй? К тому же, как я успел заметить, в канцелярии суда, в приёмной кабинета судьи компьютеров и в помине не было, стоял треск даже не электрических, а допотопных пишущих машинок типа «Башкирия». Ей-Богу, я почти все-

рьёз решил-подумал, что Л. В. Чабрецова, может быть, вообще не знает, что такое диктофон и спутала его с каким-нибудь мегафоном...

Короче, заседание суда отложили в тот раз до 12 марта. Не знаю, был ли г-н Немчуров оштрафован на эту страшную сумму в сто рублей, но на следующее заседание его представитель явился-таки как штык. В 10-00 секретарь суда пригласила нас всех в кабинет, мы прошли, чинно расселись вдоль стен. Тут сразу надо сказать, что человек, ввязавшийся или втянутый в судебную тяжбу, автоматически становится в некотором роде актёром и обязан играть отведённую ему роль с соблюдением всех условностей судебно-театрального действия: говорить только стоя и только с разрешения или по требованию председательствующего (так именуется судья в ходе заседания), реплики в чужие выступления вставлять нельзя, к судье надо обращаться «Ваша честь» или «Уважаемый суд» и т. п. Для человека даже не особо нервного, не чересчур скандального и вполне воспитанного, но в судебных тяжбах тёмного — задача, вероятно, поначалу, как говаривал политический классик, архисложная. Впрочем, и любой человек в данной ситуации вряд ли чувствует себя комфортно.

Итак, каждый из нас по требованию судьи встал и доложил о себе всю подноготную: когда и где родился, каковы семейный статус и образование, где работаешь и прописан. Затем ещё раз пришлось вскакивать, дабы уверить суд, что отводов ни в адрес председательствующего, ни секретаря не имеешь. После этого судья доложила суть дела и начались так называемые судебные прения. Сначала выступил представитель истца — юрисконсульт районной администрации. То, что он поведал суду — читатель уже знает, так что повторяться не буду. А вот речь ответчицы оказалась полна неожиданностей и сюрпризов. Так как диктофон был под запретом, от дословного цитирования я воздержусь, но точку зрения и «аргументацию» г-жи Ульяновой обязуюсь передать достоверно. (Впрочем, не хочу далее величать данную особу «госпожой» — ну какая она, к чёрту, госпожа? Титло «гражданка» тоже не подходит — законы-то государства, в коем живёт, не исполняет. Пусть уж будет просто «Ульяновой».)

Так чем же обосновала-пояснила свои захватнические действия совладелица ООО «Тайга» и владелица 92-й квартиры Ульянова? Пораженные соседи в присутствии уважаемого суда узнали-услы-

шали о себе такое, что хоть всех святых выноси! Мы, соседи, оказывается, в своем общем коридоре полы не мыли, окна колошматили, лампочки выкручивали-воровали, мусор складировали и даже, пардон, справляли большую и малую нужду... Одним словом, не коридор городского дома, а прямо-таки какой-то лес заброшенный, вот потому-то Ульянова, как говорится, по законам тайги и решила спасти от диких соседей как можно большую часть коридора, отгородить её и попутно приспособить под склад для своей «Тайги» и отдельную светелку для собаки...

Когда судья предоставила мне слово, я задал Ульяновой один резонный вопрос, на который до того никак не мог получить ответа: почему она считает почти половину общего коридора на шесть квартир своей единоличной собственностью? Доморощенная бизнесвумен никак не могла понять сути этого простого вопроса: дескать, а чьей же ещё? Эта часть коридора находится с их, Ульяновых-Сыскуновых, края и очень, ну прямо позарез им нужна...

Судья Чабрецова, выслушав внимательно все стороны, попросила нас выйти в коридор, через десять минут пригласила обратно и объявила-вынесла вердикт: незаконные перегородки убрать, коридор привести в прежнее состояние, с ответчицы взыскать госпошлину в размере 8 руб. 35 коп.; а если она пожелает, то может решение районного суда обжаловать в течение 10 дней в областном суде.

Мы, соседи, глубоко вздохнули два раза: один раз с облегчением, что, несмотря на первое впечатление, Л. В. Чабрецова судьёй оказалась справедливой, и наши мучения многомесячные закончились; а второй раз с огорчением, что Л. В. Чабрецова почему-то не дала справедливости восторжествовать до конца и отклонил нашу просьбу сразу же рассмотреть вопрос и о возмещении морального вреда. Но всё же, окрылённые, мы с Валентиной Рюриковой поспешили в наш родимый дом «на курьих ножках», в наш злополучный коридор, дабы понаблюдать самолично, как будут сноситься-исчезать опостылевшие перегородки...

Как уже догадался проницательный читатель, этого радостного события мы не дождались ни в этот день, ни на следующий, зато за перегородкой начался нешуточный ремонт. Соседи-оптимисты решили-подумали, что раскаявшиеся хозяева 92-й приводит захваченную часть коридора в «прежнее состояние» перед снятием перегородки, а соседи-пессимисты, заглядывая из окон своей квартиры

сбоку через коридорные оконца (архитектура дома это позволяет), утверждали, наоборот, что-де ремонт уж чересчур капитально-шикарный — вплоть до наклейки цветастых обоев: так обновляют помещения только для себя и на веки вечные...

А между тем томящимся в неизвестности соседям приходит сообщение о том, что в областном суде будет слушаться дело по кассационной жалобе Ульяновой. Мы, соседи, так и ахнули: ну что ещё могла придумать, какие аргументы изобрести в защиту своей захватнической агрессии «гаёжная бизнесвумен»? Не иначе, она придумала-решила в захваченной и отремонтированной части коридора устроить столовую для неимущих или приют для беженцев из Косово (тогда как раз полыхала война в Югославии)? Но когда мы ознакомились с её доводами по копии кассационной жалобы, у нас, образно говоря, волосы дыбом встали: о перегородке ни слова, а всё дело, оказывается, в том, что иск на неё в районный суд не те люди подали. Ответчица, с подсказки, видимо, адвоката, со ссылками на статьи Гражданского процессуального кодекса РФ уверяла, что-де подача на неё иска со стороны районной администрации «является нарушением принципа диспозитивности...» Это ж надо какая «вучённость»! Но, надо признаться, волосы дыбом у нас вставали всё же зря: Ульянова, оказывается, боролась за наши же права, но лично я тогда понятия об этом не имел. «Диспозитивность» — юридический термин: право участников судебного процесса действовать по своему усмотрению. Оказывается (это я сейчас только разобрался!), районный суд, приняв иск районной администрации к Ульяновой, должен был в соответствии со статьёй 33 ГПК (1964 года, который действовал тогда; в новом ГПК 2002 года — это ст. 38, ч. 2) предоставить мне как представителю ущемлённых соседей статус истца. Тогда бы, повторюсь, может быть, дальнейшую волокиту удалось значительно сократить.

Ну, а тогда, в апреле 1999-го, Ульянова на судебное заседание в облсуд не явилась и своих адвокатов-подсказчиков не прислала, решив, вероятно, на сей раз явно продемонстрировать, что судьба кассации её, как говорится, не кольшет — лишь бы дело тянулось-затягивалось. Областной суд решение районного суда оставил в силе.

Финальная часть моей статьи «Захват-2» в городской газете уже была не столь безудержно оптимистична, как концовка первой:

Этот материал пишется спустя неделю после окончательного вердикта. Перегородка стоит по-прежнему и незыблемо. Говорят, дальше истец (администрация района) должен подтолкнуть судебных исполнителей, те должны власть употребить... Что ж, пять месяцев ждали, ещё подождём. А пока, как и намеревались, подадим в суд отдельный иск на возмещение нам со стороны Ульяновой морального ущерба — мы согласны получить компенсацию просто презренными деньгами, извинения её нам не нужны.

Как видите, уважаемые читатели, никак нам в этом волокитном деле не обойтись без очередной «серии» нашего коммунального сериала. Надеюсь, что «Захват-3» будет лаконичен: я лишь сообщу дату и самые важные подробности сноса злополучной перегородки (тьфу, тьфу, если она будет, наконец, снесена!), а также уведомя, как будут обстоять-продвигаться дела с иском о возмещении морального ущерба.

Так что — до встречи.

В ночь после выхода газеты с «Захватом-2» раздался в нашей квартире уже традиционный звонок (первый прозвучал после публикации «Захвата»): *прыщавый* голос опять поинтересовался — всё же не надоело ли мне, козлу, жить?.. На эти мерзкие ночные звонки можно было бы и не обращать внимания, но тут самое время прояснить одну существенную и пикантную деталь. Дело в том, что, как и повсеместно по городам и весям в нынешней России-матушке, в нашем замшелом Баранове государственные чиновники и служащие делили-разделяли власть с бандюками, а зачастую власть официальная и мафиозная совмещалась-сливалась в одном лице, точнее, конечно, будет сказать — одной хारे. Одним из самых могущественных подобных Янусов был некий Джейранов — полковник милиции и одновременно, о чём прекрасно знал весь город, натуральный пахан. У этого барановского дона Карлеоне имелся недоросль, который воспылил страстью к единственной дочери нашей Ульяновой (от первого брака) и аккуратно женился на ней вскоре после первого «перегородочного» суда. Так вот, звонил и угрожал мне по ночам, вне всякого сомнения, новоявленный зятёк Ульяновых-Сыскуновых, и, с учётом статуса-положения его мафиозного папаши-мента, угрозы щенка могли быть не вполне безобидны: ведь эти нынешние хозяева жизни друг друга мочат как бешеных собак среди бела дня и прилюдно из «калашей», а уж нас-то, сирых и убогих, убить готовы-могут за косой взгляд, за паршивую царапи-

ну на их вонючих иномарках, за резонное требование вернуть уворованный общий коридор...

Не хватало только за свой же коридор заплатить жизнью или, по крайней мере, отбитыми почками!

3. Судебный аппендикс

Бес, между тем, не дремал.

Видно мало мне было судебных печалей в качестве заинтересованного лица, решился я на явную авантюру. Однажды сказал жене — как бы в шутку:

— А не попробовать ли нам подзаработать на судебных исках? Глянь, и тележчик, и радио, и газеты к этому прямо-таки подталкивают и подзуживают...

И впрямь, то там услышишь, то там прочтёшь: пассажир подал иск на авиакомпанию, задержавшую рейс, и заставил её раскошелиться; покупатель обратился в суд с просьбой нагреть на кругленькую сумму нерадивого торгаша, всучившего ему некачественный товар, и добился своего; работник посудился с начальником, незаконно уволившим его, и отсудил за моральный вред немало денег... Разумеется, подобные сообщения шли в зарубежных или, реже, столичных новостях. Но ведь закон един для всей страны: почему бы и в наших палестинах не попробовать? Статья 12-я Гражданского кодекса РФ гласит, что защита гражданских прав у нас осуществляется путём, в частности, и компенсации морального вреда. Статья 44-я добавляет, что гражданский истец может предъявить иск и для имущественной компенсации морального вреда. А статья 151-я «Компенсация морального вреда» разъясняет:

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать сте-

пень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Понятно, что немало «физических» и особенно «нравственных» страданий каждому из нас по вине других людей претерпевать приходится то и дело, чуть ли не на каждом шагу, но, конечно, повод для иска требовался более-менее не рядовой, не чересчур обыденный.

И тут, как специально, случай подгадал. В Москве вышла моя очередная книга (о которой я уже упоминал) тиражом 10 тысяч экземпляров. Так как из печального опыта я уже знал, что в родимый Баранов попадёт от силы только сотня-две, я решил взять гонорар не деньгами, а — частью тиража: выходило ровно тысяча экземпляров. И когда их доставили в Баранов, я заключил, помимо «Книготорга», договор и с «Роспечатью» на реализацию моего сборника «Криминал-шоу» через газетные киоски. Дела наши партнёрские пошли поначалу прекрасно, книга моя в киосках не залежалась, однако ж вскоре мне пришлось вместо очередного рассказа или новой повести сочинять исковое заявление в суд. Впрочем, тот мой дебютный иск по стилю, лексике и, тем более, по затраченным на него силам и времени вполне равноценен новелле или поэме в прозе. По сутяжной иронии судьбы и закона перекличек-ауканья, договор с «Роспечатью» я заключил 18 ноября 1998 года, то есть аккурат накануне установки в нашем коридоре металлической перегородки и начала «коридорного процесса», а иск в суд на «Роспечать» подал 12 марта 1999 года — как раз в день первого судебного заседания по перегородке.

Вот это моё первое сочинение на судебно-исковую тему от слова до слова:

В Ленинский районный суд г. Баранова
Истец Наседкин Николай Николаевич
Ответчик АООТ «Роспечать»

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

о взыскании пени и возмещении морального ущерба

18 ноября 1998 г. я, Наседкин Н. Н., заключил с АООТ «Роспечать» в лице генерального директора Маринина Н. А. договор за № 53 сроком на 2 (два) месяца о реализации моей книги «Криминал-шоу» в количестве 100 (ста) экземпляров с выплатой мне по 12

(двенадцать) рублей за каждый проданный экземпляр — всего 1200 (одна тысяча двести) рублей.

20 января 1999 г. я, предварительно убедившись, что моей книги в киосках «Роспечати» в продаже больше нет, попросил в конторе выплатить мне деньги по договору за проданную партию моих книг и взять на реализацию ещё сто экземпляров. Уже были заполнены накладные на новую партию книг и внесена соответствующая запись в договор, как выяснилось, что деньги за уже проданную партию книг выплатят мне только через день или два. Я с этим не согласился и решил сначала получить причитающуюся мне сумму (1200 р.) и только после этого вести речь о продлении договора.

С тех пор я в течение полутора месяцев ходил 26 (двадцать шесть) раз в контору «Роспечати», но мои деньги мне выплачивать отказывались: дескать, этот вопрос может решить только коммерческий директор Ковалёва В. В. Последняя же то находилась на обеде (причем — в разное время) и неизвестно когда будет, то в командировке, то очень занята, то больна (представим на минуту, что у нас в стране, ссылаясь на болезнь Президента, совсем перестанут выплачивать зарплаты!)... Трижды я пытался решить вопрос с гендиректором Марининым Н. А., который и подписывал договор, но он категорически отказывался даже обсуждать вопрос, ссылаясь на то, что, мол, это компетенция коммерческого директора.

Подобного морального унижения, издевательства я не испытывал, вероятно, ещё ни разу в жизни. Эта полуторамесячная нервотрёпка совершенно выбила меня из колеи: я человек творческий (писатель, журналист, соискатель-диссертант университета) и в эти полтора месяца совершенно был не в состоянии полноценно трудиться. Кроме того, эта затянувшаяся издевательская ситуация сказалась не только на моей нервной системе, но и обострила все мои хронические заболевания — желудочно-кишечные и сердечные.

И самое поразительное: работники «Роспечати» совершенно не считали и не считают себя виновными, и их главная аргументация на справедливые претензии — не вы одни к нам за деньгами ходите, к нам все не меньше десяти раз ходят...

И вот я не только от своего имени, но и как бы от имени тех «всех», кто имеет и будет иметь договорные отношения с АООТ «Роспечать», прошу уважаемый суд заставить это АООТ заплатить деньгами и за грубое нарушение условий коммерческого договора, и за унижение моего человеческого достоинства, и за причинение большого морального ущерба. До тех пор, пока работники даже акционерных обществ в нашей стране будут безнаказанно использовать в работе методы бюрократов-чиновников, до тех пор будут в России

и разруха, и кризис, и беспредел.

В пункте 2 договора указано, что если бы мои книги в течение двух месяцев не были распроданы, и я не сразу бы забрал остатки, то я вынужден был бы «за каждые сутки... платить за хранение 2 % от стоимости» оставшихся экземпляров. Несомненно, данное положение как де-факто, так и де-юре распространяется и на пункт 6 договора: «Роспечать перечисляет денежные суммы по мере реализации продукции».

В связи с этим и всем вышеизложенным прошу взыскать с АООТ «Роспечать» в мою пользу:

1) пеню, которую «Роспечать» отказалась выплатить добровольно, в размере 2 % от суммы договора за каждый день просрочки выплаты хотя бы за 40 дней — $24 \times 40 = 960$ (девятьсот шестьдесят рублей);

2) возмещение морального ущерба хотя бы в 10-кратном размере от суммы договора — $1200 \times 10 = 12000$ (двенадцать тысяч рублей).

Всего: 12960 (двенадцать тысяч девятьсот шестьдесят рублей).

Приложение:

Копия договора.

Копия накладной.

Справка о получении денег по договору.

Два маркированных конверта.

Надо бы, конечно, поменьше эмоций, пафоса и вместо дилетантского «морального ущерба» употреблять термин «моральный вред», но не в этом суть. Какой-нибудь новораш, те же Ульяновы-Сыскуновы, гнусно усмехнуться, увидав расчёты-доводы — стоит ли, мол, так крохобориться. Но я честно признаюсь: если бы суд оправдал мои чаяния-надежды хотя бы наполовину и заставил чинуш из «Роспечати» раскошелиться тысяч на 5-6 — я бы вполне удовлетворился и был счастлив (Господи, много ли нищему российскому писателю надо!).

Между тем, из-за моей юридической тогдашней лопоухости судебная машина поначалу заработала на холостом ходу. Дело в том, что иск подать можно двумя способами: 1) придти непосредственно в здание суда, отстоять очередь к дежурному судье и лично вручить иск; 2) послать бумагу по почте заказным письмом с уведомлением. Уж разумеется, я выбрал второй, как мне казалось, экономный на затраты времени путь. И — поплатился. Через две недели я

получил свою бумагу обратно с припиской:

Ленинский районный суд г. Баранова возвращает исковое заявление о взыскании пени и возмещении морального вреда. Разъясняя, что с подобным иском вы должны обратиться по месту нахождения ответчика, т. е. в Октябрьский райсуд, и заявление подаётся в 2-х экземплярах и должно быть оплачено госпошлиной в сумме 56 руб. 34 коп.

Судья Ленинского райсуда И. Н. Мельникова.

Понятно, что отсюда вытекает новый **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *иск в суд лучше подавать лично — судья сразу же укажет на недостатки-просчёты (если они есть) вашего заявления, да к тому же всегда можно, предварительно собрав сведения, дождаться дежурства судьи, пользующегося достойной репутацией, что повышает вероятность справедливого решения.*

К слову, в судебных коридорах очень легко узнать-услышать характеристики всех местных судей, но самый безошибочный способ определить судью честного (а таковые хоть и редко, но встречаются!) — по виду очереди: в день дежурства достойного служителя Фемиды в суде собирается буквально толпа, словно в «брежние» времена за дефицитом. И здесь, конечно, есть своя оборотная сторона медали: время приёма заявлений-исков ограничено и можно напрасно отстоять очередь.

И, разумеется, по итогам моего первого судебного-искового «блина», который вышел комом, можно сформулировать ещё один **ДОБРЫЙ СОВЕТ**, основанный на строгом судебном правиле: *исковое заявление, а также все прилагаемые документы следует подавать не менее чем в двух и более (по числу участников процесса) экземплярах.*

Да не забудьте, как уже упоминалось, приложить такое же количество конвертов, иначе рискуете о своём «собственном» заседании суда узнать постфактум. И вообще, если уж вы ввязались в тяжбу, решив убить-потратить на это часть своей драгоценной жизни, немалую толику нервов и здоровья, то уж на бумаге, лентах для пишмашинки или картриджах для принтера, конвертах и марках экономить не след. Впрочем, с конвертами не всё так просто, но об этом — чуть дальше.

Итак, всё, как посоветовала неведомая мне судья Мельникова, я

сделал, бумаги удвоил, госпошлину заплатил, два свежих конверта пришил (понятно, что в одном из прежних мне вернули обратно мои бумаги, но почему-то без второго конверта) и переправил иск 1 апреля 1999 года в Октябрьский районный суд. И, конечно, по привычке начал терпеливо ждать реакции-ответа. Но, прошу прощения, хрен дождался (за исключением мною же оплаченного уведомления, что мой пакет получен 2 апреля). Наконец, не вытерпев и выбрав паузу в «перегородочно-коридорном» процессе, 18 мая я лично отправился в Октябрьский суд, который, в отличие от родимого Ленинского... (Уж прошу опять же у далёких потомков-читателей, если они будут у этой печальной повести «временных лет», прощения за такие дикие названия-именования: в достославном городе Баранове, как и повсеместно в постсоветской России, имелся район Ленинский, район Октябрьский и, разумеется, район Советский, так что все райучреждения именовались соответственно.) Так вот, Октябрьский суд, в отличие от Ленинского, находится в Баранове у чёрта на куличках, а то и дальше. Короче, на автобусе — остановок пятнадцать. Добрался я, доехал и выяснил прелюбопытнейшую штуквину: день суда уже, оказывается, давно назначен — 2 июня, но сообщить мне об этом не было никакой возможности из-за (ни за что не догадаетесь!) отсутствия конверта. Я, позорно демонстрируя мелочность, попытался выяснить судьбу моих родимых двух конвертов и понял из пояснений канцелярской девушки, что в суде существует как бы коммунистическая система: все поступающие с исками конверты складываются, так сказать, в общий котёл и используются по мере надобности, но так как надобность опережает количество поступающих конвертов, то и случаются вот такие безконвертные периоды-перерывы. Девушка-секретарь успокоила меня, что-де всё равно бы на мою долю какой-нибудь конверт позже нашёлся и тут же выписала и вручила мне повестку лично в руки, сэкономив таким образом своей конторе почтовые расходы. Естественно, возникает вопрос: а почему нельзя хотя бы истцов, кровно заинтересованных в судебном разбирательстве и вряд ли желающих уклониться от него, приглашать за повесткой по телефону? Отпала бы, кстати, и проблема с уведомлениями о вручении, на которые у расейских судов и вовсе уж расходов не предусмотрено... Но — нет: законами и судебными правилами-регламентами не предусмотрено!

Как и предполагалось, на заседание суда 2-го июня ответчик не

явился. Судья на этот раз был в полном смысле слова судья — по фамилии Чугунов и на вид очень строгий. «В полном смысле слова», значит — мужеска пола, мужик. Почему-то среди служителей Фемиды у нас львиную долю составляют представительницы слабого пола, так что человеку с филологическим образованием или без образования вовсе так и хочется, порой, вместо слова «судья» непроизвольно употребить некорректное «судыха». И вообще, если вдуматься-вчитаться в сурово-величественную этимологию слова «судья» (суд — я!), то сразу становится ясно, что профессия-должность эта изначально — сугубо мужская. (Привет Марии Арбатовой и прочим упёртым феминисткам!)

Я надеялся, что суровый судья Чугунов немедленно задействует все рычаги судебно-процессуальной власти, дабы призвать нерадивого ответчика к порядку, однако ж грозный судья Чугунов вместо этого начал упрашивать меня сыграть роль курьера и самолично отнести-доставить повестку директору «Роспечати». Я от такого удивительного предложения вежливо, но твёрдо уклонился: после 26-ти унижительных походов в газетно-торговую контору, послуживших основанием для иска, согласитесь, странно было бы переться туда в 27-й раз и умолять г-на Маринина явиться в суд.

Заседание перенесли на неделю, и когда мы (уважаемый суд и упорный истец) 10-го опять и снова целый час напрасно прождали представителя «Роспечати», судья Чугунов обратился ко мне ну с совершенно неожиданным предложением: а не смогу ли я всё же сбежать и лично вручить повестку г-ну Маринину? Я только и нашёлся, что молча развести руками. Тогда судья Чугунов взялся за телефон, дозвонился-таки до «Роспечати» и приказал (вернее, конечно, попросил) явиться ответчика на следующий день к 9-00 в суд.

Не буду интриговать и томить читателя: на следующий день к 9-ти утра никакой ответчик ни в какой суд явиться и не подумал. Но зато, когда бедный судья Чугунов дозвонился до «Роспечати», ему на том конце провода пообещали прибыть-появиться к 14-00. Увы! И это оказалось не более чем издевательская шутка. Тогда судья Чугунов решился всё же, рискнул, вспомнив содержание статьи 157-й тогдашнего ГПК, и открыл заседание суда. К слову, в новом Гражданском процессуальном кодексе этому чрезвычайно важному моменту в судебной практике посвящена уже целиком отдельная 22-я глава из 12-ти статей, которая так и называется — «Заочное производство». Открывающая её статья 233 «Основания для

заочного производства» совершенно чётко регламентирует:

1. В случае неявки в судебное заседание ответчика, извещенного о времени и месте судебного заседания, не сообщившего об уважительных причинах неявки и не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие, дело может быть рассмотрено в порядке заочного производства. О рассмотрении дела в таком порядке суд выносит определение.

...

3. В случае, если явившийся в судебное заседание истец не согласен на рассмотрение дела в порядке заочного производства в отсутствие ответчика, суд откладывает рассмотрение дела и направляет ответчику извещение о времени и месте нового судебного заседания...

Так что позволю себе в связи с этим дать, в первую очередь, конечно, истцам, соответствующий **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *если хитроумный ответчик упорно не является в суд — по крайней мере, уже на втором сорванном по этой причине заседании напомните мягкотелому или забывчивому судье о существовании главы 22-й ГПК вообще и статьи 233-й в частности и настойчиво подчеркните, что-де вы согласны на «рассмотрение дела в порядке заочного производства» и «в отсутствии ответчика».*

Возвращаемся, однако ж, к нашему судье Чугунову. Жара в тот день случилась градусов под 40 (разумеется — по Цельсию; по Фаренгейту там вообще зашкаливало). Может, это послужило причиной, может, что другое, только открывшееся было заседание суда тут же благополучно и закрылось: уважаемый суд заинтересовался важным вопросом — а точно ли это я написал данную книгу? Другими словами: есть ли у меня документ, подтверждающий, что я — профессиональный писатель? Удостоверения члена Союза писателей России я с собой захватить не догадался. Мог бы я, разумеется, начать доказывать, что книгу способен написать и заключить сегодня договор на её продажу любой самодеятельный автор, всякий доморощенный графоман, я мог бы напомнить судье Чугунову известную сцену из «Мастера и Маргариты», когда Коровьев издевательски вопрошал швейцара в ресторане Дома литераторов: мол, что же, даже самого Фёдора Михайловича Достоевского без писательской ксивы в этот ресторан не пропустили бы?.. Да не стал я ничего напоминать и доказывать. Жара, повторяю, да и вдруг судья

Чугунов Михаила Афанасьевича Булгакова не читамши?..

Когда 15-го июня на открывшемся новом заседании суда Чугунов получил-таки из моих рук писательское удостоверение, он изучал его чуть не четверть часа, затем тяжело вздохнул (уж Бог знает — почему) и отправился в совещательную комнату сочинять вердикт. Это судейско-криминальное произведение, как и принято, с занудно-шаблонным зачином и вялой кульминацией совершенно неожиданно разрешилось-закончилось невероятным финалом: в иске на пеню ОТКАЗАТЬ; иск на возмещение морального вреда УДОВЛЕТВОРИТЬ и обязать ответчика выплатить истцу (ни за что не поверите!) — 200 рублей...

Зачитывая этот «приговор» (естественно, он — навытяжку; я — тоже по стойке «смирно»), судья Чугунов морщился и кривился: и сам процесс был ему явно не по душе, вымотал до чёртиков, и приговор не радовал: какой-то «моральный вред», дармовые деньги человеку...

А я, в свою очередь, не знал — то ли смеяться, то ли плакать. Дело в том, что я загодя, отбросив суеверия, прикинул меркантильно возможный чистый доход от этой тяжбы и, соответственно, уже учёл до рубля все расходы-вычеты — госпошлину, транспортные расходы, конверты, ксерокопии и пр. Получилось в сумме аккурат... 205 руб. Таким образом, даже без калькулятора сразу можно было прикинуть эти самые «доходы» — минус пять целковых. Хорошо посудился!

Апелляционная моя жалоба в областной суд, признаюсь, выглядела-читалась занудно. В ней, изложив суть дела, я, как мне кажется, очень даже справедливо, вот именно, — апеллировал:

...Суд был перенесён на 15 июня. Таким образом, я вынужден был, словно виновная сторона, 5 раз (а всего — 7!) ездить через весь город в суд, хотя, согласно ГПК (ст. 157), подобное третирование истца и затягивание дела совсем не обязательно. Причём, главная суть моих исковых претензий к «Роспечати» состояла в том, что в этой конторе меня унижали и третировали почти два месяца, заставив 26 раз приезжать, чтобы получить мои собственные деньги и ещё 3 раза, чтобы получить справку о получении этих денег. Выходит, что ответчик, демонстративно не являясь на суд и при попустительстве суда, просто-напросто продолжил своё издевательство надо мной.

Теперь о решении суда. Я заключил с АООТ «Роспечать» дого-

вор на продажу моих книг сроком на два месяца. Я сам доставил книги (товар), не взял предоплату, уступил безоговорочно с продажи 20%, а в результате, когда книги были проданы точно в срок, вместо выплаты денег мне длительное время мотали нервы и унижали меня. В нашем договоре с «Роспечатью» есть пункт о взыскании 2%-ной пени с одной из сторон в случае неисполнения условий договора. Я просил суд распространить условия этого пункта на пункт 6, где сказано, что «Роспечать» обязана мне выплатить деньги по мере реализации товара, и взыскать с ответчика в мою пользу 960 рублей пени. Совершенно непонятно, почему суд эту мою законную и резонную просьбу отклонил.

Что касается морального вреда, то я, сознавая что мы живём не в столице и у нас, в провинции, другие критерии, попросил взыскать с АООТ «Роспечать» весьма скромную сумму – всего в десятикратном размере от суммы договора: 12000 рублей. Суд, признав моё право на возмещение морального вреда, вынес решение о взыскании с ответчика в мою пользу суммы в 200 рублей (8 долларов!). Если учесть, что я затратил на госпошлину, почтовые расходы, ксерокопирование документов и поездки в городском транспорте в «Роспечать», а затем и в суд ровно 205 рублей, – присужденная сумма не то что выглядит странно, а — просто анекдотично.

У меня создалось впечатление, что судья Чугунов В. П. не совсем чётко понимает, что такое «моральный вред» и как он компенсируется. Никакие материальные потери не сопоставимы с моральным вредом, то есть ущербом, причинённым внутреннему, душевному состоянию человека, что отражается на его нервной системе, на его здоровье. В возмещение морального вреда входит и понятие о защите чести и достоинства человека, независимо от того, писатель он, стрелочник или домохозяйка. За унижение человека, за сознательное мотание ему нервов виновная сторона должна быть наказана материально и, конечно же, не смехотворной и опять же оскорбительной для потерпевшего суммой.

Не знаю, был ли оштрафован судом ответчик за многократную неявку на судебные разбирательства, но в любом случае у него останетса убеждение, что это он выиграл процесс и может дальше продолжать свои хамско-унизительные методы работы, а у меня создалось впечатление, что проигравшей стороной осталса я...

Не буду здесь размазывать и повторяться — сообщу кратко: никто в облсуд на слушание моей жалобы меня не пригласил (хотя я и на этот раз приложил к иску два конверта), лишь только 18 августа, опять самолично поехав на край земли, я узнал, что суд состоялся

ещё 7 июля и оставил чугуновское «чугунное» решение в силе; потом мне пришлось ещё не раз ездить за всякими документами-подписями в Октябрьский суд (доведя расходы уже рублей до 250!) и только 14 октября я получил-таки в сбербанке свои выигранные несчастные две сотни, кои, уж признаюсь, тут же в соседней кафешке и благополучно прогулял за полчаса, обмыв с приятелем свой колоритный исково-судяжный дебют.

Так что главу эту закончу очередным и наболевшим **ДОБРЫМ СОВЕТОМ**: *никогда не пытайтесь обогатиться с помощью судебных исков — себе дороже станет. Особенно, если живёте в провинции, в каком-нибудь замшелом Баранове, где о понятии «моральный вред» даже судьи понятие имеют весьма расплывчатое.*

4. Сериал «Захват»

В чём я имел удовольствие убедиться ещё раз совсем скоро.

Это уже в Ленинском райсуде, где наконец-то заслушалось дело по иску соседей к Ульяновым-Сыскуновым о возмещении всё того же пресловутого морального вреда.

Но вначале стоит упомянуть, что перегородки наши родимые до этого времени, то есть до октября, простояли благополучно. В это можно, конечно, не поверить, но, как говаривал шолоховский герой, — факт. И тут самое место процитировать фрагменты статьи 9 «Закона об исполнительном производстве», которая регламентирует возбуждение исполнительного производства:

2. Судебный пристав-исполнитель в трехдневный срок со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление о возбуждении исполнительного производства.

3. В постановлении о возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель устанавливает срок для добровольного исполнения содержащихся в исполнительном документе требований, который не может превышать пять дней со дня возбуждения исполнительного производства, и уведомляет должника о принудительном исполнении указанных требований по истечении установленного срока...

А часть 1-я статьи 13-й того же замечательного Закона весьма чётко регламентирует:

1. Исполнительные действия должны быть совершены и требования, содержащиеся в исполнительном документе, исполнены судебным приставом-исполнителем в двухмесячный срок со дня поступления к нему исполнительного документа.

Итак, даже не имея полного начального образования, можно подсчитать, что перегородки злосчастные уже к исходу лета должны были рассыпаться в прах и пыль. Однако ж, поди ты, — стояли.

Чтобы хоть как-то пояснить сей парадокс, необходимо ввести в наш судебный спектакль новое действующее лицо — пристава с несколько неприлично звучащей фамилией Мандовский (хорошо хоть не Влагалищев!). Этот господин (или товарищ) Мандовский оказался своеобразной тенью отца Гамлета. Не в смысле бесплотности (на самом деле по комплекции он, как я много позже убедился, походил на борца-тяжеловеса или хорошо откормленного охранника), а в смысле полнейшей неуловимости и как бы эфемерности.

Тут, признаться, я по неопытности совершил новый промах и поэтому, забегая вперёд, спешу дать очередной **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *никогда не ждите, что судебный пристав-исполнитель сам и добровольно кинется немедленно исполнять в соответствии со статьёй 9 «Закона об исполнительном производстве» свои прямые обязанности — подтолкните его, потормошите, заставьте это сделать.*

Правда, в моём случае дело осложнялось тем, что я имел лишь статус заинтересованного лица, и Мандовский формально мог послать меня на три буквы. Но я, когда уже нагрянул август и торчащие в коридоре перегородки начали вызывать всё более неприятное удивление своей, так сказать, несносимостью, попытался несколько раз встретиться с ним. Дважды приходил напрасно — на месте его не оказывалось. Когда же, изучив расписание его службы, я заявился-таки в его приёмный день, то обнаружил у дверей кабинета такую очередицу из раздражённых женщин, которые, как выяснилось, с помощью приставов выбивали-выцарапывали свои законные детские пособия у государства, что я не рискнул прорваться сквозь эту kloкочущую толпу и так не узнал в тот раз, как же выглядит пристав-исполнитель с похабной «вагинальной» фамилией.

Мне пришла в голову разумная вроде бы мысль: а чего это я, хоть и шибко заинтересованное лицо, нервы жгу и время трачу, когда в деле есть законный истец? И с этой здоровой мыслью я отправился на следующий день — а это было уже 19 августа — в районную администрацию. Г-на Немчурова на месте не оказалось, юрисконсульт пребывал на больничном. Ещё трижды сходил я в эту контору с тем же нулевым успехом, пока наконец 26 августа не захватил-таки Немчурова на его служебном месте. Впрочем, «захватил» — это чересчур оптимистично сказано. Районный босс, напрочь забыв про любезное ко мне отношение, к телу своему на этот раз меня не допустил — занят. Может, и правда, занят, но мне почему-то (сам не знаю — почему) показалось, что Эдвард Алексеевич был слегка на меня обидемшись. И я его в чём-то понимал. На его месте я, вероятно, тоже бы надулся. Дело в том, что незадолго до того я сделал, с точки зрения нормальных людей, величайшую недалёковидную глупость — написал о г-не Немчурове заметочку в областной газете. Не удержался. Да и как было удержаться после поразительного известия в той же газете, что человек этот собирается баллотироваться на предстоящих выборах в губернаторы. Не буду растекаться мыслью по древу — вся суть в той заметке.

Àëàñòù â èëòàõ

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

Хочу, уважаемые читатели, рассказать вам анекдот.

Живу я в печально знаменитом доме № 36 в самом центре Баранова, на улице Интернациональной. Печально и позорно знаменит он в первую очередь тем, что совмещает два взаимоисключающих, так сказать, статуса — многоквартирного жилого дома и громадного общественного туалета. Все его пять подъездов, имеющих выход и на парадно-центральную улицу, все десять лифтов, все переходные балконы служат бесплатным туалетом для прохожих свинтусов, ибо двери в подъездах исчезли с первых дней заселения жильцов.

Само собой, на лестничных площадках, на тех же балконных переходах и даже в коридорах (у нас — коридорная система) давно и с корнем вырваны все выключатели, электропатроны, не говоря уж о самих лампочках. По существу, дом стал проходным двором для всякой хулиганствующей шпаны и бомжей. Это что касается, образно говоря, внешней агрессии, процветающей из-за абсолютного бездей-

ствия служб МПЖХ-3 и управдома (если он только имеется).

Немалую толику анархии в жизнь дома № 36 вносят и некоторые жильцы — из самых нахрапистых, считающих себя хозяевами жизни. От общих коридоров, от лифтовых площадок они отхватили в личное пользование перегородками дополнительную жилплощадь, и напрасно утеснённые соседи ходят с жалобами по инстанциям: оказывается, самовольных захватчиков-грабителей общих коридоров приструнить некому, кроме суда, а суд — это месяцы волокиты и нервотрёпки. Знаю на личном опыте!

Ещё одна, если можно так выразиться, внутридомовая напасть — псы-собаки. Их в нашем доме неимоверное количество, и они, при попустительстве хозяев, бегают по детским площадкам без поводков и намордников, превратили также и двор в громадный общественный туалет, только, разумеется, — собачий. Больше того, иные из самых бессовестных собаководовладельцев, вроде моего ближайшего соседа, выгуливают псов своих прямо на Интернациональной перед домом, вытаптывая и загаживая прекрасные и пока ещё радующие взгляд городские газоны.

Здесь же, со стороны улицы, можно наблюдать ещё одно явление внешней агрессии — табуны авто. К бесчисленным магазинам, лавочкам, бутикам и мастерским, расплодившимся в закоулках первого этажа и Дома торговли «Баранов», прямо по тротуару (что, как мне известно, строжайше запрещено правилами дорожного движения!) подкатывают всякие иномарки и устраивают перед подъездами — опять же бесплатную — автостоянку.

А уж как шикают наши доморощенные автолюбители и заезжие гости-лихачи во дворе дома — и пером не описать: на спортивной площадке всё ширятся ряды железных гаражей, детская площадка вся уставлена машинами, от некогда зелёного цветущего газона остались лишь редкие зелёные островки, а остальное пространство в центре двора вытоптано и изгажено колёсами бесчисленных тачек.

Добавлю ещё для полноты картины, что несколько раз за полтора десятка лет вокруг сквериков во дворе лепились-строились хилые ограждения, но вскоре исчезали под натиском хулиганствующих обормотов напрочь и без следа. А сделать раз и навсегда основательные и капитальные ограждения (и не только вокруг сквериков-палисадников, но и вдоль газонов) без хозяйского догляда, видно, уж никак не догадаются...

— Да в чём же здесь анекдот? — слышу я возглас нетерпеливого читателя. — У нас в городе десятки и сотни подобных бесхозных домов... Обычное дело!

Насчёт сотен согласен, но наш дом уникален и именно в этом-то

и состоит анекдот: дело в том, что в доме нашем по улице Интернациональной, № 36 проживает глава администрации нашего же Ленинского района Э. А. Немчуров. А соль этого пикантного анекдота в том, что с недавних пор Эдвард Алексеевич возмечтал пересестись в губернаторское кресло, включился в предвыборную борьбу.

Мы, жильцы 36-го, искренне недоумевали всегда: как же это руководит целым районом человек, который в отдельно взятом и родимом доме навести порядок не в состоянии? Окна его квартиры, как и моей, выходят во двор, все безобразия — как на ладони, и про незаконные перегородки в коридорах да на лифтовых площадках главе тоже претотлично известно — сам такую перегородку возвёл... Одно из двух, думали-гадали мы, жильцы-соседи, или Эдварду Алексеевичу совершенно некогда своими прямыми обязанностями заниматься, ибо его, как известно, одолевают киллеры и продыха не дают, либо человек этот бережёт силы свои и умения для более глобальных дел.

Но даже самому наивному человеку должно быть ясно, что если не показать свои способности на прежней работе — о повышении, тем более зависящем от воли народа, простых избирателей, можно только мечтать. Так что лично я очень и очень поражаюсь смелости г-на Немчунова, вознамерившего управлять всей областью.

Заголовок для этой заметки я позаимствовал у Достоевского, хочу и закончить словами из его произведения — Дмитрий Карамазов по случаю в сердцах восклицает:

— Ох, широк человек!..

По-моему — в самую точку.

Николай НАСЕДКИН,
избиратель.

Поняв и приняв к сведению обиду г-на Немчунова, я решил больше его не тревожить, а действовать более радикально и напрямик отправился в прокуратуру. Она, прокуратура-то, рассуждал вполне здраво я, и создана для того, чтобы следить за соблюдением законности и порядка.

Прокуратуры — городская и районная — расположились в нехилом месте: на Набережной, в районе городской зоны отдыха. Прокуроры с помощниками могли летом в обеденный перерыв тут же на пляже искупнуться, а зимой, допустим, покататься со склона на лыжах... Но это я так, слегка ёрничая, размышлял, входя в прохладный вестибюль здания — никогда ранее в прокуратурах бывать мне не приходилось, так что чувствовал себя я не совсем уютно.

Как и должно, я не собирался устно разъяснять суть дела, пугаясь при этом и сбиваясь, а заранее приготовил заявление на имя городского прокурора. Правда, меня тут же из городской прокуратуры отфутболили в соседний коридор — в районную. Там я и предъявил помощнику прокурора (по-русски всё же точнее — помощнице, ибо это была молодая женщина) свой крик души, выплеснутый на бумагу:

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ноябре 1998 года в нашем общем коридоре на 6 квартир хозяйка 92-й квартиры Ульянова Т. М. соорудила незаконную перегородку, захватив в личное пользование почти половину коридора.

По инициативе соседей, администрация Ленинского района подала на гр. Ульянову в суд, 12 марта 1999 г. Ленинский районный суд (судья Чабрецова Л. В.) иск удовлетворил и вынес постановление — перегородку снести.

12 апреля 1999 г. Барановский областной суд, рассматривая апелляцию гр. Ульяновой, оставил решение районного суда в силе.

С тех пор прошло 4,5 месяца, а незаконно возведённая перегородка в нашем коридоре как стояла, так и стоит, хотя, по закону, решение суда должно быть исполнено в течение 2-х месяцев.

От имени соседей прошу разобраться в этой затянувшейся уже до неприличия ситуации и помочь в решении проблемы.

Милая прокурорская помощница, читая, сочувственно-согласно кивала пышной причёской и с лёгкой грустью (чувствовалось, ей не хотелось меня огорчать) заявление принять отказалась.

— Вам надо сначала обратиться в Управление юстиции, а вот уж если они не помогут, тогда — к нам.

Фу-ты, опять по незнанию (я и ведать не ведал, что есть такая контора) попытался прыгнуть через ступеньку! И тут самое время сформулировать-подарить читателю следующий **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *начиная обход контор, учреждений и организаций в поисках защиты и справедливости, составьте список-схему и строго соблюдайте иерархический порядок (снизу вверх, не стараясь перемахивать ступеньки), а иначе — только время и нервы зря потратите.*

Тут же, не откладывая, побежал я в эту самую юстицию, благо, что расположенной она оказалась совсем рядом с нашим домом —

в пятистах шагах. Угодил на обеденный перерыв, но симпатичная девушка в канцелярии, отложив бутерброд с сыром, приняла у меня заявление, сама переделала-перепечатала его на имя главного судебного пристава области и зарегистрировала. Понятно, что от такой неожиданной разлюбезности со стороны конторской девушки я здорово-таки воспрянул духом и начал пылко надеяться на успех операции.

Надеялся терпеливо. И почти через месяц, 18 сентября, из управления юстиции получил я таки бумажку-копию предписания главного областного пристава старшему судебному приставу Ленинского района Синичкину:

Направляется для рассмотрения жалоба на неисполнение решения суда о сносе перегородки Ульяновой Т. М.

О результатах просьба сообщить заявителю и управлению юстиции к 7.10.99 г.

Я уже начал привыкать к неспешности работы чиновников и не особо удивился тому, что на составление этих трёх сухих строчек понадобилось три с лишним недели (за это время целую главу «Войны и мира» можно написать!), да и 7-е октября меня вполне устраивало. Правда, смутные опасения-предчувствия у меня возникли сразу: ох, не дождусь я к этому самому 7-му октября ответа от старшего районного пристава Синичкина... Как в воду глядел! Синичкин, видимо, нисколько не боялся, а может, даже и не уважал своего непосредственного начальника — пристава областного.

Понятно, что, подождав ещё неделю и напрасно высматривая из-под козырька ладони почтальона с доброй вестью в казённом штампованном конверте, я 15 октября отправился знакомым уже путём в райпрокуратуру. К прежнему тексту заявления я лишь добавил упоминание о нулевых результатах похода в управление юстиции и жалобно подсыюкнул, мол, осталась одна теперь распоследняя надежда — на прокуратуру. Вскоре был получен по почте уведомление: в течение месяца жалоба будет рассмотрена. Ну что ж — почти аккурат к годовщине стояния сволочной перегородки.

А между тем 27 октября состоялось наконец и судебное заседание под председательством судьи Ленинского районного суда с «рабочей» фамилией Фрезеровщиков по иску соседней к г-же Ульяновой о возмещении морального вреда. Подал я его давненько, засе-

дание откладывалось, но — пришёл-таки срок. Содержание иска читалось-смотрелось более чем убедительно (опять же, на мой наивный взгляд!). Шапка — стандартная: куда, кому, истец, ответчик, адреса; в начале — история-хроника дела, перечисление пройденных инстанций; а затем и — суть:

... 12 апреля 1999 г. Барановский областной суд вынес постановление по кассационной жалобе Ульяновой Т. М.: решение Ленинского районного суда оставить в силе.

Итак, хозяйке кв. 92 уже объяснили, что она совсем и полностью не права:

- 1) соседи,
- 2) МПЖХ-3,
- 3) администрация Ленинского района,
- 4) управление архитектуры и градостроительства мэрии г. Баранова,
- 5) районный суд,
- 6) областной суд.

Но Ульянова Т. М. и не думает снимать перегородки, а уж тем более, — извиняться перед соседями за то, что уже много месяцев мотает им нервы, расстраивает здоровье, выбивает из рабочей колеи. Г-жа Ульянова принадлежит к классу бизнесменов и, скорей всего, понимает только язык денег, аргументацию рублём. Конечно, перегородки будут с помощью судебных исполнителей рано или поздно снесены, но где гарантия, что предприимчивая хозяйка кв. 92 уже на следующий день не возведёт новые, уверенная, что у соседей не хватит моральных и физических сил начать новую судебную волокиту.

В связи с вышеизложенным от имени ближайших соседей Ульяновой Т. М. прошу взыскать с неё в нашу пользу в виде возмещения морального вреда сумму в размере 45000 (сорока пяти тысяч) рублей за основной период противостояния соседям плюс по 1000 (одной тысяче) рублей за каждый день с момента вынесения решения областного суда (12 апреля 1999 г.) и до того дня, когда перегородка будет, наконец, снесена. Окончательная величина суммы иска будет, таким образом, зависеть только от самой г-жи Ульяновой.

Помимо меня иск подписали трое соседей.

Об этом судебном заседании стоило бы написать-создать отдельную поэму, с массой дивных нюансов и подробностей, пока же остановлюсь только на двух моментах. Во-первых, как недостойно

вела себя во время процесса ответчица: она очень толсто намекала судье, дабы вызвать у него неприязнь к истцу, что-де он, истец, наклонен к пьянству и алкоголизму. Но, увы, истец (то есть — аз многогрешный) тоже не удержался и дабы вызвать у суда неприязнь к г-же Ульяновой, не менее толсто намекал, что-де она, так демонстративно не исполняя решение районного суда о сносе перегородки, тем самым, как говорят в Одессе, смачно плюнула этому самому суду на лицо... К чести судьи Фрезеровщикова надо признать, что на провокации как истца, так и ответчицы он не поддался.

Как, к сожалению, не поддался он и весьма убедительным доводам искового заявления. Судья никак не мог уразуметь, за что я прошу от имени ущемленных г-жой Ульяновой соседней взыскать с неё за многомесячную нервотрёпку, унижения, отнимание времени и т. д. несколько несчастных тысяч деревянных рублей. Судья Фрезеровщиков просто-напросто не мог понять, что такое моральный вред, и откуда я взял цифру его материального эквивалента. Вообще, когда начинался в помещении Ленинского райсуда разговор о моральном вреде и его возмещении, возникало порой ощущение, что кто-то из присутствующих идиот. Так как суд ни под каким видом оскорблять нельзя, то идиотом чувствовал себя, разумеется, я.

Итак, по «фрезеровочному» вердикту в удовлетворении иска нам было отказано решительно, напрочь и навсегда. Мимоходом отмечу, что даже сама ответчица, вероятно, не ожидала такого благополучного для неё решения суда и перед самым его началом очень ненавязчиво как бы предложила мне взятку:

— Николай, — уничижительно сказала она мне в судебном коридоре, — тебе что, денег не хватает? Я могу тебе их так дать, без всякого суда...

Я, само собой, надменно не удостоил её ответом, совершенно уверенный в успехе иска. Ну что делать — лох! (Я имею в виду — тупую уверенность, а не упущенную взятку: уж из ульяновских воюющих рук я бы и миллион не взял.)

А события продолжали развиваться своим неторопливым чередом: 15-го ноября в дверь моей квартиры позвонили и на пороге объявился молодой энергичный человек. Он представился приставом Козленко и объявил, что это ему взамен неведомого и неуловимого Мандовского (который, не приступив к делу, уже, видимо, устал-выдохся) поручено довести нашу перегородочную эпопею до конца. Пристав немедленно перешёл от слов к делу, отправился к

г-же Ульяновой и грозно приказал ей убрать перегородку до ближайшей пятницы, то есть до 19 ноября.

Соседка-захватчица снова и опять доказала, что она отнюдь не из робкого десятка и судебный пристав для неё — ноль без палочки. Однако ж в конце ноября соседями было получено от Козленко весьма содержательное письмо:

«...В настоящее время Ульянова Т. М. заключила подрядный договор на монтажные работы от 19.11.99 г. с ООО “Автоматика”, согласно которому демонтаж перегородки будет произведён до 15.12.99 г. Судебный пристав Козленко данный срок о сносе перегородки уменьшил до 8 дней, т.е. до 7.12.99 г. В случае неисполнения решения суда к установленному судебным приставом сроку, к Ульяновой Т. М. будут применены соответствующие меры, согласно действующего законодательства “Об исполнительном производстве”...»

Подумалось: чудны дела Твои, Господи! Злосчастная перегородка как минимум ещё 13 апреля 1999 года должна была перестать существовать в природе, а г-же Ульяновой дают-предоставляют всё новые и новые сроки-отсрочки, когда давно уже понятно, что эта баба без каких-либо признаков совести просто-напросто морочит всем головы...

Когда все назначенные приставом сроки миновали-сгнули, я в очередном фельетонном материале газетном горько иронизировал:

...Очень не хочется обращаться с заявлением в органы внутренних дел о возбуждении уголовного дела по статье 315 УК РФ (есть такая строгая статья о неисполнении решения суда), страшно не хочется обращаться за помощью в Москву, позорить родимый Баранов перед столицей... Но и терпеть такое перегородочное хамство дальше нет больше сил. Как нет их и для новых хождений по инстанциям.

Поэтому я пользуюсь возможностью через газету сделать как бы официальный запрос-заявление на имя председателя Барановского областного суда В. В. Назаркина и прокурора Барановской области Е. Л. Сапожника:

1) Что нужно сделать для того, чтобы решение Ленинского районного суда от 12 марта 1999 г. № (такой-то) о сносе незаконной перегородки кв. 92 в доме № 36 по улице Интернациональной г. Баранова было исполнено?

2) Когда это, наконец, произойдёт?

P. S. На всякий случай еще раз толсто намекну: после смачных плевков г-жи Ульяновой уже утерлись её соседи, работники МПЖХ-3, Ленинской администрации, мэрии, Ленинского районного и областного судов, областного управления юстиции, Ленинской прокуратуры, — так что, уважаемые председатель областного суда и областной прокурор, приготовьте, на всякий случай, носовые платки...

Статью эту опубликовали в середине января уже 2000-го года, и в тот же день звонит мне один добрый знакомый и сообщает сногшибательную новость: он своими глазами видел в управлении юстиции бумажку, на которой чёрным по белому значилось, будто злополучная наша перегородка ещё 2 декабря 1999 года в присутствии судебного пристава и понятых, якобы, была снесена — до основания и напроочь. Батюшки светы! Да неужто г-жа Ульянова кроме грабежа и воровства (а как по-другому можно обозначить-назвать присвоение в личную собственность чужой коридорной площади?) склонна ещё и к подкупу с подлогом?! Мы, ближайшие соседи, готовы поклясться на Конституции, Библии и даже Коране, что перегородка не сносилась ни на единый день, ни на единый час. Да и вообще, какие понятия могут быть кроме нас, ближайших соседей, проходящих по судебному делу в качестве заинтересованных лиц и уже спаливших все свои нервные клетки в этой затянувшейся до неприличия тяжбе?

Однако ж, такая *фантастическая* бумажка действительно уже была-существовала в деле. Нет, явно Ульянова (право, всё же нет больше сил титуловать её «госпожой»!) подкупила и подкупает всех этих судейско-прокурорских чиновников... Боже упаси — конечно, не деньгами! Скорей всего, улыбочкой, своим уже упоминаемым скромным обаянием, трогательно-слёзными историями о том, как её дог-сука привыкла уже жить в отдельных просторных апартаментах, сооружённых из соседского коридора...

Далее в хронологическом порядке и буквально стенографически изложу результаты своих походов по инстанциям (уже по 3-5-му кругу!), в ходе которых во мне и вызревала-укреплялась мысль о подкупающих способностях Ульяновой.

Для начала попробовал попасть-пробиться на приём к облпрокурору Сапожнику (увы — такая фамилия!), но, оказалось, доступ к телу главного барановского блюстителя закона для простых смертных категорически закрыт — пришлось оставить заявление в приёмной.

Через три недели из областного управления юстиции была получена копия ответа в облпрокуратуру, из которого явствовало: на бумаге перегородка снесена — поэтому необходимо снова обращаться в суд.

Удалось мне разыскать судебного пристава Козленко (приставов, видимо, для пользы дела и удобства граждан «переселили» к тому времени из здания суда к чёрту на кулички, на край города в какую-то заводскую контору) и поговорить по душам. Вернее, по душам как раз не получилось: и Козленко, и пристав Мандовский, занимавшийся до него нашей перегородочной тяжбой (и которого наконец-то удалось увидеть воочию), — оба эти молодые и милые на вид люди, как оказалось, оченно, оченно на меня обидимшись: зачем, дескать, в газеты пашквили на них пишу — она ведь работают как умеют! Очень навязчиво приставы дали мне понять: больше чтобы я их не тревожил — они свой долг в случае с перегородкой исполнили до конца и полностью, даже руки уже умыли.

Между тем, как выяснилось, в деле появилась новая бумаженция: Сыскунов написал для приставов совершенно наглуго объяснительную записку: мол, он самолично восстановил снесённую по решению суда перегородку в целях сохранности ихнего с Ульяновой имущества и на все эти судебные решения и всех судебных приставов ему начихать... Поразительно, почему и после этого судебные приставы продолжали считать прямо-таки своими врагами нас, ближайших соседей Ульяновой, а не её саму и её обнаглевшего сожителя? И ещё, думал я, добираясь от штаб-квартиры приставов домой, грядёт, обязательно грядёт у нас в стране судебная реформа-перестройка, и уже вряд ли тогда будут платить зарплаты судебных приставов подобным обидчивым молодым людям, которые личные амбиции и бумажки ставят превыше дела и профессиональной чести. Ну никак Мандовский с Козленко не могли уразуметь-понять простейшую вещь: если ещё полтора года назад суд вынес решение о сносе незаконно возведённой перегородки, и им было поручено претворить это решение в жизнь, а перегородка продолжала стоять — значит, они что-то и где-то малость недоработали...

К начальнику управления юстиции области Жильцову с трудом, но удалось попасть на приём. Никита Сергеевич, человек на вид деловой, в ситуацию вник, тут же позвонил приставу Козленко и строго приказал: завтра же с утра отправиться в Ленинский суд, немедленно решить вопрос о возобновлении судебного производ-

ства и о наказании Ульяновой, так беззастенчиво издевающейся над решением суда и судебными приставами. А в конце начальник областной юстиции сказал и вовсе правильные слова, от которых, признаться, я вынужден был, отвернувшись, смахнуть незаметно с ресниц слёзы умиления и благодарности: нельзя, мол, допустить, чтобы законопослушные граждане и дальше тратили свои нервы и время на походы по инстанциям, а незаконнослушная Ульянова продолжала бы безнаказанно мотать и им, и служащим Фемиды нервы...

И как же замечательно, что мне удалось скрыть-спрятать свои слёзы умиления! На следующий день г-н Жильцов по телефону сухо поставил меня в известность, что ни управление юстиции, ни судебные приставы теперь мне уже помочь не в силах — на бумаге снос перегородки зафиксирован.

Не знаю, может, в юриспруденции я и не весьма подкован, но с логикой у меня всегда и всё было в порядке. Если, допустим, преступника приговорили к пожизненному заключению, заточили в тюрьму и оформили все бумажки-документы, а тому удалось бежать-скрыться — что, приговор будет считаться исполненным до конца? Или, предположим, человека выселили по решению суда из чужой квартиры, он посидел на своих узлах пять минут на улице, дождался, пока понятые подпишут акт-протокол, а потом затащил все вещи обратно — что, у судебных приставов больше не будет к нему никаких претензий?..

Это я уже размышлял на пути в Ленинский районный суд, где мне удалось встретиться-поговорить с председателем суда Бульновым. Он доверительно рассказал мне пару скорбных историй из судебной практики о том, как наши шустрые и обнаглевшие в перестроечно-беспредельные времена граждане вроде Ульяновой буквально плюют на судебные решения. Одним словом, устойчивое некогда выражение «уважаемый суд», как я понял, выглядело в наши дни анахронизмом.

Ещё более жуткую историю про некую перегородку, которую сносили шесть раз поведал мне прокурор Ленинского района Лукин. Причём, Лев Семёнович о мытарствах истцов-соседей, прошедших через шесть судебных заседаний, рассказывал с улыбкой и даже со смешком — он вообще человек, судя по всему, улыбчивый.

Восстановив силы после очередного неудачного визита, через несколько дней я направил стопы к прокурору города Муркину —

человеку на вид строгому и неулыбчивому. Но, получив вскоре по почте ответ с его советом снова обращаться в суд, я понял, что в принципе между прокурором улыбочивым и прокурором хмурым разницы никакой не существует. Нет, правда, что-то не всё ладно в нашем Барановском королевстве: в Москве как раз в то время прокуроры олигарха Гусинского за решётку посадили, а у нас зарвавшуюся, прошу прощения, бабу на место поставить не могут...

И вот в связи с этим — такой любопытный штрих. Надеюсь, читатель помнит про «бронированную крышу» Ульяновой? Так вот, 13 апреля, akurat в мой день рождения (кошунственно употреблять слово «подарок», но я, прости меня, Господи, воспринял со злорадством это именно так) барановского мента-авторитета Джейранова среди бела дня во дворе областной больницы, куда он приехал на какие-то прогревания, свои же бандюки-конкуренты укукошили из «калаша». Три пули в голову и — ку-ку. Да-а-а, ничто не вечно под солнцем, и на самую крутую кровлю, как говорится, найдётся свой ураган — налетел злой безжалостный смерч и унёс «крышу» ульяновскую в заоблачные эмпиреи... Казалось бы, теперь-то руки у барановских чинуш от юстиции развязаны — можно и закон как должно исполнять. Однако ж, видимо, назад раком пятиться из абсурдной ситуации им теперь было, выражаясь по-уголовному, западло, или же тень «крыши» им по-прежнему мерещилась...

Итак, 6-го июля я всё же подал ещё одно заявление на имя Сапожника с просьбой содействовать в возбуждении уголовного дела по статьям УК РФ 315 (неисполнение судебного решения) и 330 (самоуправство). Через месяц из облпрокуратуры поступил ответ:

«...спорная перегородка была разобрана... о чём был составлен акт... Поскольку Вы стороной (? — Н. Н.) по этому делу не являетесь, то судебный пристав не обязан Вас извещать о своих действиях... В связи с тем, что решение суда о сносе перегородки исполнено надлежаще (?! — Н. Н.), оснований для прокурорского вмешательства нет...»

Самое здесь ёрническое словцо — «надлежаще». Мой компьютерный редактор Word даже подчеркнул его волнистой красной линией — мол, неправильное словцо, ошибочное, плохое. Ещё раз уточню-поправлю: если перегородка всё ещё продолжала стоять, то ни о каком «надлежащем» исполнении решения суда и речи быть

не может. Это — во-первых. А, во-вторых, в решении суда имелась строка (цитирую дословно): «Привести общий коридор в первоначальное состояние». Для исполнения этого пункта решения и судебному приставу, и мифическим понятиям, и рабочим-исполнителям пришлось бы провести в нашем коридоре несколько дней, ибо Ульянова успела нагородить-настроить в захваченном-отграбленном коридоре много чего, понаклеила свои обои и т. п. Понятно, что в этом случае «надлежащее исполнение» решения суда ну никак бы не прошло незамеченным для соседей, которые (и это — третьих) в качестве заинтересованных лиц, внесённых в протокол судебного заседания — о чём как бы забывали прокуроры-юристы — должны были получать всю информацию по делу, касающуюся их...

Ещё во время аудиенции у прокурора Ленинского района Лукина (улыбчивого), когда я понял, что чиновный товарищ этот восстановить справедливость-законность не поможет и не собирается, я решил воспользоваться моментом и получить хотя бы (чуть было не написал «с паршивой овцы хоть шерсти клок»), да вовремя, слава Богу, удержался!) бесплатную юридическую консультацию. Я спросил Льва Семёновича, а что случится-произойдёт, если я самолично снесу эту перегородку? И прокурор-консультант меня обрадовал: тогда, мол, головная боль возникнет у Ульяновой — уже она примется-начнёт ходить по судам-прокуратурам. Но самое примечательное, что там её и слушать не станут, ибо перегородки-то данной уже со 2 декабря 1999 года в природе как бы не существует — снесена она в присутствии пристава и понятих, а бумажка это подтверждает.

— Что же, остаётся самосуд, если даже прокуроры так советуют? — спросил я с ехидной горечью Лукина.

Тот лишь привычно растянул рот до ушей.

Но самое смешное я увидел вечером в областной газете: там начальник Управления судебного департамента при Верховном суде РФ в Барановской области Ю. А. Шутков с гордостью рапортовал: «...оценивая состояние судебной системы области, с удовлетворением могу сказать, что на карте среди других российских регионов наша малая родина не смотрится “серым” пятном». Эх, как мне хотелось лично заверить уважаемого государственного советника юстиции второго класса, что если в нашем с ним родном Баранове по полтора года не исполняются решения судов по сносу каких-то

паршивых незаконных перегородок, то несчастная наша Барановщина смотрится в этом плане не просто серым пятном, а прямо таки — болотным...

Ну и завершу эту главу напоминанием на этот раз прокурорского **ДОБРОГО СОВЕТА**: *если решение суда по сносу незаконно возведённой перегородки (забора, гаража, сарая и т. п.) не исполняется в должный срок, истец вправе самолично его исполнить, если у него хватит на это характера и сил.*

Грустно на этом свете, господа!

5. Дни поражений и побед

Как понял уже проницательный читатель: характера и сил на самоличный снос перегородок у меня не хватило — кишка тонка у винтылличента!

Всю осень и начало зимы 2000-го года ходил я по всё новым и новым инстанциям. Для начала обратился к депутату Барановской городской думы и адвокату по профессии В. Н. Дьячкову (очередному однофамильцу пожарника!). Он мне совершенно бесстыдно пояснил, что есть два пути: он может попробовать разобраться в деле и помочь как депутат и совершенно бесплатно, но при этом успех вряд ли гарантирован; второй путь — если он возьмется за дело как адвокат, то в успехе можно не сомневаться и будет стоить это по таксе в пределах одной тысячи рублей. Блин, этакий «двойник» почти как у Достоевского! Лишней тысячи рублей у нас, нищих соседей Ульяновой, само собой, не имелось, а мои намёки насчёт того, что, дескать, рассказ в газете о том, как помог он в таком затянувшемся деле — станет ему рекламой, увы, депутата-адвоката не соблазнили: видно, как судьи наши провинциально-доморощенные не понимают, что такое моральный ущерб, так и адвокаты местные совершенно ничего не смыслят в рекламном деле. Деревня!

Однако г-н Дьячков всё же дал напоследок совершенно бесплатного дельный, по его мнению, совет: обратиться к депутату Госдумы от нашей области Т. И. Заборовой.

Что ж, совет и мне показался дельным: кому, как не представителю высшей законотворческой власти страны заинтересоваться и

разобраться, почему это в нашем Богом забытом Баранове законность даёт такие нелепые сбои — годами не исполняется простое решение суда? И поначалу дело, вроде, пошло: уже через несколько дней после подачи заявления в канцелярию депутата побывал в нашем печально знаменитом коридоре помощник Заборовой, самолично осмотрел перегородки, пообещал от её имени разобраться... Увы, когда уже в конце ноября из областного управления юстиции пришла очередная отписка, стало понятно, что в принципах работы коммунистов (а Заборова представляла в Госдуме именно их) ничего не изменилось: заявление было без лишних хлопот спущено по инстанциям...

Сгоряча обратился я за помощью и начал было ходить ещё к председателю Барановского областного правозащитного центра Л. Е. Щукиной, да только время потерял: кончилось всё опять же бесплатным советом — подать новый иск в суд, но теперь уже на судебных приставов.

Убедившись, что выхода нет и действительно для борьбы с судебно-исполнительным крючкотворством придётся опять нырять в судебную систему, послал я почтой 17 декабря 2000 года исковое заявление в Ленинский райсуд на бездействие судебных исполнителей. Можно представить моё, мягко говоря, недоумение, когда через неделю я получил свои бумаги назад с припиской-определением судьи Л. В. Илюхиной (интересно, каков у неё должностной оклад?), что-де заявление необходимо подать в Октябрьский суд. Нелепость, конечно, стопроцентная, но не спорить же с судьёй — отправил бумаги в другой район. Оттуда, спустя время, была получена копия письма председателя Октябрьского райсуда к председателю Ленинского: мол, друг-коллега, что вы там — опупели? Отправляем обратно вам данное исковое заявление «для рассмотрения по существу». Между тем, ещё почти месяц улетел коту под хвост...

И только 29 марта уже века-миллениума состоялось судебное заседание под председательством судьи Т. М. Милосердовой. Выяснилось: один из ответчиков, Мандовский, человек, получавший зарплату судебного исполнителя, который первым почти год не исполнял решение суда — уже уволился; второй, Козленко, продолжавший получать зарплату пристава до сих пор — просто в суд не явился. К тому же, бумага моя, вдруг оказалось, составлена жутко неправильно — заголовок не тот: надо, видите ли, не «исковое за-

явление» вверху написать, а — «жалоба». Почему этого не могла ещё судья Илюхина (интересно, какой же у неё оклад?!) сразу подсказать — Бог весть. Пришлось спешно переписывать.

В апреле, 3-го, суд всё ж таки состоялся. Были выслушаны обе стороны, в том числе и путанные объяснения судебного исполнителя Козленко, который, якобы, самолично видел, как одну — металлическую — перегородку сносили, поэтому он бумагу о прекращении исполнительного производства и составил. Но на довольно простые вопросы судьи ответить «исполнитель» не смог: каковы размеры захваченного Ульяновой части коридора, сколько там всего перегородок, был ли коридор приведён в прежний вид, почему не были поставлены в известность ближайшие соседи (заинтересованные лица) о прекращении судебного производства?... Решение суда и на этот раз опять было логичным, простым и понятным: отменить акт о прекращении судебного производства, исполнить решение суда от 12 марта 1999 года полностью и до конца.

Однако ж мы, соседи, наученные горьким опытом, радоваться не спешили. И — как в воду глядели! Поначалу дело, хотя и неспешно, но вроде сдвинулось с мёртвой точки. Был оформлен исполнительный лист, назначен новый, уже третий (!), судебный пристав, он начал с бумагами знакомиться... Между тем сердце точила, как выражаются в мыльных операх, горькая обида: ну в честь чего мы, соседи, два с лишним года своей жизни угробили зря, измотали за это время все нервы? Суд, к сожалению, вопрос о наказании виновных в волоките даже и рассматривать не стал. Но кто-то же должен за это ответить? В полной безнаказанности Ульяновой я убедился вполне, так что решил подать заявление в областное управление юстиции хотя бы на пристава Козленко. Вскоре мне из этой конторы уверенно сообщили-ответили, что, мол, разберутся...

И здесь необходимо, чуть забегаая вперёд, дать очередной совет в тему. За годы, что тянулась эта нелепая история-тяжба, я, подорвав свою добрую репутацию, приобрёл в какой-то мере славу кляузника и сутяги. Естественно — у чиновников инстанций и недоброжелателей, которые пытались этот ярлык на меня навесить. Гражданка Ульянова, нагло не исполняющая решение суда, вела себя, по их мнению, более достойно, чем я, добиваясь его исполнения. Так вот, в связи с этим — **ДОБРЫЙ СОВЕТ: не задумываясь, подавайте в случае необходимости и при уверенности в своей правоте заявления, пишите жалобы, не бойтесь прослыть кляузником**

ками. Ярлыки кляузников и сутяг навешивают на нас те самые чиновники всех мастей, специализаций и рангов, которых раньше называли бюрократами, а теперь, в духе времени и без всяких эфемизмов вполне можно назвать — «чиновничьей шалупонью». Это именно чиновничья шалупонь, оберегая своё безделье, свои высокие оклады и побочные доходы, обзывают кляузниками тех людей, которые пытаются заставить их работать и не брать взяток... Плюйте на их мнение, вот и всё!

Вернёмся, однако, к нашим барановским баранам. Как ни удивительно, но прошёл месяц, прошёл и второй после нового решения суда об исполнении старого, а Ульяновы-Сыскуновы всё ещё продолжали по-хозяйски пользоваться отграбленным у соседней коридором. «Да наступит ли когда-нибудь победа?» — думали соседи. Как вдруг аккурат 22 июня, в день начала Великой Отечественной войны, получаем мы уведомление из облсуда, что война и в нашем коридоре вспыхивает-начинается вновь: каким-то образом, хотя все и всяческие отведённые по закону сроки для апелляции прошли-миновали (и как ей это удаётся?!), Ульянова подала слёзную жалобу, что-де её не пригласили на заседание Ленинского райсуда по жалобе на пристава, да притом, мол, у неё уже есть разрешение от мэрии на уворованную часть общего коридора...

Опять-таки не буду здесь утомлять читателей подробностями, пунктирно сообщу: облсуд, к нескрываемому удивлению судьи Милосердовой, вернул дело для нового рассмотрения уже в присутствии Ульяновой. Но 6 августа заседание райсуда не состоялось опять из-за неявки пристава Козленко. Минут сорок мы его ждали. Я смотрел в коридоре суда в окно на улицу и грустно думал: нет, не будет у нас в стране порядка! И наводили на эти унылые мысли не только судебная волокита и наглость всяких ульяновых-сыскуновых, но и картинки-эпизоды, наблюдаемые мною из окна. Между зданиями суда и городской Думы зеленел большой газон и разноцветились две прекрасных громадных клумбы. Прямо по ковру ещё ярко-изумрудной муравы газона неспешно выгуливал дога здоровый амбал, жующий равнодушно жвачку и сплёвывающий поминутно под ноги свою вонючую слюну. На одной из клумб шустро копошилась бабуся, собирая семена, скорее всего, на продажу и вытаптывая остальные цветы безжалостно. Две милovidные девочки студенческого возраста задержались на пяток минут у второй клумбы и деловито нарвали-составили пышный дармовой бу-

кет, вслух обсуждая, вручить его какой-то Елене Львовне до лекции или после — вероятно, у их преподавательницы был сегодня день рождения или юбилей...

Тоска!

На следующем заседании, аж через три месяца (5 ноября), суд решил создать комиссию для проверки обстоятельств дела с выходом на место. 13 ноября комиссия во главе со старшим приставом Ленинского района и состоящая из приставов Ленинского района пришла в наш злополучный коридор, дабы проверить качество работы своего товарища — пристава Ленинского района Козленко. (Невольно подумалось: а вот если б, к примеру, суд где-нибудь там, на Кавказе, поручил полевому командиру Басаеву создать комиссию и проверить — на самом ли деле совершал преступления его подчинённый полевой командир Радуев?..) Комиссия явилась, разумеется, без предупреждения, так что из ближайших соседей дома чудом оказался только я — буквально заскочил случайно на пять минут между неотложными делами. Ульянова была, конечно, дома. У комиссии не оказалось плана коридора, её почему-то совсем не интересовал самый философский вопрос-проблема: можно ли считать уничтоженной-разобранной по решению суда металлическую перегородку, если эта перегородка до сих пор благополучно стоит на том же самом месте? Комиссии было не до того — она сочувственно слушала, как гражданка Ульянова прилюдно корила и стыдила меня за то, что развёл я-де склоку в коридоре и не даю ей спокойно жить (а ещё, мол, писатель!), и даже согласно ей поддакивала...

Короче, в результате члены комиссии составили акт, за который судья Миросердова потом во время очередного заседания суда просто-напросто отчитала их, как нерадивых школьников: в бумаге было зафиксировано, что, дескать, одни уверяют, что перегородка сносилась, другие утверждают, что перегородка не сносилась, а в данный момент перегородка стоит... Дурдом!

На этом заседании, 7 декабря, я задал представителю-адвокату Ульяновой (сама она на суды перестала являться) в присутствии её благоверного Сыскунова три конкретных вопроса:

1) Если в деле есть объяснительная Сыскунова о том, что он самостоятельно восстановил якобы снятую перегородку уже на следующий день, 4 декабря 1999 года, но есть и заявление Ульяновой в облсуд, что ею 27 сентября 2000 года было якобы получено разре-

шение мэрии на перегородку и только тогда она вновь установила её, то — кто из них так беспардонно врёт?

2) Если в деле есть бумага из мэрии от 19 января 1999 года о том, что Ульяновой отказано в регистрации незаконно возведённой перегородки без согласия соседей, а Ульянова уверяет, что 27 сентября 2000 года такое разрешение из мэрии получила, то что же за неполных два года произошло-случилось — мэрия стала другой или законы поменялись?

3) Почему, ну почему всё же гражданка Ульянова считает, что половина общего коридора на шесть квартир должна принадлежать только одной 92-й квартире?!

На первый вопрос ответ дал сам Сыскунов: перегородка была действительно сразу установлена лично им вновь, потому что решения суда решениями, а накопленное добро на виду не оставишь (для чего же тогда супруга, гневя Уголовный кодекс, обманула областной суд, он объяснять не стал — и без того понятно). Судья Милосердова попыталась выяснить, понимает ли Сыскунов, что этого нельзя было делать? Понимать-то он понимал, но добро есть добро! (Нет, только представить себе: получается, человек в зале суда, в лицо судье говорит, мол, да плевал я на все и всяческие ваши решения!..)

По второму вопросу точки над *i* поставила, опять же, судья, объяснив Сыскунову, что в странной бумаге из мэрии, сказано, что она, мэрия, «не возражает», если перегородка соответствует всем техническим нормам и «не ущемляет интересы соседей». А между словами «разрешение» и «невозражение» — две большие и даже огромные разницы. (Добавлю от себя, что даже такую двусмысленную бумагу с «невозражением» выдавать было более чем странно — можно было поздравить барановского мэра с такими работниками!)

Ну, а ответ на третий вопрос, абсолютно аукался с первым: им, Ульяновой с Сыскуновым, есть что оберегать от лихих людей, для этого и нужна дополнительная жилплощадь с перегородкой-загородкой. На справедливое замечание судьи, что, дескать, нельзя же печься о своих интересах за счёт ущемления интересов соседей, муж Ульяновой и её представитель лишь неопределённо пожимали плечами...

Слушая эти дебаты, я смутно начал подозревать что-то неладное: уж больно судья Милосердова старательно и как-то напоказ

распекала ответчиков, пеняла им, даже на них гневалась... Увы, предчувствия не обманули — судья Милосердова при вынесении-объявлении вердикта даже порозовела от лёгкого атаквистического смущения. И дабы решение суда не показалось совсем уж неожиданным и странным, пояснила вначале, что ФОРМАЛЬНО она вынуждена его принять, ибо в деле присутствует бумага о демонтаже перегородки и что-де ФОРМАЛЬНО судебный исполнитель Козленко долг свой как бы исполнил, так что суд постановляет «жалобу на его бездействие пристава оставить без удовлетворения». И тут же служительница Фемиды в присутствии всех участников судебного заседания сказала-посоветовала, не смотря в мою сторону: вам, дескать, надо подать новый иск, уже опять к Ульяновой, на снос как бы новой перегородки и в успехе, добавила Таисия Мартыновна, можно не сомневаться...

Возвращаясь из здания суда домой, я думал горько по дороге: итак, остаётся три пути: 1) как советовал весёлый прокурор — всё же самолично снести перегородку, и тогда уже сама Ульянова будет ходить по судам в качестве истца-правдолюбца; 2) тоже воздвигнуть-соорудить у своей двери тамбур-перегородку (раз позволено их строить без разрешения, то, наверное, — всем?), и тогда Ульяновы-Сыскуновы будут вынуждены сделать проход-выход (как, кстати, это и предусмотрено архитектурным проектом!) из своей квартиры во 2-й подъезд; 3) подать новый иск и начать новый трёх-годовой поход по всем девяти кругам судейско-бюрократического ада...

Страшно было и подумать! Да и сил уже не оставалось. И ещё я понимал: не совсем же я наивный человек и знал-предчувствовал я с самого начала, что не пробить мне эту стену, то бишь, перегородку лбом, что судиться-тягаться с состоятельными людьми, новорашами, всё равно, что плевать в небо. Однако ж все эти три нервнотательных года тяжбы выдержал я ещё и потому, что упорно собирал материал вот для этой документальной повести о нашей судебной системе. А материала набиралось столь много, что удавалось даже кое-что использовать в художественных произведениях — к примеру, в написанном мною тогда романе «Меня любит Джулия Робертс» я очень едко использовал Ульяновых-Сыскуновых в качестве прототипов очень поганых персонажей... Мелочь, а — приятно!

К слову, хочу здесь объяснить если не в любви, то, по крайней

мере, в уважении к Тамаре Моисеевне Ульяновой. Нет, правда, я вполне серьёзно: эта хрупкая на вид женщина не только занималась бизнесом (этакая бизнесвумен!) и бесстрашно водила джип размером с танк средней тяжести, у неё ещё хватало сил и упорства все эти три года доказывать торжество демократии в нашем обществе для отдельно взятых людей — полную, наиполнейшую свободу от моральных, юридических и всяких других законов...

О, счастливыцы!

Между тем, 24 декабря 2001 года в ходе Прямой линии на ОРТ и РТР с В. В. Путиным я, изложив через Интернет Президенту России суть данной проблемы, что-де почти три года в нашем Богом забытом Баранове не исполняется простое решение суда по какой-то паршивой перегородке, задал вопрос по теме «Судебная реформа»: «Когда же, Владимир Владимирович, конкретно начнётся у нас в стране эта реформа, то есть — борьба с волокитством, бюрократизмом и взяточничеством в судебной системе?»

Было обещано, что ни один конкретный вопрос, заданный в ходе Прямой линии, Президент не оставит без ответа. И точно, спустя почти девять месяцев, я получил красивую бумагу от главного федерального инспектора аппарата полномочного представителя Президента по Барановской области. Вы не поверите, что ответил мне этот самый представитель Президента: перегородка, судя по бумагам, снесена, так что обращайтесь, голубчик, снова в суд — «желаю Вам здоровья и благополучия!»

Как говорится, приехали, приплыли, приземлились!..

6. Рукопашный бой

К стыду своему должен признаться: я — сдался. Я — опустил руки. Я — смирился.

Плюнул, фигурально выражаясь, на этих пакостных Ульяновых-Сыскуновых и почти что целый год совсем не обращал внимания и на них, и на их вонючую перегородку. Здоровье дороже!

Ан не тут-то было. Известно: положи хаму палец в рот, он всю руку по самый локоть отжует-откушает. Короче, хозяева 92-й почувствовали себя правыми и победителями, носы задрали и решили самоуправствовать и самодурствовать до предела. Фонарь, который они подвесили над перегородкой взамен украденных-отгоро-

женных коридорных окон, горел всё это время круглые сутки — иначе даже днём в созданном тупике была бы полная темь. И вот как-то раз, уже глубокой осенью 2002-го, я позже обычного, в полночь, возвращался домой и, шагнув из тамбура в наш коридор, засыл: темнота тотальная — не видно ни зги. Пришлось по стеночке, на ощупь добираться до своей двери и долго нашаривать-искать ключом замочную скважину (жена была в отъезде). В следующие два вечера я специально выглядывал в глазок и обнаружил-зафиксировал: поганец Сыскунов, возвращаясь после вечерней прогулки со своей сукой (я имею в виду не жену, а — бульдожиху) часов в десять, закрывал за собой дверь и тут же вырубал свет в общем коридоре — выключатель находился у них за перегородкой.

Я, само собой, вскипел: ах ты козёл пархатый! Эконом хренов! Впрочем, при чём тут эконом, если фонарь этот был подключён к общей электролинии, и мы все шестеро квартирных хозяев оплачивали накручиваемые им киловатты. Короче, в дурь попёр Сыскунов: мол, что хочу, то и ворочу!

И опять покаюсь. Мне бы как умному «ынтылличентному» человеку скинуться по двадцатке с другими соседями или разориться на сотню самому, пригласить электрика, чтобы он наладил-восстановил хотя бы один из трёх патронов в оставшейся части нашего злосчастливого коридора (все они были вырваны с корнем хулиганствующей шпаной или бомжами), вкрутить туда лампочку и продолжать игнорировать обитателей 92-й... Увы, слаб человек! Мелок! Суеген!

Решил я как-то усюветить Ульяновых-Сыскуновых, вежливо объяснить им, что не правы они, плохо себя ведут, не по-соседски. Но ведь не разговаривать же с ними (от одной только мысли всего передёргивало!). Придумал-изобрёл вполне логично-детский выход из положения: взял лист плотной бумаги, красной тушью ярко написал-попросил «Свет в коридоре не гасить!» и вывесил сей плакатик на всеобщее сыскуновское обозрение, причём — на свою стену, рядом с нашей дверью. И что же? Вечером свет опять был погашен-вырублен, а плакатик мой со стены исчез, одни кнопки остались.

Ах ты, думаю, троглодит спесивый! Ладно, упрямства мне не занимать. Следующий плакатик я сотворил на компьютере и вывел через принтер. Получился он не такой красочный, зато появилась теперь возможность печатать и вывешивать его дубликаты в нео-

граниченном количестве. В последующие дни потратил я бумагу на четыре таких возвания. И, чего уж скрывать, начал я текст редактировать-видоизменять, добавляя всё больше и больше сарказма, желчи и яду. К примеру, на третьем плакатике фраза-приказ «Свет не гасить!» была отпечатана на английском и немецком языках и внизу помельче значилось: «Для грамотных!». А на четвёртом возвании, где опять по-русски, вверху красовалось пояснение: «К сведению для самых тупых!»... Ничего не помогало: плакаты исчезали, свет вырубался. И тогда я пошёл ва-банк: очередной плакатик с изнанки жирно вымазал канцелярским клеем и прищипандорил его прямо на сияющий дерматин их незаконной двери-перегородки, залепив даже глазок.

Естественно, я предполагал-ожидал, что этот мой демарш станет, что называется, последней каплей в плакатной войне и приготовился к обороне. Причём — всерьёз. В хозяйстве у меня с давних пор хранился на всякий случай газовый баллончик «Шок», который я приобрёл в «Охотнике» для спокойствия души и нервов, когда приходилось оказываться на вечерних и ночных улицах города или пробираться на велосипеде сквозь стаи бездомных собак по пути на «фазенду». Наклеив плакатик, я баллончик этот пристроил в прихожей на обувную полку — авось и пригодится.

Часов в шесть вечера, когда мы с женой только-только сели ужинать, в дверь затрещало. Причём — нагло, требовательно, беспрерывно. «Ну вот и началось!» — с каким-то даже удовлетворением подумал я и пошёл открывать. Но, признаюсь, я всё же думал, что Сыскунов ограничится словесно-ругательным поносом, поэтому про «Шок» совершенно забыл и дверь сразу распахнул настежь. Надо было видеть багрянец гнева на мясистых щеках соседа и яркость молний, сверкающих в его свиных глазках! От него даже жаром полыхнуло. Но не успел я подивиться такому накалу ярости, как в лицо мне вцепился ком смятого плакатика, следом хлынул на меня поток густой брани и угроз («Я тебя урою, гад! Я тебе башку щас оторву, урод!! Я тебя, сука, по стене размажу!!!»). Я даже растерялся на миг: Сыскунов вообще-то был молчуном, и я его голос даже толком никогда не слышал (на суде, практически, впервые), так что от неожиданного его и такого энергичного красноречия я прямо-таки обалдел.

Но сцена продолжала развиваться и полниться экспрессией. Сыскунов не раздумывая тут же тотально нарушил статью 139 УК

«Нарушение неприкосновенности жилища»:

1. Незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нём лица, — наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трёх месяцев.

2. То же деяние, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения, — наказывается штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от двух до пяти месяцев либо лишением свободы на срок до двух лет.

Боров этот вломился в мою прихожую, на мою территорию и попытался натурально въехать мне своим волосатым кулаком в лицо. А у меня, надо сказать, есть очень скверное качество: я почему-то не люблю, когда меня бьют по лицу. Особенно — какие-то торгаши вонючие. Короче, я каким-то чудом отступил-отклонился и не доставил ему такого удовольствия. Тут из кухни выскочила моя супружница и с ходу включила сирену голоса:

— А ну во-о-он из нашей квартиры!!! Пошёл во-о-он, негодяй!!!

Сыскунов на миг было опешил-отступил, вышагнул обратно в общий коридор, но ярость в жирной душе его ещё клокотала на полную мощь, он опять напряжился-собрался и пошёл на нас уже на обоих в атаку. Здесь стоит упомянуть, что Сыскунов был почти на голову выше меня и в плечах гораздо пошире. В сей чреватый последствиями момент я вспомнил о «Шоке», схватил баллончик с полки, направил в сторону взбесившегося хама и нажал спусковой клапан. Плотная струя ударила его в грудь. Я хотел прицелиться получше и оросить ему освежающим газом багровую морду, но он уже отскочил от нашей двери. В этот миг послышался в коридоре голос-вскрик Ульяновой:

— Тимоша! Что там происходит?! Что они с тобой сделали?! Сволочи!! Бандиты!!!

Я захлопнул дверь и, тяжело дыша, уставился на свою Татьяну. Та тёрла кулаками глаза.

— Ты что, плачешь, что ли? — поразился я.

— Глаза щиплет!

Я и сам ощутил лёгкую резь в глазах — часть газового облачка осталась-застряла в нашей прихожей. Но — странное дело: судя по инструкции к баллончику, мы с женой должны были просто истекать слезами и корчиться от боли. Однако ж глаза только слегка пощипывало, и слёзы текли довольно скупно. Я повертел баллончик, почитал надписи: тьфу, срок годности его истёк уже два года назад... Ни хрена себе — самозащита!

— Может, милицию вызовем? — предложил я и тут же сам устыдился своего предложения.

Мы ещё минут пять-десять пообсуждали в прихожей с женой дурацкую сцену плакатной битвы, перспективу наших отношений с больными соседями-захватчиками и только отправились на кухню к остывающему ужину, как в дверь опять позвонили. Ну вот, подумалось, и вторая серия! Татьяна кинулась к входной двери,глянула в глазок, а я на всякий пожарный снова приготовил газовый баллончик. Но жена от двери сообщила растерянно:

— Милиция!

— Вот и хорошо! Открывай! — бодро приказал я, но баллончик с глаз убрал.

Вошли три служителя порядка — капитан и два сержанта. Представились. И тут же приступили к допросу, составлению протоколов. Вызвал их, оказывается, Сыскунов, сообщив, что-де на его супругу напали в коридоре взбесившиеся соседи и чуть не убили отравляющим газом... Судя по скупым и каким-то укоризненным сведениям милиционеров, хозяйка 92-й лежала чуть ли не без сознания, лицо её было обожено до красноты, глаза ослепли от слезотечения, дыхание затруднено и т. д., и т. п., и пр. Там, за стенкой, оказывается, уже суетится целая бригада «скорой помощи». Мы с Таней тихо обалдевали. Я вытащил и отдал по требованию ментов баллончик — они его реквизируют. Все наши сбивчивые объяснения-доводы выслушивались служителями порядка весьма снисходительно и с понимающей усмешкой...

Естественным следствием «плакатно-газово-коридорной» битвы стало то, что на следующий день я отправил в почтовом конверте в райсуд новое заявление:

Ещё 12 марта 1999 г. Ленинский районный суд (судья Чабрецова Л. В.) вынес решение № (такой-то) о сносе незаконных перего-

родок, возведённых без согласия соседей в общем коридоре на 6 (шесть) квартир в доме № 36 по ул. Интернациональной хозяйкой кв. 92 Ульяновой Т. М., и приведении коридора общего пользования в прежнее состояние. Со временем в деле появилась бумага о том, что исполнительное производство по данному решению окончено 6.12.1999 г. Однако до сих пор перегородки стоят на прежнем месте, и все 12,5 погонных метров общего коридора, захваченных незаконно Ульяновой, по-прежнему находятся в полном владении её семьи.

В ответ на жалобы соседей о неисполнении решения суда председателю Ленинского райсуда, в районную, городскую, областную прокуратуру, областное управление юстиции, депутату Госдумы Т. И. Заборовой и т. д. вплоть до Президента России В. В. Путина, нам, соседям, советуют обратиться с новым иском в суд.

В связи с вышеизложенным от имени ближайших соседей Ульяновой Т. М. прошу вынести решение о сносе всех перегородок в указанном общем коридоре, запрете их нового возведения и приведении коридора в прежнее состояние.

А неестественным следствием той же битвы стала очередная моя промашка, которая позже вышла мне боком. Поэтому, забегая вперёд, спешу дать очень важный **ДОБРЫЙ СОВЕТ: в подобной конфликтной ситуации с участием милиции, которую вызвали ваши противники, немедленно, в свою очередь, спешите в милицию с заявлением.**

Здесь промедление если уж если не смерти, то поражению точно подобно. Я, увы, догадался составить заявление на имя начальника райотдела милиции только спустя десять драгоценных дней. Мне удалось попасть на приём к начальнику РОВД, он внимательно меня выслушал, заяву почитал, вызвал какого-то подчинённого, распорядился разобраться «по существу», и потом мы ещё довольно мило поговорили с полковником о литературе, кризисе детективного жанра и засилье на страницах современной прозы порнографии и секса. Просвещённый полковник, видимо, и сам не знал, что к тому времени подробная «телега» Ульяновых-Сыскуновых, которую они доставили в милицию на следующее же утро после коридорной баталии, была уже с соответствующими сопроводительными-комментариями препровождена в мировой суд. Делу был дан ход. Роль потерпевших уже была закреплена за нашими соседями, мне же осталась-досталась зловещая роль подсудимого-ответчика.

Участковый старлей вызвал меня (через десять дней!), чтобы я в своей бумаге шапку «Заявление» почему-то заменил на «Жалобу» и обещал дослать её вдогонку к сыскуновским бумагам в суд — может, дескать, и сыграет какую-нибудь роль.

Между тем, меня вызвали в районный суд в связи с моим иском по перегородке. Каково же было моё, если можно так выразиться, обрадованное изумление, когда выяснилось, что дело попало к судье Чабрецовой, той самой, при участии которой и начиналась вся эта судебно-исковая эпопея в марте 1999-го. Людмила Васильевна была искренне удивлена, что решение её, вынесенное 3,5 года назад, так до сих пор и не исполнено. Она попросила принести ещё недостающие бумаги (документы на нашу квартиру зачем-то и второй экземпляр заявления, о котором я опять забыл), после чего назначила рассмотрение дела на 15 декабря.

В этот день Ульянова не явилась, а прислала вместо себя объяснительную, что мол мама у неё шибко болеет и времени на суды у примерной дочери вовсе нет.

Перенесли заседание на 23 декабря — снова облом: Сыскунов притащил справку почему-то из военного госпиталя, что его супруга Ульянова болеет якобы бронхитом.

А 12 февраля (уж срок так срок дали для выздоровления!) ответчица не соизволила придти уже без всяких пояснений: дескать, да пошли вы все с вашими исками и судами!

Заседание тем не менее наконец-то состоялось, было непродолжительным, а вердикт кратким и недвусмысленным, как эхо суда четырёхгодичной давности: убрать-снести все перегородки в общем коридоре и привести его в прежнее состояние.

Ульянова, естественно, подала кассационную жалобу в областной суд, в которой, в частности, плела:

...Суд не учёл, что перегородка является временным сооружением, площадь коридора за перегородкой в общую площадь квартиры не включается и отчуждению не подлежит, а разрешения на возведение перегородки у меня есть — из департамента жилищно-коммунального и энергетического хозяйства, Центра санитарно-эпидемиологического надзора и техническое заключение «Барановгражданпроекта». Все эти документы мною направлены в архитектуру г. Баранова для получения разрешения.

...Я не могла 12 февраля 2003 года присутствовать на судебном заседании и не могла сообщить суду об уважительности своего от-

сутствия (умри Денис!.. — *Н. Н.*), так как накануне почувствовала себя очень плохо и утром пошла на приём к врачу...

Из районного суда я тут же получил копию этой цидулы и предложение-совет подать в письменном виде возражения, что я, не мешкая, и сделал.

...Ульянова подала кассационную жалобу в областной суд, полную передержек, фальсификаций и прямого обмана.

А именно:

1) Ответчица не являлась на заседания суда 4 (четыре) раза: 15, 23 декабря 2002 г., 12 февраля и 4 марта 2003 г., так что суд принял решение ЗАОЧНО в соответствии с буквой закона.

2) Речь в тяжбе (и решении суда) идёт не о перегородке, а о ПЕРЕГОРОДКАХ (не менее двух), причём отнюдь не временных сооружений, а КАПИТАЛЬНЫХ: одна перегородка кирпичная, другая — металлическая, вмонтированная на штырях в стены коридора.

3) Хозяева 92-й кв. отгородили-присвоили отнюдь не только «свою» долю в общем двухсекционном коридоре на шесть квартир: они захватили 80% (12,5 м) одной из секций (со всеми 4 окнами и 4 батареями отопления), оставив ближайшим соседям из двух квартир (93-й и 94-й) только тёмный закуток.

4) Ещё 12 марта 1999 г. было принято первое решение Ленинского суда о сносе незаконных перегородок, возведённых хозяевами 92-й кв. в нашем общем коридоре, и ещё тогда, 4 (четыре!) года назад, Ульяновой было разъяснено, что ни мэрия, ни областная администрация, ни сам Президент не могут выдать ей разрешение на сооружение перегородок в общем коридоре БЕЗ СОГЛАСИЯ соседей, и все подобные бумажки-разрешения могут быть только липовыми. С тех пор закон не изменился, так что ссылки Ульяновой на мифическую «архитектуру г. Баранова» (?), которая якобы уже четыре года обещает выдать ей разрешение на присвоение большей части общего коридора, выглядят, мягко говоря, не убедительно...

Областной суд рассмотрел кассацию Ульяновой 2-го апреля, отклонил её и оставил решение райсуда в силе. Сама Тамара Моисеевна на это последнее — «перегородочное» — судебное заседание явиться также не соизволила. Как потом выяснилось, силы свои она берегла теперь для другого суда.

Суда — мирового, «газового».

7. Ну очень мировой суд!

Напомню для начала тем, кто забыл, и сообщу тем, кто не знал, что Закон «О мировых судьях в Российской Федерации» был принят в ноябре 1998 года. Это событие как бы возвратило нас к правовым традициям России второй половины XIX века, когда в результате судебной реформы возникли мировые суды, каковые, по выражению тогдашнего министра юстиции Замятнина, должны были стать *краеугольным камнем гласного, скорого, правого и милостивого суда*.

В словаре Даля термина-понятия «мировой суд» я не нашёл, а у Ожегова пояснение дано такое — дореволюционный суд для разбора мелких гражданских и уголовных дел. И в нынешнем — XXI-м — веке мировому суду тоже спихнули всю «мелочь»: имущественные споры по искам до пятисот минимальных размеров оплаты труда, расторжение брака, назначение алиментов, административные нарушения, трудовые споры, дорожно-транспортные дела, прочее в том же духе и наконец уголовные дела со сроком наказания до 3-х лет лишения свободы — клевета, оскорбления, побои, мелкое хулиганство...

Понятно, что термин этот произошёл от слов «мир», «мирить» и главная задача-функция мирового суда — постараться не довести дело до приговора, а как можно быстрее покончить его полюбовно, примирением истцов-ответчиков.

Аккурат 2-го апреля, когда областной суд окончательно поручил чаяния Ульяновых-Сыскуновых, пытавшихся узаконить незаконное присвоение общего коридора, получил я повестку от мирового судьи Фоминой с предложением явиться к ней через день «на беседу».

Что ж, почему бы и не побеседовать с умной женщиной. Если она, конечно, умная. Тем более, что к приглашению была приложена копия совершенно несуразной бумажки, подписанной гражданкой Ульяновой, под названием —

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

23 ноября 2002 года в 18 часов 30 минут я вышла в коридор общего пользования, где я проживаю, чтобы узнать, о чём разговари-

вают вышедший ранее мой муж Сыскунов Тимофей Борисович и мой сосед Наседкин Николай Николаевич. Когда я спросила: «Что случилось?», — в этот момент Наседкин Николай Николаевич брызнул мне в лицо из газового баллончика, тем самым причинив мне физическую боль. В течение 40 минут я ощущала головную боль, резкую боль в глазах и у меня было затруднено дыхание, из-за чего пришлось вызывать «скорую медицинскую помощь».

Считаю, что в действиях Наседкина Николая Николаевича усматривается состав уголовно наказуемого деяния, а именно — совершение насильственных действий, причинивших физическую боль, предусмотренного статьёй 116 УК РФ...

Орфографию и пунктуацию в этом манускрипте я, поелику возможно, поправил, но всю бредовую суть оставил в истинной её красе. И поспешил в суд — надо же и ему разъяснить нелепость фантазий-обвинений моей «отравленной» соседки.

Кроме мирового судьи Фоминой (крепко сбитой коренастой женщины забальзаковского возраста с рыжим перманентом и с печатью неудачной личной жизни на густо оштукатуренном лице) я застал в её кабинете и чудесным образом выздоровевшую гражданку Ульянову. «Беседа» наша уже вскоре начала принимать довольно странный характер. Тамара Моисеевна живописала Татьяне Карповне (судье) о том, какой я злой человек, какой я злобный писатель, как я всех не люблю, ненавижу, всем завидую и беспричинно злобствую... Фомина сочувственно кивала головой и с сожалением на меня поглядывала.

Дали-предоставили слово и мне, но тут же выяснилось, что о злополучных перегородках речь вести нельзя, так как они, якобы, никакого отношения к столкновению-ссоре не имеют, с ними разбирался федеральный (то есть районный) суд, а у нас здесь главное — баллончик с газом и «пшик» из него в лицо несчастной Тамаре Моисеевне... Понятно, что я пытался спорить-протестовать, пробовал убедить женщину в перманенте, что «пшик» из баллончика (и совсем не в лицо, и совсем не на Тамару Моисеевну!) — это следствие изнурительной перегородочной битвы, давил-нажимал на логику и здравый смысл...

Бес-по-лез-но!

После этого судья приступила к главной своей обязанности: она (обращаясь почему-то только ко мне) предложила враждующим сторонам примириться, а для этого я должен был ни много ни мало

попросить прощения у своей милой соседки и пообещать клятвенно, что больше никогда с нею ссор затевать не буду... Естественно, от примирительных объятий-поцелуев с Ульяновой я решительно отказался и, нарушая табу, заверил во всеуслышание, что если она, Тамара Моисеевна, надеется таким путём сохранить свои сволочные (это было про себя произнесено) перегородки, она шибко ошибается.

На том и расстались. Пока. До заседания суда, которое было назначено на 11-е апреля.

Между прочим, о моём встречном иске-заявление, которое в суд должна была переправить милиция, судья Фомина даже и не заикнулась. Не мешкая, я побежал искать его следы. Выяснилось, что цидуля моя дошла и находится у Фоминой, но, как мне подсказали в канцелярии, надо ещё составить две цидули: заявление о рассмотрении этого моего заявления и возражения на жалобу Ульяновой. Что я и сделал.

Мировому судье судебного участка № 3
Ленинского района г. Тамбова Фоминой Т. К.
От Наседкина Николая Николаевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уже более 4-х лет между нашей семьёй и хозяевами кв. 92 (Ульянова Т. М., Сыскунов Т. Б.) существуют неприязненные отношения, возникшие из-за того, что Ульяновы-Сыскуновы, украв у соседней большую часть общего коридора (на 6 квартир), демонстративно отказываются её возвращать, хотя было уже два решения Ленинского районного суда (от 12 марта 1999 г. и 12 февраля 2003 г.), и при этом терроризируют соседей: выключают свет в оставшейся части общего коридора по своему усмотрению, водят по коридору свою собаку без намордника и пр. Сразу после начала тяжбы по сносу незаконных перегородок начались в нашей квартире ночные звонки с угрозами в мой адрес. В виду этого в июне 1999 г. я приобрёл за 50 рублей в магазине «Охотник» свободно продаваемый газовый баллончик «Шок» для самозащиты.

Пытаясь противодействовать хулиганству соседней, я вывесил у МОЕЙ двери, на стене МОЕЙ квартиры плакатик-просьбу «Свет не гасить!», однако гр. Сыскунов его беспардонно сорвал, как и последующие. И вот 23 ноября 2002 г., когда я 10-й (десятый!) плакатик вынужден был повесить уже на незаконную перегородку в нашем

коридоре, примерно в 18-30 вечера раздались резкие требовательные звонки в нашу дверь. Когда я открыл, в МОЮ квартиру ворвался с грязными ругательствами гр. Сыскунов, швырнул мне в лицо скотканый плакатик и бросился на меня с кулаками. В целях САМОЗАЩИТЫ (ст. 37 УК РФ) мне пришлось применить газовый баллончик — один раз «пшикнуть». Сыскунов вынужден был отступить, тут ещё его жена Ульянова выскочила из своей двери, начала как бы урезонивать его, но Сыскунов, не решаясь приближаться к баллончику, перешёл на угрозы и грязные оскорбления, так что, по его словам, «жить мне осталось недолго», «он меня уроет», «убьёт» и т. п. Причём, обращался он ко мне на «ты», «гад», «козёл», словно мы с ним повздорившие друзья-приятели. Но история и на этом не закончилась. Пока мы с моей насмерть перепуганной женой обсуждали, стоит ли нам позвонить в милицию, — раздался новый звонок в дверь и появился капитан милиции Первушкин Н. Н. в сопровождении ещё двух милиционеров. Оказалось, прибыли они по вызову всё тех же распоясавшихся Ульяновых-Сыскуновых. Капитан составил протоколы, в которых зафиксировал наши с женой показания по факту хулиганства Сыскунова и изъял у меня баллончик с газом для экспертизы.

4 декабря 2002 г. я подал заявление на имя начальника Ленинского РОВД г. Баранова о привлечении хулиганов-соседей из 92-й кв. к ответственности за данный инцидент. 19 декабря 2002 г. ст. л-т Балагуров А., разбиравшийся с заявлением, отправил его в Ленинский мировой суд в качестве искового заявления для рассмотрения по существу (исх. № Н-4). В канцелярии Ленинского мирового суда оно зарегистрировано 23 декабря 2002 г. С тех пор никаких сведений о судьбе своего заявления я не получал.

Между тем Ульяновы-Сыскуновы спустя 4 (четыре) месяца после инцидента и спустя 3 (три) месяца после регистрации моего заявления в Ленинском мировом суде подали 31 марта 2003 г. свою клеветническую «Жалобу в порядке частного обвинения», извратив факты инцидента, случившегося 23 ноября 2002 г., и обвиняя меня в немотивированном нападении на них. Это заявление было почему-то принято к немедленному рассмотрению, и заседание суда назначено на 11 апреля 2002 г.

В связи с вышеизложенным прошу:

1) Моё заявление от 4 декабря 2002 г. и заявление Ульяновой от 31 марта 2003 г. рассматривать одновременно в ходе одного судебного заседания, так как это два заявления конфликтующих сторон об одном и том же столкновении-инциденте.

2) Если это по каким-либо причинам невозможно, прошу ПЕР-

ВЫМ рассмотреть моё заявление, как поданное и зарегистрированное значительно ранее заявления противной стороны.

3) Прошу разобраться в служебном порядке, почему моё заявление с 23 декабря 2003 г. лежало в Ленинском мировом суде без движения.

Второй документ получился-выглядел, на мой взгляд, ещё более убедительно:

ВОЗРАЖЕНИЯ НА «ЖАЛОБУ В ПОРЯДКЕ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ»
УЛЬЯНОВОЙ Т. М.

31 марта 2003 г. Ульянова Т. М. подала в мировой суд Ленинского района клеветническую «Жалобу в порядке частного обвинения», в которой извратила факты инцидента, случившегося 23 ноября 2002 г.

А именно:

1) Она сообщает, что вышла в коридор общего пользования, дабы узнать, о чём разговаривает вышедший ранее её муж Сыскунов и сосед Наседкин, и в этот момент Наседкин якобы брызнул ей в лицо из газового баллончика. То есть, гр. Ульянова утверждает, что мы с Сыскуновым мирно беседовали (обсуждали, допустим, футбольные новости и рассказывали друг другу анекдоты), а когда она появилась из своих дверей, я вдруг ни с того ни с сего набросился на неё и пшикнул газом из баллончика в лицо, причинив «физическую боль»... Здесь явно описаны действия человека, находящегося в остром припадке сумасшествия или в крайней степени опьянения. Думаю, и сами Ульяновы-Сыскуновы, и свидетели (моя жена Наседкина Т. М, капитан Первушкин Н. Н. и два милиционера, бывшие с ним) подтвердят, что ни сумасшедшим, ни пьяным я в тот вечер не был.

2) Газовый баллончик «Шок» свободно продаётся в магазинах как средство самообороны, действие газа после применения прекращается через 20 минут и никаких серьёзных последствий для здоровья оно не представляет. Я вынужденно применил его для самозащиты против Сыскунова, который ворвался в МОЮ квартиру и набросился на меня с угрозами и кулаками. «Пшикнул» я один раз в тот момент, когда сам находился в прихожей своей квартиры, а Сыскунов, чуть отступив, находился у порога моей квартиры в коридоре. В этот момент и появилась из своих дверей Ульянова. Между нашими дверями расстояние 4 (ЧЕТЫРЕ) метра, между тем, зона действия баллончика «Шок» ТОЛЬКО ДО 2,5 (ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ)

метров, а более-менее серьёзно он действует на расстоянии ДО 1 (ОДНОГО) метра. Это чётко указано на самом баллончике, изъятном у меня капитаном Первушкиным для экспертизы. Так что никак не могла гр. Ульянова почувствовать «физическую боль», тем более «резкую» и пр. «предсмертные» симптомы.

3) Более того, Ульянова **ВООБЩЕ** не могла ощутить воздействие газа из этого баллончика, так как я приобрёл его в магазине «Охотник» за 50 рублей в июне 1999 г., когда после начала конфликтных отношений с Ульяновыми-Сыскуновыми мне начали угрожать расправой по телефону. Срок годности газового баллончика — 2 (два) года, так что в день применения 23 ноября 2003 г. уже более 2 (ДВУХ) лет, как срок годности его истёк (что могут подтвердить капитан Первушкин и результаты экспертизы), и фактически он был таким же безопасным и безвредным, как освежитель воздуха. И сама Ульянова на предварительной беседе у судьи 4 апреля 2003 г. неоднократно и справедливо подчеркивала, что на Сыскунова газ совершенно не подействовал, хотя Сыскунов в любом случае находился к нашей двери ближе, чем Ульянова. Таким образом, что и как делала Ульянова со своим лицом перед обращением к врачам, если на нём действительно были заметны какие-то следы воздействия, каким дезодорантом или антистатиком — знают только сами Ульяновы-Сыскуновы.

4) Думается ещё, что если бы каким чудом Ульянова и вправду серьёзно пострадала от газа вечером 23 ноября 2002 г., она обратилась бы в суд уже на следующий день. Почему же Ульяновы-Сыскуновы составили «жалобу» спустя 4 (четыре) месяца после инцидента? Это можно объяснить только тем, что 12 февраля 2003 г. Ленинский райсуд ещё раз вынес уже второе решение (первое было 12 марта 1999 г.) о сносе незаконных перегородок и возвращении соседям украденного Ульяновыми-Сыскуновыми общего коридора, так что с помощью мирового суда ответчики Ульяновы-Сыскуновы теперь пытаются шантажировать меня как истца, дабы я не настаивал на исполнении решения Ленинского райсуда.

5) Вызывает недоумение и не поддаётся никакому логическому объяснению тот факт, что, по существу, один и тот же Ленинский суд принимает к рассмотрению жалобу-иск от гр. Ульяновой, которая демонстративно более четырёх лет отказывалась исполнять решение Ленинского суда от 12 марта 1999 г. и уже второй месяц также демонстративно саботирует исполнение нового решения Ленинского суда от 12 февраля 2003 г.

В связи с вышеизложенным прошу дать соответствующую оценку «жалобе» Ульяновой от 31 марта 2003 г. и рассмотреть вопрос о

привлечении гр. Ульяновой к уголовной ответственности за клевету и оскорбления, позорящие мои честь и достоинство. Я довольно известен как писатель и журналист не только в Баранове, но и за его пределами (книги мои издаются в Москве, за границей), пользуюсь уважением как человек, работающий на повышение культурного имиджа Барановщины и мне совсем не нравится, что, мягко говоря, непорядочные люди вроде Ульяновых-Сыскуновых могут меня не только обворовывать, грабить, терроризировать, запугивать, шантажировать, но ещё после этого меня же и выставляют сумасшедшим, маньяком, хулиганом да ещё путём измышлений подводят меня под категорию «обвиняемого» и «уголовного подсудимого». А если завтра им придёт в голову обвинить меня голословно в попытке изнасилования или покушении на жизнь?

Прошу и учесть, что моё заявление на хулиганские действия Ульяновых-Сыскуновых находится в Ленинском мировом суде с 23 декабря 2002 г. без рассмотрения.

Но 11-го апреля быстро выяснилось, что мои «петиции» нравятся далеко не всем. К примеру, той же судье Фоминой. Она тут же безапелляционно и напрочь, причём без особых объяснений, отклонила просьбу о рассмотрении моего встречного заявления, а в моих «возражениях» ей жутко не понравилась просьба-предложение «о привлечении гр. Ульяновой к уголовной ответственности за клевету и оскорбления», и она (судья) пригрозила и эту бумагу вернуть, если я не дополню её доброй фразой: дескать, от судебного преследования гр. Ульяновой за клевету я отказываюсь...

Увы, я поддался на давление — написал-дополнил.

И здесь сам собой вызрел **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *ни в коем случае нельзя поддаваться прессингу судьи, отказывающего принять к рассмотрению ваши законные заявления и/или заставляющего менять-искажать их суть; тут же потребуйте письменного обоснования в отказе и немедленно обращайтесь в вышестоящие судебные инстанции, а ещё лучше — в прокуратуру. С первых же шагов судебного действия поддавшись необоснованному давлению суда или противной стороны, вы тут незамедлительно начнёте проигрывать процесс морально, а затем, можно не сомневаться, проиграете и фактически.*

На этом, первом, заседании появился и молодой шустрый парнишка, оказавшийся новым адвокатом истицы. Скорее всего для него (свидетели — моя жена, Сыскунов и капитан милиции Пер-

вушкин — ждали вызова в коридоре) были повторены все обстоятельства дела, а затем зачитаны протоколы, заявление и справка Ульяновой из станции скорой медицинской помощи. Она, эта справка, была весьма прикольной: выдана почему-то только 25 ноября (на третий день после инцидента) и значилось в ней, что прибывший по вызову врач обнаружил у гражданки Ульяновой покраснение кожи и слезотечение, что могло быть «реакцией на неизвестное аэрозольное вещество» и следом был вписан диагноз: «остеохондроз шейного отдела позвоночника» (?!).

Что касается протоколов, то я с удовлетворением отметил, что в милицейском протоколе изъятия у меня газового баллончика чётко отмечено-зафиксировано: срок его годности давно истёк. И в бумаге из экспертно-криминалистического управления вполне справедливо утверждалось:

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о наличии в представленном веществе (из баллончика «Шок» — *Н. Н.*) капсаицина — экстракта стручкового перца, который ни к сильнодействующим, ни к ядовитым веществам не относится.

Да и заключение в акте судебно-медицинской экспертизы, которую Ульянова прошла почему-то только на 6-й день после злополучного «пшика», на взгляд любого здравомыслящего человека, свидетельствовало вполне в мою пользу.

1. Согласно данным меддокументации (? — *Н. Н.*), у Ульяновой выявлены отечность лица, гиперемия (покраснение) слизистых оболочек глаз, слезотечение. Это является следствием воздействия раздражающих веществ, возможно (! — *Н. Н.*), из газового баллончика 23 ноября 2002 г.

2. Данные телесные повреждения не повлекли за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой обшей трудоспособности (как вред здоровью не квалифицируется).

Помимо этого имелась ещё и странная справка из какого-то опять госпиталя, будто Ульянова амбулаторно лечилась у них с 27 ноября по 3 декабря всё от того же «остеохондроза» (который, как известно, возникает от малоподвижного образа жизни, а совсем не от воздействия каких-либо газов).

Зачитав все эти бумажки-документы, Татьяна Карповна вызвала

по очереди наших свидетелей, выслушала их, затем ещё раз предложила мне помириться с милейшей Тamarой Моисеевной (попросить прощения), выслушав мой категоричный отказ, она как бы тяжело вздохнула и назначила новое судилище на 23 апреля, при этом (я сначала ушам своим не поверил!) приказала мне принести-предъявить суду характеристики на меня от... Союза писателей и от соседей. Мама миа! Вот оказывается до какого школьничества придётся дойти-опуститься...

Лёгким утешением этого судебно-фарсового дня стало то, что в почтовом ящике я обнаружил конверт со штампом подразделения судебных приставов и вполне замечательной бумагой.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о возбуждении исполнительного производства

...Руководствуясь п. 2 ст. 9 Федерального закона «Об исполнительном производстве», судебный пристав-исполнитель Веретёнкина О. А. постановила:

1. Возбудить исполнительное производство в отношении должника Ульяновой Тamarы Моисеевны.

2. Должнику в течение 5 дней со дня возбуждения исполнительного производства предлагаю добровольно снести самовольно возведённые перегородки к кв. № 92 в доме № 36 по ул. Интернациональной в коридоре общего пользования, который привести в прежнее состояние.

В случае неисполнения должником требований исполнительного документа без уважительных причин в срок, установленный для их добровольного исполнения, судебным приставом-исполнителем осуществляется принудительное исполнение исполнительного (Увы, таков в этих кругах стиль! — *Н. Н.*) документа и выносится постановление о взыскании с должника исполнительного сбора и расходов по совершению исполнительных действий...

Постановление о возбуждении исполнительного производства может быть обжаловано в соответствующий суд по месту нахождения судебного пристава-исполнителя в 10-дневный срок со дня вынесения постановления.

Ну вот, преждевременно подумалось, есть, есть правда на земле!..

Однако ж, не будем торопиться и покончим с мировым судом.

Понятно, что характеристики на меня, как водится, пришлось писать-сочинять мне же самому. Соседи из 94-й и 166-й квартир, а

также наш барановский литвождь подписи свои поставили с охотой: искренне соглашаясь, с одной стороны, со всем, что там было написано, а с другой, из благодарности ко мне, что не заставил, не упросил их писать эти бумаги самолично. А характеристики, надо признать, получились довольно симпатичные. Судья Фомина зачитала их вслух, узнав сама при этом и сообщив участникам процесса, что я «интеллигентный, образованный человек, известный писатель и журналист», что я «вежлив и предупредителен с соседями», что я «веду здоровый образ жизни», что у меня «хорошие семейные отношения с женой» и что у меня, наконец, есть «яркая положительная черта — стремление к справедливости»... Это — соседи.

А председатель писательской организации, в свою очередь, разъяснил суду, что член Союза писателей России Наседкин —

«автор восьми книг, вышедших в основном в Москве, по праву является лидером тамбовской литературы, единственным из местных писателей, который своими изданиями-публикациями в столицах, за рубежом, в Интернете (где у него есть и свой персональный сайт) поддерживает имидж не только барановской литературы, но и города Баранова как культурного центра, Барановщины как региона с высоким уровнем культуры. Имя его широко известно любителям литературы. Именно такими людьми, как известный писатель и журналист Н. Н. Наседкин, гордится наша Барановская земля...»

А далее Сан Саныч, наш писпредседатель, уже самолично добавил от себя, что

«писатель Н. Н. Наседкин в быту человек скромный, ведёт здоровый образ жизни (не пьёт, не курит, морально устойчив), пользуется заслуженным уважением товарищей по перу...»

К характеристикам была и приложена вырезка из свежего номера местной газеты, где на всю полосу красовался обо мне ну очень «медовый» очерк к наступающему буквально через два дня моему 50-летию. И очерк юбилейный был с выражением зачитан Татьяной Карповной. Правда, порой она делала неправильные, совершенно немислимые ударения в словах, но общего впечатления, думаю, это не испортило.

И действительно, надо признать, характеристики (и особенно

очерк) произвели на суд и противную сторону сильное впечатление. Взгляд судьи Фоминой явно потеплел и даже наполнился, как мне показалось, каким-то оттенком-блеском уважения ко мне, а адвокат дьявола... (тьфу, я хотел сказать — Ульяновой) тут же с жаром запротестовал против приобщения их к материалам суда, по какой такой причине я, признаться, так и не уразумел. Однако ж Татьяна Карповна характеристики-очерки к делу приобщила и тут же добавила ложку то ли мёда, то ли дёгтя: зачитала вслух две справки — из наркологического и психдиспансера. Неприятно, конечно, что такие справки, да ещё за твоей спиной на тебя запрашивают, но хорошо хоть и даже славно узнать, что ты, оказывается, в этих мрачных заведениях на учёте не стоишь...

И на том спасибо!

На данной ноте судилище в тот день и закончилось, ибо адвокат истицы, видимо, опасаясь благоприятного воздействия на суд моих характеристик и справок, а также явно желая потянуть время, настойчиво попросил пригласить в суд ещё одного ну очень важного свидетеля — врачуху «скорой помощи», спасшей его пациентку в тот злополучный вечер от «газовой смерти».

Через две недели, 7 мая, свидетельница Захаркина (молодая женщина), почему-то страшно волнуясь аж до *пунцовых пятен на щеках*, поведала суду, что хорошо и даже отлично помнит, как она, приехав по вызову, застала несчастную Ульянову в страшном состоянии: у неё наблюдались «пунцовые пятна на щеках, осиплость голоса, сухой лающий кашель, слезотечение»... Показаниям свидетельницы, отлично помнящей подробности вызова и состояние «лающей» пациентки целых пять с половиной месяцев, цены бы не было, но ведь вот в чём заковыка: на мои уточняющие вопросы — какого числа это произошло и какие вызовы (а их, по её словам, бывает не менее 15-20 за смену), каких пациентов того дня она ещё запомнила? — ужасно нервничающая молодая женщина ответить не смогла... Что-то с памятью её стало! Я сидел, почти не слушая адвоката, что-то вещавшего следом, и размышлял о том, во сколько же обошлось Ульяновой избирательность памяти этой симпатичной и, судя по пылающему лицу, ещё не совсем потерявшей совести женщины...

Когда мне было предоставлено последнее слово, я, по моему разумению, очень убедительно, логично и победоносно объяснил, что дело яснее ясного: все свидетельские показания можно тракто-

вать 50 на 50 — и в пользу истицы, и в пользу ответчика, но следует учесть, что у Ульяновой в наличии есть только всякие сомнительные справки, а у меня — факты, факты, одни только факты.

Оглашение вердикта было назначено на 12 мая. Дело это — составление приговора — как оказалось, серьёзное, требует подготовки, размышлений, вероятно, консультаций, ну и, не исключено, уточнений о размерах всяких премиальных и прочих тонких материй... Само собой, это всего лишь мои догадки-предположения.

Признаюсь (хотя мне стыдно в этом признаваться!), на оглашение приговора я шёл в бодром настроении, уверенный почти на все сто в своей победе. Поэтому хочу для таких же наивных людей дать очередной **ДОБРЫЙ СОВЕТ**: *до самого момента оглашения вердикта ни в коем случае нельзя быть уверенным в победе — тогда, если решение суда будет в вашу пользу, вы испытаете радость вдвойне, а если услышите из уст судьи, что проиграли — горечь и обида уже не будут такими острыми.*

У меня тонус при выслушивании «моего» приговора начал понижаться очень скоро и к финалу-заключению достиг минусовой отметки. Думаю, в первую очередь для тех счастливых, кто никогда не бывал в роли обвиняемого, стоит процитировать-представить здесь хотя бы шапку и заключительную часть этого довольно специфического и в чём-то очень и очень гнетущего документа из судебно-криминального мира.

ПРИГОВОР
именем Российской Федерации

г. Баранов

12 мая 2003 г.

Мировой судья судебного участка № 3 Ленинского района г. Баранова Фомина Т. К. с участием подсудимого Наседкина Н. Н., при секретаре Уклейкиной Н. П., а также частного обвинителя-потерпевшей Ульяновой Т. М., представителя потерпевшей адвоката Сёмкина В. А.

...рассмотрев материалы уголовного дела в отношении Наседкина Николая Николаевича (дата, место рождения, прописка и пр.), ранее не судимого, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ УСТАНОВИЛ:

(Далее пересказываются довольно подробно показания-версии всех участников процесса и следует вывод)

...Утверждения подсудимого Наседкина Н. Н. и свидетеля Насед-

киной Т. М., что он действовал в целях самообороны, струя газа направлена была на Сыскунова Т. Б., а не на Ульянову Т. М. опровергаются доказательствами по делу: показаниями свидетелей, актом освидетельствования. Свидетели пояснили, что у потерпевшей имели место признаки свойственные для реакции на аэрозольное вещество.

Утверждения подсудимого Наседкина Н. Н. и свидетеля Наседкиной Т. М. о том, что ни у кого из присутствующих при ссоре и во время использования газового баллончика не наступили никакие последствия, как у Ульяновой Т. М., следовательно повреждения у неё возникли при других обстоятельствах, несостоятельны, поскольку струя газа была направлена Наседкиным от себя и после этого он сразу же закрыл дверь. Свидетель Сыскунов в момент применения газового баллончика уже повернулся уходить от квартиры Наседкиных, и поэтому газ попал на одежду. Одна Ульянова стояла лицом к Наседкину, полученные именно Ульяновой повреждения свидетельствуют о направленности струи газа...

Не могут быть приняты во внимание доводы подсудимого о невозможности вредного воздействия газа на Ульянову ввиду истечения срока годности баллончика, т. к. они несостоятельны. Срок годности газового баллончика — это срок, на который изготовитель гарантирует свойства газа, что не исключает возможности его вредного воздействия на организм человека (как видим, судья совершенно не знает или сознательно забыл статью о презумпции невиновности! — *Н. Н.*).

Действия подсудимого Наседкина Н. Н. суд квалифицирует по ст. 116 УК РФ — совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ.

При избрании наказания суд принимает во внимание, что подсудимый Наседкин Н. Н. ранее не судим, характеризуется с положительной стороны, тяжких последствий для здоровья потерпевшей не наступило, преступление, за которое Наседкин Н. Н. привлечён к ответственности, относится к категории преступлений небольшой тяжести, что признаёт обстоятельствами, смягчающими наказание.

Обстоятельств, отягчающих наказание, в суде установлено не было.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 304, 307-308 УПК РФ, мировой судья ПРИГОВОРИЛ:

Признать Наседкина Николая Николаевича виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, и назначить ему наказание в виде штрафа в размере 25 минимальных размеров

оплаты труда, что соответствует 2500 руб. в доход государства.

Приговор может быть обжалован в апелляционном порядке в Ленинский районный суд г. Баранова в течение 10 суток со дня его оглашения.

Своего лица в сей момент я, естественно, не видел, а физии «потерпевшей» и её адвоката описывать не хочу.

И так понятно.

8. Жалуйся не жалуйся

Возвращаясь из здания суда домой, я, чуть переварив-преодолев гадостное настроение, вспомнил наконец добрый совет, который уже давно давали мне знающие в судебных тяжбах толк люди, и спешу дать-подарить его вам. **ДОБРЫЙ СОВЕТ:** *угодив в судебный процесс — и особенно в уголовный, и особенно в качестве обвиняемого! — не поспкуитесь на опытного адвоката. Во-первых, защитник-профессионал вот именно профессионально будет защищать вас, проследит за соблюдением законности всех этапов процесса и проверит достоверность документов и свидетельств; а во-вторых, судья будет совершенно по-другому, можно сказать, уважительнее и ответственнее и не так предвзято относиться к вам.*

Господи, да ведь у меня есть приятель-поэт, жена которого не просто адвокат, а занимает должность заведующей юридической консультацией. Созвонились-встретились. Увы, дружба дружбой, а дело делом: за ознакомление с материалами дела требовалось заплатить пятьсот рублей, да за участие в процессе минимум тысячу. Денег в наличии у меня не имелось. А моё вполне резонное предложение об уплате адвокатского гонорара после победы в процессе — отклика-сочувствия не вызвало: плата только вперёд. Впрочем, супруга приятеля-поэта всё же бесплатно посмотрела мою апелляционную жалобу и бесплатно же внесла в неё кой-какие коррективы. Я и за это был бесконечно благодарен.

Апелляция моя вообще, опять же на мой взгляд (да и приятелевой жены-адвоката), получилась доказательной и убедительной. Перечитывая её, я опять начал слышать победные литавры и фанфары. Ну посудите сами!

В Ленинский районный суд г. Баранова
от подсудимого Наседкина Николая Николаевича,
на приговор мирового судьи Фоминой Т. К. от 12.05.03 г.

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА

12 мая 2003 г. мировой судья судебного участка № 3 Ленинского района Фомина Т. К. вынесла приговор по уголовному делу № (такой-то), признав меня виновным в совершении преступления по ст. 116 УК РФ «Побои», и назначила наказание в виде денежного штрафа в размере 25 МРОТ в доход государства. Я себя виновным не признаю, категорически не согласен с приговором и считаю, что в ходе судебного следствия был нарушен или не учтён целый ряд статей УК и УПК РФ. А именно:

1) Ст. 318; 321, ч. 3 УПК. Уже более 4-х лет между нашей семьёй и хозяевами кв. 92 (Ульянова Т. М., Сыскунов Т. Б.) существуют неприязненные отношения, возникшие из-за того, что Ульяновы-Сыскуновы украли у соседней большую часть общего коридора (на 6 квартир) и демонстративно отказываются её возвращать, хотя было уже два решения Ленинского районного суда (от 12 марта 1999 г. и 12 февраля 2003 г.), и при этом терроризируют соседней: выключают свет в оставшейся части общего коридора по своему усмотрению (выключатель находится за перегородкой), водят по коридору свою сторожевую собаку без намордника и пр.

23 ноября 2002 г. вечером на этой почве произошёл конфликт, участниками и свидетелями которого стали четыре человека: я и моя жена Наседкина Т. М. — с одной стороны; Сыскунов Т. Б. и Ульянова Т. М. — с другой. По моей версии, в нашу квартиру ворвался Сыскунов и бросился на меня с кулаками, угрозами и оскорблениями (по крайней мере — ст. 130 УК): в целях необходимой обороны (ст. 37 УК) мне пришлось применить газовый баллончик — один раз «пшикнуть». По версии обвинения, Сыскунов со мной просто разговаривал, в это время в коридор вышла Ульянова, и я без всякой причины «брызнул ей в лицо» из газового баллончика.

4 декабря 2002 г. я подал жалобу на имя начальника Ленинского РОВД г. Тамбова о привлечении хулиганов-соседей из 92-й кв. к ответственности за данный инцидент. 19 декабря 2002 г. ст. л-т Балагуров А., разбиравшийся с жалобой, отправил её в Ленинский мировой суд в качестве моей жалобы в порядке частного обвинения для рассмотрения по существу (исх. № Н-4). В канцелярии Ленинского мирового суда она была зарегистрирована 23 декабря 2002 г. С тех

пор никаких сведений о судьбе своей жалобы я не получал.

Между тем, по жалобе в порядке частного обвинения Ульяновой, датированной 31 марта 2003 г., меня привлекли к уголовной ответственности. Судья Фомина Т. К. так и не смогла мотивированно пояснить, почему моя жалоба от 4 декабря 2002 г. не послужила поводом к возбуждению уголовного дела или хотя бы не была соединена в одно производство с жалобой Ульяновой в качестве встречного заявления, так как налицо два заявления конфликтующих сторон об одном и том же столкновении-инциденте.

2) ст. 74, ч. 4; 81; 284, ч. 1 УПК. Самое главное (и по существу — единственное) вещественное доказательство моего «преступления» и моей защиты — газовый баллончик, изъятый у меня милиционером Первушкиным в тот вечер, — так и не был, несмотря на мои настойчивые просьбы, предъявлен суду в ходе судебного расследования. А между тем именно на баллончике указаны его важные для судебного следствия параметры: зона действия — до 2,5 м, зона опасного, сильного действия — до 1 м; срок годности, который истёк в марте 2001 г.

3) Ст. 73, ч. 1, п. 5; 75, ч. 2; 88, ч. 1; 287, ч. 1 УПК. Показания всех четверых участников и свидетелей инцидента полностью совпадают в том, что я не выходил из своей квартиры, а Ульянова не отошла от двери своей перегородки, из которой вышла: то есть, расстояние между нами было не менее 4 (четырёх) метров, так что струя (а тем более «брызги») из газового баллончика с максимальной зоной действия до 2,5 м никак не могли достичь «лица потерпевшей», а тем более на таком расстоянии «причинить физическую боль», на что я неоднократно обращал внимание суда, и это совершенно исключает применение ст. 116 УК.

Между тем, все показания потерпевшей, свидетелей обвинения и результатов судебно-медицинской экспертизы основаны на предположении, что, возможно, Наседкин направил струю газа в направлении «лица» Ульяновой, что, возможно, струя, вопреки инструкциям, параметрам и законам физики, достигла «лица» Ульяновой, что, возможно, газ причинил ей «физическую боль», хотя срок его годности давно истёк (за один год и восемь месяцев до момента применения).

Важно и подчеркнуть, что ни в справке станции скорой медицинской помощи от 25.11.02 г., выданной Ульяновой, ни в акте судебно-медицинской экспертизы от 29.11.02 г. не указано, что «реакция на неизвестное аэрозольное вещество» у Ульяновой произошла от газа из баллончика, изъятых у меня в вечер инцидента, хотя доказать это в ходе экспертизы никакого труда не составило бы.

4) ст. 14 УПК. Приговор суда основан на двух предположениях:

Предположение I. Я применил газовый баллончик не против Сыскунова (в порядке самообороны), а против Ульяновой. Между тем, я утверждаю и один свидетель (Наседкина Т. М.) подтверждает, что в момент применения баллончика Сыскунов находился в общем коридоре напротив нашей двери, лицом ко мне, и газ на него не подействовал только потому, что давно истёк срок действия; Ульянова утверждает и один свидетель (Сыскунов Т. Б.) подтверждает, что в этот момент Сыскунов от нашей двери отходил, струя газа попала ему на одежду и в то же время на «лицо» Ульяновой, находящейся в нескольких метрах далее. При равенстве количества свидетелей и противоречивости свидетельств создалась ситуация «сомнения в виновности обвиняемого», но все сомнения истолкованы судом почему-то, вопреки презумпции невиновности, в пользу обвинения.

Предположение II. «Брызги» из моего баллончика достигли лица Ульяновой и причинили ей «физическую боль». Это, как уже обосновывалось выше, исключается вещественными доказательствами (параметрами газового баллончика, расстоянием) и результатами экспертизы.

5) ст. 303 УК. Возникает ряд вопросов, на которые в ходе судебного следствия ответов не прозвучало:

Вопрос 1. Почему Ульянова после вызова «скорой помощи» отказалась от предложения «доставить её в токсикологическое отделение», где не составило бы труда путём анализов точно установить, от какого конкретно вещества появился у неё «сухой лающий кашель» и прочие симптомы «болезни»?

Вопрос 2. Почему Ульянова обратилась за справкой на станцию скорой помощи только 25.11.02 г. — на 3-й день после случившегося?

Вопрос 3. Почему судебно-медицинская экспертиза была проведена только 29.11.02 г. — на 6-й день после инцидента?

Вопрос 4. Какая связь существует между «амбулаторным лечением» Ульяновой с 27.11.02 г. по 03.12.02 г. и газовым баллончиком, изъятым у меня 23.11.02 г., если помимо вышеприведённых доказательств даже в результатах криминалистической экспертизы от 02.11.02 г. чётко сказано, что обнаруженное в изъятом баллончике вещество капсаицин-экстракт стручкового перца «ни к сильнодействующим, ни к ядовитым веществам не относится» (поэтому и находится в свободной продаже!); более того, и в акте судебно-медицинской экспертизы от 29.11.02 г. зафиксировано, что «телесные повреждения» (?) Ульяновой «не повлекли за собой кратковременного

расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности (как вред здоровью не квалифицируются)»?

Вопрос 5. Какая связь может существовать между газовым баллончиком, изъятым у меня, и «отечностью лица, слезотечением» и прочими болезненными симптомами у Ульяновой, обнаруженными 29.11.02 г. (на 6-й день), когда известно, что воздействие слезоточивого газа даже из нового, не просроченного баллончика прекращается через 20 минут и полностью исчезает через 2 часа после попадания на человека?

Вопрос 6. Почему свидетельница Захаркина С. А. утверждает, что даже названия «аэрозольного вещества» якобы применённого против Ульяновой, она, врач Захаркина, не знала, хотя одновременно с ней на месте инцидента находился милиционер Первушкин, изъявший у меня баллончик с газом?

Все эти вопросы явно свидетельствуют о фальсификации доказательств обвинения. Я утверждаю и все данные подтверждают это, что какие-либо следы воздействия какого-либо «аэрозольного вещества» на теле и «лице» Ульяновой не имеют связи с баллончиком, изъятым у меня; если подобные следы и имели место, то произошли от воздействия какого-нибудь дезодоранта, освежителя воздуха, дихлофоса и любого другого аэрозольного вещества, имеющегося в хозяйстве Ульяновых-Сыскуновых.

б) ст. 46, ч. 3 УК. Перед вынесением приговора судья Фомина Т. К. даже не поинтересовалась имущественным положением подсудимого: в состоянии ли я, писатель, представитель творческой интеллигенции, за последние годы ввергнутой государством в полную нищету, выплатить 25 МРОТ в доход этого самого государства?

7) ст. 307 УПК. В обвинительном приговоре не мотивировано, почему отвергнуты все доказательства в пользу подсудимого, и все спорные моменты, вопреки презумпции невиновности, трактуются в пользу обвинения. Кроме того, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора содержит грубые неточности, искажающие суть инцидента и вредящие обвиняемому: вместо «газа», «газовой струи» — «брызги», «обрызгал»; вместо «незаконная перегородка» — «дверь квартиры Ульяновой»; вместо «в направлении (поперевшей)» — «в лицо» и т. п.

Суд почему-то совершенно не принял во внимание и не учёл в приговоре существенные обстоятельства: а) инициаторами и виновниками многолетних неприязненных отношений между хозяевами квартир 92 и 93 являются Ульяновы-Сыскуновы; б) инициатором и виновником ссоры, случившейся вечером 23 ноября 2002 г., является Сыскунов Т. Б. — не я в его квартиру, а он явился в мою выяснять

отношения.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 323, 336, 355, 363, 369, 371 УПК,

ПРОШУ:

Отменить приговор мирового судьи Фоминой Т. К. от 12 мая 2003 г. ввиду несоответствия выводов, содержащихся в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, и многочисленных нарушений УПК и УК РФ в ходе судебного следствия — с прекращением уголовного преследования в отношении меня.

Упомянутые здесь статьи УПК и УК стоит для наглядности процитировать или хотя бы привести их заглавия.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС:

Статья 14. Презумпция невиновности.

1. Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Статья 73. Обстоятельства, подлежащие доказыванию.

1. (п. 5). Обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния.

Статья 74. Доказательства

2. В качестве доказательств допускаются:

4) вещественные доказательства.

Статья 75. Недопустимые доказательства.

2. К недопустимым доказательствам относятся:

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении...

Статья 81. Вещественные доказательства.

1. Вещественными доказательствами признаются любые предметы:

1) которые служили орудиями преступления или сохранили на

себе следы преступления;

2) на которые были направлены преступные действия;

3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

2. Предметы, указанные в части первой настоящей статьи, осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление...

Статья 88. Правила оценки доказательств.

1. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Статья 284. Осмотр вещественных доказательств.

1. Осмотр вещественных доказательств проводится в любой момент судебного следствия по ходатайству сторон. Лица, которым предъявлены вещественные доказательства, вправе обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Статья 287. Осмотр местности и помещения.

1. Осмотр местности и помещения проводится судом с участием сторон, а при необходимости и с участием свидетелей, эксперта и специалиста. Осмотр помещения проводится на основании определения или постановления суда.

Статья 318. Возбуждение уголовного дела частного обвинения.

Статья 321. Рассмотрение уголовного дела в судебном заседании.

3. Рассмотрение заявления по уголовному делу частного обвинения может быть соединено в одно производство с рассмотрением встречного заявления. Соединение заявлений допускается на основании постановления мирового судьи до начала судебного следствия. При соединении заявлений в одно производство лица, подавшие их, участвуют в уголовном судопроизводстве одновременно в качестве частного обвинителя и подсудимого. Для подготовки к защите в связи с поступлением встречного заявления и соединением производств по ходатайству лица, в отношении которого подано встречное заявление, уголовное дело может быть отложено на срок не более 3 суток. Допрос этих лиц об обстоятельствах, изложенных ими в своих заявлениях, проводится по правилам допроса потерпевшего, а об обстоятельствах, изложенных во встречных жалобах, — по правилам допроса подсудимого.

Статья 307. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать:

1) описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления;

2) доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства;

3) указание на обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а в случае признания обвинения в какой-либо части необоснованным или установления неправильной квалификации преступления — основания и мотивы изменения обвинения...

Статья 323. Обжалование приговора и постановления мирового судьи.

Статья 336. Право апелляционного и кассационного обжалования.

Статья 355. Порядок принесения жалобы и представления.

Статья 363. Апелляционные жалоба или представление.

Статья 369. Основания отмены или изменения приговора суда первой инстанции.

Статья 371. Обжалование приговора и постановления суда апелляционной инстанции.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС:

Статья 37. Необходимая оборона.

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

2. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

3. Превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства.

Статья 46. Штраф.

3. Размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и с учетом имущественного положения осужденного...

5. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа он заменяется обязательными работами, исправительными работами или арестом соответственно размеру назначенного штрафа в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом для этих видов наказаний.

Статья 116. Побои.

Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса (кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности)...

Статья 130. Оскорбление.

1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме...

Статья 303. Фальсификация доказательств.

Итак, сию апелляцию отнёс я в тот же мировой суд (именно таков порядок) 20-го мая, а разбор её в районном суде был назначен аж на 7 июля — 48 дней спустя. И как тут не привести, не процитировать ещё одну статеечку УПК РФ — 362:

«Рассмотрение уголовного дела в апелляционном порядке должно быть начато не позднее 14 суток со дня поступления апелляционных жалобы или представления».

Но прежде чем сообщить, какое впечатление моя убойная апелляция произвела на столь флегматичного федерального судью, поведаю о том, какой очень даже пикантный «сюрпрайз» случился в нашем соседско-коридорном мирке. В начале июня, 6-го, утром, когда я был дома один, в дверь позвонили. Открыл. И, образно говоря, чуть медленно не сполз по стене — Тимофей Сыскунов! Причём, даже не Тимофей, а — Тимоша: тихий, скромный и даже потупившийся от смущения. Одним словом, как я вскоре понял-разобрался — это был Тимофей, уже заплативший 500 рублей так называемого исполнительного сбора и получивший два извещения о штрафе за неисполнение решения суда о сносе перегородок (об этом речь у нас впереди), к тому же это был Тимофей, ознакомив-

шийся с текстом моей апелляции по «уголовно-газовому» делу и получивший от супружницы соответствующие инструкции-указания.

Итак, выяснилось, что Ульяновы-Сыскуновы не прочь заключить мировое соглашение. Полюбовно и взаимовыгодно. С их точки зрения. Суть их предложения, озвученная тихим Тимошей, заключалась в следующем: я пишу заяву судебным приставам-исполнителям, мол, насчёт перегородок больше претензий у меня нет и пусть они от хозяев 92-й квартиры отстанут напрочь... Ну и, конечно, заберу назад мою апелляцию, и мы похерим наше с ним «побойно-газовое» дело тоже раз и навсегда.

— А как же быть со штрафом в 25 МРОТ? — решил уточнить я.

— Да никак! — всохотнул Сыскунов. — Мы же вот не исполняем решение суда о сносе перегородок, так и ты не исполняй решение о штрафе... Делов-то!

— Нет, Тимофей Борисович, — твёрдо заявил я, — я так не умею делать и не хочу. Давайте поступим следующим образом: вы напишете ходатайство в районный суд, чтобы отменили приговор насчёт штрафа в связи с примирением сторон, а я тут же отзываю исполнительный лист насчёт перегородок. Идёт?

Тимофей Борисыч напряг все свои полторы (или сколько их там у него) извилины, начал думать. Надумал:

— Но как же так, а? Я вон и на адвоката потратился, уже пятьсот рублей приставше заплатил, два штрафа она уже нам выписала... А ты, выходит, вообще затраты не понесёшь?!

Видя, что процесс затягивается, я предложил:

— Тимофей, я тут могу срочно в Москву по делам уехать, так что на всякий случай я прямо сейчас официальную бумагу составлю, чтобы в случае чего без меня вопрос решился, вы с Тamarой Моисеевной ещё раз всё обмозгуйте и — примите окончательное решение.

Я быстренько запустил комп, вызвал Word и набрал-распечатал следующее:

ДОПОЛНЕНИЕ К АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЕ
на приговор мирового судьи Фоминой Т. К. от 12.05.03 г.

20 мая 2003 г. я подал апелляционную жалобу на приговор по уголовному делу № (такой-то).

По уважительной причине я не могу присутствовать на заседании районного суда (срочно вызван в Москву по писательским делам), поэтому прошу принять к сведению следующее.

Хозяева кв. 92 (Ульянова Т. М. и Сыскунов Т. Б.) предложили мне придти к мировому соглашению:

Ульянова отказываются от обвинений в мой адрес, послуживших основой для вынесения приговора мирового судьи о наложении на меня штрафа в 25 МРОТ;

я отзываю исполнительный лист Ленинского районного суда № (такой-то) от 2 апреля 2003 г., обязывающий Елизарову снести самовольно возведённые перегородки в общем коридоре (послужившие причиной неприязненных отношений между нами и конфликта-инцидента 23 ноября 2002 г.).

Надеюсь, наше с Ульяновой обоюдное решение прекратить тяжбы-конфликты между нами позволит отменить приговор мирового судьи Фоминой Т. К. от 12 мая 2003 г. с прекращением уголовного преследования в отношении меня.

Тимоша, озадаченный, взял бумагу и ушёл...

Ладно, не буду затягивать моё скорбное повествование. Увы, гражданка Ульянова своей ненависти и озлобленности на меня преодолеть-побороть так и не смогла — очень уж её возжелалось наказать меня рублём (по её понятиям — страшнее наказания и нет!). Видать, убедила она своего Сыскуна, что опять они сумеют закон обойти, приставов умаслить и останутся при своём интересе, то бишь — при своих перегородках.

Итак, 7 июля райсуд оставил кособокое решение мирового суда в силе, а 29 июля и областной суд (ведь хватило же у меня сил и на него!) подтвердил неуклонное желание демократического государства совершенно предвзято ограбить бедного российского писателя на две с половиной тыщи рублей в свою пользу.

Бог им судья!

9. Финиш судебного марафона

Судебный пристав-исполнитель Веретёнкина возбудила (слово-то какое!) исполнительное производство 10 апреля о сносе перегородок и дала гражданке Ульяновой 5 (пять) дней на исполнение решения суда.

Другой бы на моём месте тут же заказал большой торт и закупил шампанское, готовясь числа 15-16 в светлый апрельский день сбрызнуть торжество виктории, однако ж опыта горького мне было не занимать — так что с тортом и праздничным вином я торопиться не стал. Тем более, что 14 числа лично познакомился с Веретёнкиной Оксаной Анатольевной, специально приехав для этого в приставскую контору. Посмотрел я на неё (Веретёнкину) и вздохнул невольно: м-да-а-а — тинэйджер какой-то, а не грозный пристав-исполнитель! Щупленькая девочка лет 20-ти пыталась делать мордашку солидной и решительной, но получалось это у неё весьма комично. Впрочем, как говорится, дарёному коню... Вернее — жеребёнку...

Оксана Анатольевна сообщила мне, что уже побывал у неё Сыскунов, тужился разжалобить хворями-болезнями супруги, но она, Оксана Анатольевна, давлению не поддавалась, выправила на его супружницу бумагу о выплате исполнительного сбора в размере 5 МРОТ и строго-настрого приказала перегородки снести... Я взбодрился и уточнил:

— Значит, завтра последний для них срок?

— Нет, — огорошила меня Оксаночка, — я продлила срок до 5 мая...

Что? Как? Почему? В связи с чем? Для чего? Дайте ответ!.. Не дала ответа.

Прямо гоголевщина какая-то!

Ульяновы-Сыскуновы тянули время, сопротивлялись и месяц, и второй, и третий... Как уже упоминалось, Веретёнкина исправно приходила в наш коридор, составляла акты о неисполнении решения суда, выносила постановления о наложении штрафа сначала на два МРОТ (200 руб.), потом на четыре (400), пригрозила выписать и на восемь... Правда, как впоследствии выяснилось, Сыскунов, в соответствии со своими убеждениями, и не думал эти штрафы платить! Казалось бы, девочка-пристав поступала решительно и карательно, но тут самое время и место привести-процитировать ещё ряд статей из замечательного «Федерального закона об исполнительном производстве», принятого 21 июля 1997 г.:

Статья 81. Исполнительский сбор.

1. В случае неисполнения исполнительного документа без уважительных причин в срок, установленный для добровольного исполнения указанного документа, судебный пристав-исполнитель выно-

сит постановление, по которому с должника взыскивается исполнительский сбор в размере семи процентов от взыскиваемой суммы или стоимости имущества должника. В случае неисполнения исполнительного документа неимущественного характера исполнительский сбор взыскивается с должника-гражданина в размере 5 минимальных размеров оплаты труда, с должников-организаций — 50 минимальных размеров оплаты труда...

Статья 85. Ответственность за неисполнение исполнительного документа, обязывающего должника совершить определенные действия или воздержаться от их совершения.

1. В случае неисполнения без уважительных причин исполнительного документа, обязывающего должника совершить определенные действия или воздержаться от их совершения, в срок, установленный судебным приставом-исполнителем, он в соответствии со статьей 73 настоящего Федерального закона выносит постановление о наложении на должника штрафа в размере до 200 минимальных размеров оплаты труда и назначает ему новый срок для исполнения.

2. При последующих нарушениях должником без уважительных причин новых сроков исполнения исполнительного документа размер штрафа каждый раз удваивается.

3. При повторном неисполнении без уважительных причин исполнительного документа судебный пристав-исполнитель вносит в соответствующие органы представление о привлечении к административной или уголовной ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации, гражданина или должностного лица, которые в силу своих служебных обязанностей должны исполнить исполнительный документ...

Статья 87. Ответственность за невыполнение законных требований судебного пристава-исполнителя и нарушение законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве.

1. За невыполнение гражданами и должностными лицами законных требований судебного пристава-исполнителя и нарушение законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве, а равно за утрату исполнительного документа либо несвоевременное его отправление, представление недостоверных сведений о доходах и об имущественном положении должника, а также несообщение должником об увольнении с работы, о новом месте работы или месте жительства виновные граждане и должностные лица подвергаются судебным приставом-исполнителем штрафу в размере до 100 минимальных размеров оплаты труда, а за уклонение без уважительных причин от явки по вызову судебного

пристава-исполнителя или к месту совершения исполнительных действий — приводу, о чем выносится соответствующее постановление...

Статья 89. Вознаграждение судебного пристава-исполнителя.

1. Судебный пристав-исполнитель, обеспечивший реальное и своевременное исполнение исполнительного документа, получает вознаграждение в размере пяти процентов от взысканной им суммы или стоимости имущества, но не более 10 минимальных размеров оплаты труда, а по исполнительному документу неимущественного характера — 5 минимальных размеров оплаты труда. В случае частичного исполнения исполнительного документа по независящим от судебного пристава-исполнителя причинам вознаграждение выплачивается пропорционально взысканной сумме...

Как видим, судебный пристав-исполнитель Веретёнкина действовала не так уж жёстко и оперативно, как это регламентировал замечательный закон. Я даже пробовал уговорить её привлечь упорных перегородочных хозяев, согласно статье 85 (ч. 3), «к административной или уголовной ответственности» или хотя бы заработать себе побольше премиальных, налагая не смехотворные штрафы, увы, просьбы-предложения мои пропали втуне. Более того, когда Ульяновы-Сыскуновы всё же поддались-дрогнули, Оксана Анатольевна и вовсе повела себя, мягко говоря, неадекватно.

А дело было так. Перед очередным визитом приставши в наш коридор хозяева 92-й внутренней кирпичную перегородку разобрали, но на её место поставили деревянную из ДСП (как потом объясняли — для сохранения складированного имущества), металлическую перегородку наконец-таки сняли и прислонили тут же к стене. Веретёнкина тут же составила акт, будто решение суда исполнено. Я, естественно, в графе акта «Заявления и замечания» выразил своё несогласие. А когда через несколько дней вдруг узнал из присланной по почте бумаге, что дело закрыто, написал-составил заявление на имя старшего судебного пристава, из которого станут ясны все подробности:

12 февраля 2003 г. Ленинский районный суд вынес решение по моему исковому заявлению: «Обязать Ульянову Тамару Моисеевну снести самовольно возведённые перегородки в коридоре общего пользования, который привести **в прежнее состояние**».

10 апреля 2003 г. судебным приставом ПСП Ленинского района

Веретёнкиной О. А. было возбуждено исполнительное производство.

Затем на протяжении почти трёх месяцев с момента начала исполнительного производства Веретёнкина О. А. всего лишь четыре раза назначала Ульяновой Т. М. новые сроки для исполнения решения суда и только дважды выносила постановления о наложении на Ульянову штрафа (2 МРОТ и 4 МРОТ) на общую смешную сумму 600 рублей.

Последний раз пристава-исполнителя Веретёнкину я видел в нашем коридоре 30 июня 2003 г. Ею был составлен акт о частичном исполнении решения суда. В графе акта «Заявления и замечания» мной чётко было указано: «Решение суда исполнено не полностью: коридор **не приведён в прежнее состояние...**»

И вдруг я постфактум узнаю, что 4 июля 2003 г. (постановление я получил по почте только 9 июля) пристав-исполнитель Веретёнкина, даже не поставив меня в известность, исполнительное производство закрыла. Между тем, решение суда полностью так и не исполнено: стоит ещё одна деревянная самовольно возведённая перегородка (по терминологии пристава — «тамбур»), «вещи» совсем даже не убраны (к стене коридора пристроена массивная скамья, складирован большой кучей кирпич, загромождает пространство снятая металлическая решётка и пр.) и, наконец, самое главное — со стен закрытой прежде части коридора не убраны нелепые обои, и стены не покрашены в прежний синий цвет...

Более того, хозяева 92-й квартиры сегодня, 10 июля 2003 г., когда даже не истёк срок обжалования решения пристава об окончании исполнительного производства, опять и снова самовольно установили в общем коридоре железную перегородку!!! Повторилась прежняя история, когда точно так же, лишь частично исполнив решение Ленинского райсуда от 12 марта 1999 г. о возврате соседям украденного у них коридора, Ульяновы-Сыскуновы после окончания приставом Козленко исполнительного производства тут же установили перегородки на прежнее место.

Я категорически прошу и требую обязать пристава Веретёнкину О. А. отменить своё постановление от 4 июля и добиться от Ульяновой Т. М. исполнения решения суда полностью и до конца — **убрать в общем коридоре все перегородки и привести коридор в прежнее состояние...**

Увы, все мои жалобы и «категорические просьбы» пропали втуне.

Мало того, ровно через две недели после того, как дело о сносе перегородок было окончательно областным судом похерено-закрыто (мол, решение райсуда благополучно исполнено), и металлическая

перегородка Ульяновых-Сыскуновых стояла незыблемо и вековечно на прежнем месте, я получил «Постановление о возбуждении исполнительного производства» по поводу сдирания с меня штрафа в 25 МРОТ за пресловутые «побои». Так как я твёрдо решил (памятуя советы моего наставника Сыскунова!) штраф из принципа не платить, а в крайнем случае, в соответствии с пунктом 5-й статьи 46-й УК, подвергнуться аресту или исправительным работам, то и намеревался смачно плюнуть на бумажку с гербовой печатью, пока не взглянул на подпись-фамилию судебного пристава-исполнителя... Никогда не догадаетесь, кто это оказался. ВЕРЕТЁНКИНА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА — вот кто!

Я действительно смачно плюнул, но не на гербовую печать, а просто на пол. Затем собрал по сусекам и добрым знакомым две с половиной тыщи рублей, пошёл, уплатил злополучный штраф, после чего позвонил по телефону в газету бесплатных объявлений и продиктовал:

— Меняю однокомнатную квартиру улучшенной планировки в центре города...

Признаюсь, когда я это диктовал-произносил, мне с трудом удавалось сдерживать слёзы: с этой уютной квартирой, которую получил я как молодой специалист 20 лет назад, была связана значительная и самая лучшая часть моей жизни...

Через месяц мы жили в старом доме, в квартире, требующей капитального ремонта, но зато — вдали от Ульяновых-Сыскуновых!

Это ли не счастье, а?

Уже на новой старой (вот таков оксюморон!) квартире сформулировал я окончательно главный свой (подсказанный В. И. Далем) **ДОБРЫЙ СОВЕТ: никогда и ни при каких обстоятельствах не судитесь с новоришнями-новорашиами — себе дороже станет!**

Я, конечно же, прошу прощения за такой упаднический пессимизм. Но, думаю, меня понять можно.

Р. С. Включив не так давно телевизор, я узнал из репортажа с Всероссийского съезда судей о том, что им в единый миг повышена зарплата в 3 (три!) раза и, по заверению Президента, будет неуклонно, часто и стремительно повышаться впредь...

Оставалось за наших честных, неподкупных и высокопрофессиональных служителей Фемиды, всех этих чугуновых-милосер-

довых-фоминых только порадоваться.

Флаг им в руки!

Р. Р. S. Все фамилии, кроме, разумеется, своей, я в этой печальной повести изменил — не судиться же опять со всякими, прости Господи, жлобами и придурками!

Добрые советы

В конце этой грустной истории, думаю, целесообразно ещё раз привести-напомнить все ДОБРЫЕ СОВЕТЫ, которые могут помочь людям, впервые попавшим в судебные коридоры.

Итак:

- Пишите-составляйте заявления (исковые, по инстанциям) строго, деловито, лаконично: с первых же строк только суть, ссылка на закон и — никакой лирики.

- Каждое заявление по инстанциям необходимо представлять в двух экземплярах и обязательно требовать, чтобы на втором экземпляре чиновник или секретарша, принимающие заявление, указали дату, номер регистрации, телефон канцелярии и расписались. С этого второго экземпляра, который остаётся у заявителя, желательно сделать и две-три ксерокопии — пригодится.

- Не надо индифферентно ждать вестей-ответов от инстанций, в которые вы обратились за помощью, следует настойчиво, хотя бы по телефону, требовать оперативного ответа.

- На соседей, ущемивших ваши права, иск в суд подавайте только сами: никакая администрация, никакая чиновничья шалупонь не способна отстаивать ваши попранные, ущемлённые права лучше, убеждённое и настойчивее вас самих.

- Иск в суд лучше подавать лично: судья сразу же укажет на недостатки-просчёты (если они есть) вашего заявления, да к тому же всегда можно, предварительно собрав сведения, дождаться дежурства судьи, пользующего достойной репутацией, что повышает вероятность справедливого решения.

- Исковое заявление, а также все прилагаемые документы следует подавать не менее чем в двух и более (по числу участников процесса) экземплярах.

- Если хитроумный ответчик упорно не является в суд: по крайней мере, уже на втором сорванном по этой причине заседании помните мягкотелому или забывчивому судье о существовании гла-

вы 22-й ГПК вообще и статьи 233-й в частности и настойчиво подчеркните, что-де вы согласны на «рассмотрение дела в порядке заочного производства» и «в отсутствии ответчика».

- Никогда не пытайтесь обогатиться с помощью судебных исков — себе дорожке станет. Особенно, если живёте в провинции, в каком-нибудь замшелом Баранове, где о понятии «моральный вред» даже судьи понятие имеют весьма расплывчатое.

- Никогда не ждите, что судебный пристав-исполнитель сам и добровольно кинется немедленно исполнять в соответствии со статьёй 9-й «Закона об исполнительном производстве» свои прямые обязанности: подтолкните его, потормошите, заставьте это сделать.

- Если решение суда по сносу незаконно возведённой перегородки (забора, гаража, сарая и т. п.) не исполняется в должный срок, истец вправе самолично его исполнить, если у него хватит на это характера и сил.

- Начиная обход контор, учреждений и организаций в поисках защиты и справедливости, составьте список-схему и строго соблюдайте иерархический порядок (снизу вверх, не стараясь перемахивать ступеньки), а иначе — только время и нервы зря потратите.

Не задумываясь, подавайте в случае необходимости и при уверенности в своей правоте заявления, пишите жалобы, не бойтесь прослыть кляузниками. Ярлыки кляузников и сутяг навешивают на нас те самые чиновники всех мастей, специализаций и рангов, которых раньше называли бюрократами, а теперь, в духе времени и без всяких эвфемизмов вполне можно назвать — «чиновничьей шалупонью». Это именно чиновничья шалупонья, оберегая своё безделье, свои высокие оклады и побочные доходы, обзывают кляузниками тех людей, которые пытаются заставить их работать и не брать взятку... Плюйте на их мнение, вот и всё!

- В конфликтной ситуации с участием милиции, которую вызвали ваши «оппоненты», немедленно, в свою очередь, спешите в милицию с заявлением.

- Ни в коем случае нельзя поддаваться прессингу судьи, отказывающего принять к рассмотрению ваши законные заявления и/или заставляющего менять-искажать их суть; тут же потребуйте письменного обоснования в отказе и немедленно обращайтесь в вышестоящие судебные инстанции, а ещё лучше — в прокуратуру.

С первых же шагов судебного действия поддавшись необоснованному давлению суда или противной стороны, вы тут незамедлительно начнёте проигрывать процесс морально, а затем, можно не сомневаться, проиграете и фактически.

- До самого момента оглашения вердикта ни в коем случае нельзя

быть уверенным в победе: тогда, если решение суда будет в вашу пользу, вы испытаете радость вдвойне, а если услышите из уст судьи, что проиграли — горечь и обида уже не будут такими острыми.

- Угодив в судебный процесс — и особенно в уголовный, и особенно в качестве обвиняемого! — не поспешите на опытного адвоката. Во-первых, защитник-профессионал вот именно профессионально будет защищать вас, проследит за соблюдением законности всех этапов процесса и проверит достоверность документов и свидетельств; а во-вторых, судья будет совершенно по-другому, можно сказать, уважительнее и ответственнее и не так предвзято относиться к вам.

- Никогда и ни при каких обстоятельствах не судитесь с нуворишаминуворашиами — себе дороже станет!

Александр ЗОТОВ

РАССКАЗЫ

Сон

Утро. Солнце. Цветёт сирень. Щебечут птицы. Бьётся в воде плотва...

Притормозив, недалеко от озера остановился грузовик. Антон встрепенулся, привстал, руки сами нашли автомат.

— Как чувю! — зло буркнул он. — И правда, спецы. Интересно, кто у них старший?

Открыв дверцу, из кабины вышел офицер. Он что-то сказал подчинённым и, взяв ведро, не спеша направился к озеру. Высок, молод, лицо светлое, с оттенком загара.

Антон прицелился, но чуть погодя опустил автомат. Прицелился ещё раз и снова отвёл ствол. Офицер находился почти рядом, их разделял только кустарник. «Наверное, командир взвода, — подумал Антон. — А за водой сам пошёл... Ишь ты, не послал в заросли подчинённых...»

Он так толком и не понял, почему не выстрелил, тихонько поднялся и пошёл в противоположную сторону от зоны, откуда сутки назад он совершил дерзкий побег, прихватив автомат.

Родился 23 февраля 1953 года в Тамбове.

После окончания Культурно-просветительного училища был призван в ряды Вооружённых Сил, где и прослужил более 25 лет. Окончил Ленинградское военное училище и Тамбовский институт культуры.

Майор запаса.

Прозу пишет с юных лет. Публикуется с 1992 года в газетах, коллективных сборниках, автор нескольких книг прозы, вышедших в Тамбове.

Член Союза писателей России с 2008 года.

* * *

Начальник колонии, нервничая, курил сигарету за сигаретой. Ранение часового, побег заключённого с оружием... На столе лежала ориентировка: «Антон Каданцев. Двадцать семь лет. Крепкого телосложения. Рост метр восемьдесят пять. Смуглый. На правой руке татуировка "Валя" — имя жены...» К сказанному в ориентировке можно было добавить: вспыльчив, решителен, дерзок. «Для меня жизнь — копейка!» — часто повторял Каданцев. Однако к зоне привык, из дому регулярно получал письма и поэтому склонным к побегу его не считали. И, может, никогда он и не совершил бы побег, не приди в зону осуждённый по прозвищу Шалый — земляк Антона. Срок у него был десять лет — за грабёж. Антон поинтересовался при встрече:

— Видел мою жену? Как живёт? Что о ней говорят?

— Говорят разное, — ответил Шалый. — Кто так, кто эдак. Видел я её с одним приезжим — в палатке «Башмачок» работает... Мужик крепкий, своё вряд ли упустит...

Антону невдомёк было, что Шалый был вдрызг пьяным, когда видел его Валентину, и что зашла она в «Башмачок» по делу — сдать обувь в починку.

— Приезжий говоришь? — глухо сказал он. — Не ожидал. Круто начала жить...

Вскоре ему приснился мерзкий сон — какой-то мужик ласкает его жену, раздевает, целует...

— Потаскуха! — вскрикнул Антон во сне, да так громко, что сосед по койке проснулся.

— Ты чего? — удивлённо воззрился он на Антона.

— Ничего, — буркнул он. — Спи давай!

Но сам уже не мог заснуть до рассвета, ворочался, думал.

Утром бригаду, в которой он работал, вывели на новый, так называемый кратковременный объект. Антон несколько дней присматривался к составу караула, разрабатывал план и, улучив момент, набросился на часового.

...Начальник колонии не сразу узнал о причине побега Каданцева. Ему тут же пришла в голову мысль, что надо предупредить его жену — мало ли чего может натворить ревнивый муж-преступник.

* * *

На посёлок опускались сумерки, когда Антон незаметно подо-

брался к околице. Дождавшись полной темноты, прокрался к своему дому, заглянул в окно. В избе горел свет, и он хорошо видел жену, сынишку. Они сидели за столом. Малыш играл с фотографией. Антон разглядел, что это была их с Валею свадебная фотография. Жена взяла фото из рук сына и начала ему что-то рассказывать, показывая на снимок. У Антона от сердца отлегло: «Не в руку сон оказался... Ошибся Шалый!»

Антон впервые видел сына воочию. Он уже представил, как возьмёт сейчас его на руки, прижмёт к себе...

— Стой! — раздался окрик почти совсем рядом.

«Только не здесь!» — мелькнуло у Антона в голове.

Он рванул к сараю, перемахнул через забор и что было силы побежал через луг. За собой он услышал шум погони. Оглянулся — сзади бежал тот самый лейтенант.

«И почему я в него не стрелял?..»

— Стой! — снова крикнул лейтенант.

И тут же прозвучал выстрел. Предупредительный, в воздух — понял Антон. И тут же новый выстрел вошёл острым копьем в спину, пронзил насквозь. Антон упал.

Придя в сознание, увидел над собой склонённое лицо — бледное, мальчишеское.

— А, это ты, лейтенант, — тихо сказал он, как будто узнавая старого друга. — Дай пить... Пить...

— Воды! И срочно врача! — скомандовал офицер, придерживая голову раненого.

Пуля прошла насквозь. Кровь пропитала всю куртку. Антон сделал несколько глотков и, пока врач накладывал повязку, неотрывно смотрел в сторону своего дома. Ребята-солдатики стояли вокруг, молча — во взглядах их злобы не было. Поднимая клубы пыли, подкатила «Волга», из которой вылез полковник, спросил:

— Он ранен?

— Он умер, — коротко ответил лейтенант.

Вскоре прибыл работник прокуратуры, уточнил обстановку, оформил документ.

— Садитесь в «Волгу», лейтенант, — сказал полковник, с сочувствием глядя на его бледное лицо.

— Разрешите, я — со своим личным составом...

Полковник молча кивнул головой.

Солдаты стояли в строю, уже без бронежилетов, ждали команды.

— Нале-во! — твёрдо скомандовал лейтенант. — По местам!
Он проследил, чтобы тент машины застегнули, сел в кабину. Водитель включил скорость и резко взял с места.

— Не спешите, — устало даже не приказал, а как-то попросил лейтенант. — Темно... Мы ведь людей везём.

Сонет о Родине

1

К командиру, в землянку, ввели небольшого грузного человека, а правильной — человечка, с мелкой душой под добротной рубашкой, который еще вчера был слугой у немецких фашистов и над которым давно уж навис меч возмездия.

— Пожалейте, ребята!.. — забежав глазками, быстро заговорил он, в надежде найти хоть маленькое, да снисхожденье среди мрачных людей, окружавших его.

— Пожалеть? — Андрей Завьялов, командир партизанского отряда, медленно встал. — А ты жалел людей?.. Страну, истекавшую кровью — жалел?.. Такие как ты находились всегда, найдутся завтра и через десятки лет, но издавна, от отцов и дедов наших повелось: дорога указана вам всем одна — к стенке!

2

Если Марина, медсестра «Завьяловского» отряда узнала б сейчас, что местного старосту взяли и что сейчас он находится в их партизанском отряде, она бы сказала: «Сколько ж людей он загубил? Но теперь всё, больше никого не предаст!» Но пока Марина не знала об этом. На миг, забыв обо всём на свете, смуглянка купалась в чистой реке, меж лилий и кувшинок, надеясь на то, что кустарник да сосны прикроют её.

Нырнув напоследок, вышла на берег... Большая коса, красивая грудь... Ей впору б, конечно, детишек рожать. На её красоту б мужчине смотреть. А тут с издёвкой смотрела война, примеряясь ударить сильней и больней.

* * *

Зашумела листва. Рядом — окоп, поляна, цветы. У ограждения парень, ловкий и бойкий. Парень — связной. Улыбнулся шужливо:

— Вот ты где!.. Командир вызывает.

— Он у себя?..

Ускорив шаг, спустилась в землянку. Командир посмотрел и, как брат, ей радушно:

— Пришла? Ну и славно. Без тебя нам — никак!..

Дивчине по нраву был русский и статный, простой и серьёзный офицер, чьи раны недавно она залечила и который, спокойный всегда, мог держать в отряде железную дисциплину. Сколько раз ей хотелось прильнуть к капитану — откровенно, трепетно, страстно! Но не раз подмечала она, с какой любовью смотрел он на фото, фото жены и сознавала, что сделать это, увы, невозможно. Православный, честнейший — он безумно любил семью и Отчизну.

— Утром сегодня, — продолжал он с заботой, — наш боец малу девочку встретил. В лесу. У опушки... Олесей зовут. Лет пять ей, не больше. Ослабла малышка. И, наверно, простыла.

— А мать?.. Что с родными?

— Отец на фронте. Мать расстреляли... Старосты рук дело.

— Сколько ж людей он загубил?

Марина умолкла, а Завьялов добавил:

— Теперь не предаст. В ночь наши взяли его.

— А Олеся...

— С Глыбой Семёном. До кухни пошли, потом до тебя... Ты её посмотри. И пусть пока у тебя она будет. Какие вопросы, сразу ко мне.

— Хорошо. Мне можно идти?

* * *

Семён Глыба, боец в годах, с фамилией схожий, а с ним и Олеся, сидели на пне, пригретые солнцем. Увидев Марину, Семён встрепенулся...

— Заждались?

Марина присела, жалость окутала сердце: «И тебя коснулась война»...

— Скажи, что болит? — Марина прижала малышку к себе. — Здесь?.. Здесь?.. Сейчас посмотрю. Поправлю косички. Чаю налью...

С месяц, а может, и больше согревала Марина малышку собой, искала ей травы и землянику, приносила цветы, тогда как тайком недалеко по вечерам по ней тосковала двухрядка-гармонь разведчика отряда Димы Фролова — храбреца в бою, но несмелого в любви. В отряде мало кто знал, что Дмитрий прекрасно играет на скрип-

ке, пишет стихи, а после войны мечтает учиться и написать много светлых и нежных сонетов.

3

— Становись! Равняйся! Смирно!

Однажды утром, обойдя лагерь, командир объявил «сбор», сказал речь, и всё закружилось, пришло в движение. Поняв задачу, отряд вышел из леса и быстро пошёл навстречу армейцам. Сквозь вражий заслон пробивались по лугу. Кто-то падал в ромашки. Ранен легко — Марина бинтует, тяжело — тянет к лощине.

— Потерпи, потерпи, — просит она.

Повсюду свинец. Но, точно стыдясь, пули обходят Марину. Автомат, пулемёт — ей нипочём!.. Только осколок не пощадил. Ударил пониже груди.

— Медсестра!.. Ранена!.. Тяжело! — доложил Андрею связной. — В крайнем доме! Вон в том! Туда отнеси!

Андрей вошёл в дом. Марина лежала, откинувши косу. Рядом — старушка. Увидев Андрея, Марина привстала. Андрей поспешил:

— Лежи, ты... Лежи.

— Видишь, как, — простонала Марина. — И надо ж такому, когда... есть Олеся... Не говори ей. Не говори... Дай руку... Хороший ты парень, Андрей... Если б не война и если б... — она улыбнулась и смолкла, уже не моргая. Андрей ладонью закрыл ей глаза, поцеловал в лоб и медленно вышел.

* * *

А вечером, в затишье, Олеся скажет оберегавшему её дяде Семёну: — Опять не пришла к нам Марина. Тепло с ней. И ягод мне обещала...

4

Соединившись с воинской частью, но пока отдельным подразделением отряд вступил в долгожданную схватку. Шаг за шагом, пядь за пядью — вперёд! Вперёд!.. С трудом, тяжело, будто вброд по воде... У посёлка Кудрявки бойцы залегли. Свинец лютовал и подкашивал траву. И тогда по связи услышал Андрей командира полка. Израненный крепко, он тихо сказал:

— Дзоты на взгорке. Действуй, сынок.

И пять человек устремились на взгорок. Правей — поэт, музы-

кант и разведчик лихой Дима Фролов. Пули едва не касались спины. Чтобы легче было ползти, он представил себе далекую сцену, на ней исполнял сочинение Верди. «Форте!» «Пиано»!.. Взвизгнула скрипка! Метнулась граната! Взрыв! Опять! Дзот умолк! Рядом — тоже! В цепи голоса:

— Вот это «Гармонь»!

— Вот это братва!

Бойцы поднялись. Сладко пахнул ветерок луговой. И вновь слова командира полка:

— Спасибо, герои! Спасибо, сынки!

И прежде чем потерять сознание, полковник увидел, как полк его снова пошёл в наступление. Ещё решительнее и быстрее. И вместе со всеми шёл в праведный бой Дима Фролов. Он мстил за Марину, за детство Олеси. Он мстил за Землю и в вихре атаки услышал сонет, сонет о Родине, свой, новый сонет, который сам собою, слово за словом, в сознание слагался в яркие строки! Он слышал скрипку и слова капитана:

— Вперёд, только вперёд!

5

А на другой день, в затишье, обняв Олесю, молодая сельчанка в морщинках не по годам скажет Андрею:

— Оставь нам дивчину.

Андрей, поразмыслив, взглянул на сельчанку, затем на детишек, троих, рядом с ней, уважительно спросил:

— Все ваши?

— Теперь все мои.

Подошёл старик:

— Оставляй, оставляй.

— Мой отец, — поясняет сельчанка.

— Тяжело будет вам.

— А кому сейчас просто?

— И снова вы правы... Здравия вам.

— И тебе, дорогой.

— Но я приду... Я приду к вам! — уже от плетня крикнул Андрей. — Я... приду!

А впереди были долгие, длинные вёрсты войны, с разницей в том, что кто-то пройдёт вёрсты все и увидит Победу, а кто-то и не дойдёт. Но кто думал об этом? Главным было — спасти страну, спасти народы.

Алексей БАГРЕЕВ

ПРОГРАММА ОЧИСТКИ

Рассказ

Не для тех, кто разбирается в компьютерах

Честно признаюсь, я плохо разбираюсь в компьютерах, а точнее сказать, совсем не разбираюсь. У меня стоял старенький пентиум первый, и для печатной работы мне его вполне хватало. Но время идёт, появились возможность, средства, взял более новый, потом ещё один, совсем какой-то навороченный. Можно было даже похвалиться невзначай, но в глубине души, повторяю, не видел особой разницы — удобней печатной машинки, и ладно.

Мой друг, наоборот, начал с того же, что и я, но слегка помешался на этих железках и если на деле не стал крутым хакером, то по сравнению со мной выглядел прямо Биллом Гейтсом. Или Билл Гейтс не хакер? Не важно. Другой мой друг недалеко ушёл от первого (у меня их всего двое), так что проблем с освоением компьютера у меня не было. Не считая того, что не было и желания.

*Родился 14 марта 1979 года в Ленинграде.
Живёт в райцентре Инжавино Тамбовской области. Здесь окончил среднюю школу № 1.*

Пишет стихи, прозу, рисует. Член творческого объединения «Откровение». В 2006 году прошёл конкурсный отбор на участие в третьем слёте «Дети Солнца» в Москве.

Публиковался в газетах, коллективных сборниках, «Тамбовском альманахе». Автор трёх поэтических сборников.

Пробует свои силы и в прозе.

Член Союза писателей России с 2006 года.

Началось всё с того, что наш доморощенный хакер Гейтс, кстати, его зовут Денис, привёз из Москвы новый установочный диск с массой всяких обновлений. Мне, повторяю, плевать на все эти софты, утилиты и прочую дребедень, но Денис соблазнил меня новым Вордом (для таких, как я, объясняю: программа для работы с текстом, как пишется на английском языке — не помню). Так вот, провозившись часа три, мы переустановили систему на мой компьютер. Причём, моя задача заключалась в том, чтобы делать кофе, тупо смотреть в монитор и, иногда, отзываться на компьютерную ахинею, которую нёс Денис.

Через пару дней рано утром меня разбудил стук в окно. Я по натуре сова, и раннее пробуждение для меня каторга. Так что можете представить мой доброжелательный взгляд, которым я одарил Дениса, ввалившегося в мой дом, учитывая вопрос, который он мне задал с порога:

— Лёх! У тебя винамп в меню пуск есть? — для меня вопрос чисто риторический.

— А у меня что, меню пуск есть?

— Нет, серьёзно, есть?

— Конечно, всё в одних винампах, могу поделиться, — я, когда не выплусь, вредный.

— Можно я посмотрю?

Я пропустил его к компьютеру, а сам, зевая, как аллигатор, стал наливать чайник. Пуски, винампы... Пospать не дают бедному поэту!

— Чёрт, и у тебя нет! — донеслось из комнаты.

— Трагедия века, — буркнул я, насыпая растворимый кофе в чашки.

Мы пили кофе, и Денис, по обыкновению, рассказывал мне о том, в чём я ни черта не смыслю.

— Я вчера запустил программу очистки диска. Новая программа удаляет всё лишнее, в общем, весь мусор, но, похоже, она что-то не то у меня удалила. В программных файлах всё есть: винамп, тотал командор, а в меню пуск нет. Я вчера что только ни делал... — дальше следовала непереводаемая игра слов с использованием непонятных компьютерных выражений.

В следующие несколько дней Денис решил свести меня с ума. Нет, сначала мне было даже весело, когда он жаловался на исчезающие программы, которые прятались от него в пресловутых программных файлах, но потом стало надоедать.

Он три раза переустанавливал систему, проклинал Майкрософт, ловил несуществующие вирусы и ещё сражался с каким-то биосом. Но главное, пересказывал всё это мне в красочных подробностях. С моим компьютером ничего не происходило, и я был почти уверен, что главная проблема — это компьютерный гений моего друга. Но, на всякий случай, я распечатал свои последние записи — привычка, оставшаяся от первого компьютера — от того всего можно было ожидать.

Ночью, страдая от бессонницы, я включил телевизор (что в последнее время делал весьма редко) и решил посмотреть новости. В мире творился бардак. Какие-то ограбления, похищения и прочее — слушая вполуха, я не всё понял, но на душе остался какой-то неприятный осадок. Выключив телевизор, я уселся за компьютер, новый сборник стихов был почти готов, но, как иногда со мной бывает, на какое-то время голова становилась абсолютно пустой, и выудить из неё что-то путное оказалось почти нереальным. Бездумно перечитав уже написанное, я щёлкнул по значку отключения и все-таки лёг спать.

А утром меня разбудил телефон. Звонил второй наш хакер-самоучка Валентин.

— Привет. Какие дела? — он издевается?

— Лучше всех, — буркнул я, закрывая глаза.

— Слушай, ты Дена увидишь сегодня? — я хотел ответить, что если и увижу, то в кошмаре, но смолчал. — У меня тут проблемы с компом, утром включил — половина программ исчезла.

Я скрипнул зубами. Интересно, случаются убийства на почве хронического недосыпания?

У Дениса пропал телефон. После звонка Валентина уснуть не удалось, в душе снова свернулся какой-то неприятный клубок, и на этот раз Денис не смог меня разбудить. Вечером он поставил телефон на зарядку, а утром его не оказалось. Учитывая, что жена осталась в Москве у родственников, и Ден жил сейчас один, это казалось немного странным. Перерыв его дом, а потом, на всякий случай, мой, мы нашли много всего интересного, но телефона нигде не было.

— Да не может такого быть! — в тысячный раз повторил Денис.

— Не может... но есть, — у меня вдруг сильно разболелась голова, а утренний комок разросся в почти осознанное беспокойство.

— Валентин звонил, у него проблемы с компом.

Компьютер Валентина умер. К тому времени, когда мы пришли, у него на столе стояла груда железа, информации внутри не было. Никакой. С горя друзья решили выпить, по чуть-чуть. После ЧУТЬ-ЧУТЬ Денис обвинил в пропаже телефона кошек, которых у него целых три. Кого и в чём обвинил Валентин — не помню, но, кажется, все остались довольны, и мы расползлись по домам.

По дороге я почти протрезвел и, придя домой, понял, что уснуть снова не удастся. Я сел за компьютер и увидел — мою машину постигла та же участь, что и компьютер Валентина. А через пять минут прозвучал стук в окно.

— Лёх, у меня комп пропал... — Денис, как и я, был совершенно трезв.

Я прошёл в зал и включил телевизор.

Я молча смотрел на экран. Денис горячился, строил гипотезы, комментировал. А вокруг меня сгущался страх. Осенним туманом просачивался сквозь стены, клубился вокруг ещё не понятный, и оттого ещё более пугающий. Вот-вот готовый перерасти в панику.

Паника. Паника раскручивала маховик. Набирая обороты, подминая под себя человека за человеком, дом за домом, континент за континентом. Пропадали люди, техника, предметы, масштаб с каждым днём разрастался. Кто-то кричал о конце света, призывая покаяться, кто-то об инопланетянах, а кто-то о происках соседей. Но, впрочем, пропадали и те, и другие, и третьи.

Половина мира накинута на учёных, построивших большой коллайдер, половина друг на друга, но ничего не менялось. Паника. И хаос. ХАОС И ПАНИКА.

Первым пропал Денис. Связи давно не было, не было электричества. И, главное, почти не было новостей. А вскоре я остался один. Может, был кто-то ещё, но мне от этого не легче.

Горят несколько свечей (какой смысл экономить в мире, где всё может исчезнуть). На столе лежит книга «Всё о компьютерах», которую я забрал из дома Валентина после того, как он исчез. Я смотрю в абсолютную тьму за окном и пытаюсь разобраться в том, что произошло... Как? У меня мало времени и очень мало знаний. Почти уверен — всё началось с компьютеров или с того, что с ними

связано. ПРОГРАММА ОЧИСТКИ. Очистки чего? В голове звучат слова Дениса: «Можно извлечь из системных файлов...». А если нет этих файлов? Переустановить систему... Как? Склоняюсь над страницами не понятной для меня книги, перечитываю по несколько раз, не понимая, что мне нужно.

Становится темнее — исчезла одна свеча. Придвигаю поближе другую и снова вчитываюсь до боли в висках. Потрескивают свечи, клубится тьма за окном и мерно тикает в голове. Можно восстановить, можно восстановить, можно восстановить...

Можно?

Владимир ПЛУТАЛОВ

СВЕТ В ОКОНЦЕ

Фрагменты будней

Бабулёк

Мишка, внук, так её называет. Ей — восемьдесят четыре. Недавно она споткнулась о порог дома и упала. Лоб зажил, но с того случая стала страдать склерозом.

— Если я вам буду что-то рассказывать во второй раз, то это склероз, — сказала она и продолжила разговор. — Детей у меня трое, а я живу с последним, Сашенькой. Он меня и похоронит. Кто, если не Сашенька? Дочки-то в Киеве.

Мишенька вошёл в комнату бабушки: ему очень хотелось посмотреть на свежего человека и похвастать личными достижениями в физике. Он через выпрямитель тока уже неделю балуется с конденсатором, извергающим цветные новогодние искры. Нисколько не сомневаясь в грядущих способностях этого юного Лавуазье, я вежливо выпроводил его на время, пообещав обязательно посмотреть и послушать блеск-треск его электрической выдумки.

Владимир Плуталов родился 5 октября 1947 года в с. Рождественское Рассказовского района Тамбовской области. Живёт в Тамбове.

Почти сорок лет работал в газете Тамбовского района, которая сейчас называется «Притамбовье» — корреспондентом, ответственным секретарём, редактором.

С юных лет пишет рассказы, лирической миниатюры. Публиковался в районных и областных газетах, в центральных журналах «Крокодил», «Рабоче-крестьянский корреспондент».

Член Союза журналистов России.

— Муж мой умер в тридцать четыре года, — говорит бабулёк. — Он был геолог. После его преждевременной гибели приходил ко мне человек, предлагал руку и сердце. У него, вдовца, двое детей. Отказала и не жалею. Не могла бы любить его детей, как своих... А у меня — талант, — вдруг сказала она с радостной улыбкой. — Я стахановкой была. Много народу научила швейному мастерству. Мастер в цехе мне так и говорил: «У тебя талант, поэтому учи других». Я и учила. Многих научила. Кто закройщик, кто портной. А сама вот сейчас тяжело себя чувствую. Раньше брюки шила, вот как на тебя, — за один день, теперь — тридни приходится тратить... Хоть бы Господь прибрал...

Бабулёк не кокетничает. Это своего рода исповедь. Как на духу. ...И вот отвлеклись мы от мыслей и дел суетных: бабулёк просят меня переписать из синей поминальной книжечки именина, о ком сказано «об упокоении». Объясняет она эту переписку боязнь, что книжечку могут в церкви пропустить, или затерять, а с листа белого, оно читать батюшке вернее будет. Сестра её, которая проживает за стеной, отнесёт завтра, как раз перед поминальной субботой, листки в храм вместе с деньгами. Помянут!

— Вот и ты пряничек возьми и съешь, — говорит она мне. — Помянешь и моих, и своих.

Мы сидим и пишем с книжечки. Тут и мама, и бабушка, и прабабушка бабулька. И ко всем она находит доброе слово. И все они для неё вроде живые: постучат сейчас в окошко, войдут, она не удивится, только скажет: «Мокроты-то с улицы натащили. Ну да ничего, притру». Я переписываю поминальный список и наталкиваюсь на непонятное мне. Пишу: воина Александра, а далее — убиенного Василия. Она разясняет:

— Александр погиб на войне, а Василия пьяные жизни лишили. Молчим, молча скорбим об обоих.

Бабулёк встает и движется к двери. Пошла к сестре бумагу с именам упокоенных отнести. Сестра завтра, значит, в церковь список отдаст...

Наутро мы прощаемся.

— Храни тебя Господь, — напутствует она.

— Дай и вам Господь здоровья.

— Спасибо.

На душе у меня по пешей дороге к поезду тихо, светло, как давно уже не было.

Вечное дело

Бывало, отец посадит в сани и скажет:

— Володька, заворачивайся покрепче в тулуп, Ассамблей нас живо домчит.

Ассамблеем звали коня. Умный он был, Ассамблей, поэтому отец ему доверял.

Зима стоит трескучая, снег голубой летит из-под полоза; мы с отцом едем к моему деду и не беспокоимся. Попали в пургу, так Ассамблей всё равно привёл сани к околице...

Утром отец поднялся, обошёл сани кругом, Ассамблею сенца подкинул и засмеялся, обращаясь ко мне:

— Ну, куда мы, Володька, без саней да без коней?

...У тех, кто жил или просто не раз бывал в деревне, обязательно есть воспоминания, связанные с санями и телегами.

Григорий Иванович Моркунцов — старый мастер из лесничества — так мне однажды определил свою профессию: колесник, санник, столяр.

— Дело санное — не простое, — сказал Григорий Иванович. — Давай всё в деталях разглядим.

Дело и впрямь оказалось далеко не простым. Требуется оно, как и многое в жизни, природной сметки.

Так вот, о санях и о мастерстве Моркунцова. В сентябре отправляется бригада санников в лес выбирать дубки для полезной плашки — главной части будущих саней. Дерево должно быть доброе, прямослойное, как говорится, без сучка и задоринки. Плохо очень, когда табачный сучок попадает: выкрошился — и никакой крепости в детали.

Облюбованный дуб рубят во второй половине сентября. А до того времени дуб слабоват — даёт ещё поросль. Выбранное дерево закладывается в парилку. Так, как деды сотни лет назад делали. Десять-двенадцать часов дерево крепнет в парилке и приобретает свойство гнуться, затем на специальном круге обрабатывается, подвергается гнутью.

И вот — полоз готов! Надрано липовое лыко для связки саней. Подготовлено дерево для наклесок — верхних грядок, боковых и поперечной, — копылов, которые тоже дают саням прочность, соединяя полозья с верхней частью...

Нет, а здорово, когда раздольной русской зимой ты сидишь в крепких санях, когда рысью, по морозцу тронула нетерпеливая лошадь! Взвихря снежную пыль и легко скользя, мчится по степной равнине старый по конструкции, но вечно юный возок.

Всем спасибо!

...Вспоминаю, как в году где-то 53-м поставили ёлку у соседа Василия Евдокимовича для целого десятка его детей. Я явился к ним одиннадцатым. Ёлка стояла зелёная и нагая, и все бросились готовить игрушки — из газетной бумаги звёзды вырезать. Мать моя тихо пришла, к шумным делам нашим присоединилась — ваты принесла белоснежной и с десяток конфет, потому что больше не было. Что делать с этими конфетами? Галинка, старшая дочь дяди Василия, внесла предложение. Так и сделали, как она сказала. Конфетки развернули от фантиков и по размеру конфетных батончиков нарезали батончиков из картохи. Получилось конфет видимо-невидимо. Все вперемешку завернули в раскрашенные карандашами листочки из тетрадной бумаги, опушили ножницами, на ниточку привязали и по ёлке развесили. И ещё несколько штук церковных свечей.

К двенадцатому часу тётя Дуся, дяди Василия жена, чугунок картошки из печи на стол поставила. Галинка хлеба нарезала, каждому по куску. Ветчины из сеней принесла и тоже нарезала её твердыми ломтями. Яблоки мочёные на блюдо положила. Компота из яблочек налила каждому ребёнку по стакану. Сели, на часы посмотрели: скоро двенадцать без пяти минут. Тогда лампу керосиновую прикрутили и свечи на ёлке зажгли.

— С Новым годом! — сказали наши матери, тётя Дуся и моя мама.

— Теперь, ребята, можно снимать с ёлки конфеты. Угощайтесь!

Самый маленький, Витька, бросился и три самодельные конфеты снял. Развернул — в обёртке сырая картошка. У него слёзы, а у всех веселье.

— Стоп! — сказала тут Галинка. — Витьку обижать нельзя.

А мы уже с настоящими конфетами в руках сидим и на Витькины слёзы смотрим, как они наворачиваются и падают.

— Ну-ка, откусите от своих, — скомандовала Галинка. — А что останется — Витюшке.

Все откусили, кто сколько смог, остальное положили на стол перед Витькой. Витька одну конфетку взял, положил в рот и съел. Все смотрят — что дальше? Тогда он всё подгрёб в кучу и сказал:

— Завтра утром съем, не сейчас. Всем спасибо!..

Вот такая незабываемая ёлка была однажды в моём детстве.

Грушенька

Вроде, прочно обосновались Петровы на своем садике-огорожке, но пришлось расставаться: переехали в новый район, оттуда не накатаешься. Да к тому же им поближе участок выделили. А то, что выросло на старом месте, Петровы обменяли вместе с кособоким домиком за сущую безделицу — четыре кубометра теса. (Дело было ещё до инфляции-перестройки).

Когда ударили по рукам и раздавили поллитровку десятирублевую, Петров-старший затосковал. И испросил разрешения наведываться хоть раз в лето на милое сердцу место, для успокоения. Петров не кривил в этой просьбе душой: держала его на обжитом участке грушенька, дерево крупнолистое, которое через год-два должно было заплодоносить. Он покряхтел и высказался насчёт любимого деревца.

— А вы его с собой забирайте, — разрешил добрый от водки новый хозяин. — Вторую разопьём, и забирайте.

— Но май, поздновато, — возразил Петров.

— Эка невидаль, — сказал новый хозяин, — дома передвигают — так, что люстра не качнется.

— А тут дерево, оно живое, у него свои циклы, — снова упёрся Петров.

— Спорим, что всё будет в порядке? Подгоняй тачку, сделаем в лучшем виде. Приживётся — с тебя ещё поллитра.

— Я два поставлю, — загорячился Петров, на сто процентов уже поверивший и в мужика, и в передвижку строений, и летнюю пересадку двухметровых деревьев.

Ближе к вечеру оба принялись за дело.

— Фокус в чём, — говорил обменщик, — в том, чтобы не пору-

шить условия нынешнего существования дерева...

Петров потел и улыбался, ощущая крепкими зубами и языком тёплую пахучую мякоть плодов со своей грушеньки. Мужики осторожно выкапывали, как археологи, нашедшие драгоценную амфору. Сразу корни обложили мокрой травой и укутали мешком. На новом месте приготовили яму, наполнили водой и разболтали в ней землю.

— Теперь, — командовал обменщик, — садить надо не глубже, чем она там сидела, и постараться, чтобы дерево пришлось той же стороной на юг, как и раньше. И поливать, поливать каждый день дней десять.

Удалась пересадка-то!

Двое

Бродил солнечным днем в парке, сбивая сосульки-льдинки с тополей и клёнов. Льдинки рушились, от веток шёл пар. Казалось, деревья дышали.

На берегу Цны, около кустов, мальчишки развели костер. Лица их, в копоти, блестели, как у негров. Солнце очерчивало кусты, делало их резкими, угольчатыми.

Ребята продолжали свое занятие, не обращая ни на кого внимания. Я подошёл и сказал им: «Здравствуйте». Они подали мне обугленную душистую картофелину.

Мы ели и шутили по поводу недавних сорокаградусных морозов. Все смеялись и думали о том, как здорово чувствовать себя вот так совсем близко к природе.

Вдруг смех смолк, как тугая, внезапно оборванная струна.

— Опять пришла, — сказал упитанный мальчик Гриша и, недовольно посмотрев на рыжеватого друга Серегу, резко скомандовал: — Ну, ступай! Везде она тебя найдёт.

Сергей посмотрел на лежащие рядом лыжи с палками, а я повернулся в сторону, куда разом устремили свои взоры мои новые друзья.

Невдалеке, не решаясь приблизиться к нам, стояла девочка. Она была тоже на лыжах.

— Ступай, ступай, — уже мягче, но настойчивее повторил пухлый мальчик. — И привет ей от всех нас.

Двое, он и она, то расходясь, то приближаясь друг к другу, на-

правились по снежной целине. Кто знает, может быть, они прокладывали в эту минуту свою первую дорожку к счастью...

Иней

Утром проснулся и изумился блеску и великолепию природы — всё вокруг покрыто инеем. Любая случайная ветка наряжена, приобрела вид по-сказочному загадочный и красивый.

В такое утро не надо слов. Надо только по-настоящему видеть и чувствовать. Люди поняли это, поэтому у всех, кого бы я ни встретил, были горячие, радостные лица.

Оттого мне стало очень весело. Я подпрыгнул, будто ловлю мяч, и стряхнул серебро с кленовой ветки, нависшей над тротуаром. Снежинки, тоненько звеня, столкнулись в воздухе и обрадовано прошелестели, ложась на землю. Я сделал шаг, но звучанье снежинок всё ещё оставалось в ушах.

Я тронул другую ветвь. И только приготовился услышать музыку инея, как обернувшись на шаги позади, увидел взглядом женщину с лицом хмурым, недовольным, сумрачным. Ой! Сейчас этот снег упадёт прямо на неё! Что я наделал? Раскрыл было рот, чтобы сказать «Простите...», но женщина, против ожиданий, вдруг рассмеялась, широко, белозубо, так, будто ей внезапно выпало счастье...

В день, когда случилось это приключение, солнце впервые за зиму светило по-доброму, как глаза человека, чьё сердце полно любви ко всем людям.

Маленькая трагедия

Сажали капусту на тесном, с однокомнатную квартирку, участке. И не хватило одному, самому малому, растеньицу места. Из жалости копнули лунку рядом с крыжовником: вырастет — слава Богу, нет — ну и Бог с ним. Но, как говорится, возможность дали.

Через несколько дней — батюшки-светы! — тля взялась нашей капустке листочки дырывать. Попробовали нюхательным табаком

посыпать, тут дождь влил, смыл порошок, а мошки «заработали» с удвоенной энергией. Соседка говорит:

— Из табаку надо настой приготовить. Наставать двадни.

Да за это время от капусты ни рожек ни ножек не останется. Решились на старый прадедовский способ. Опудрили делянку золой. Подействовало! Повеселела капустка, явила надежду, что теперь-то выдюжит, завьётся.

Домочадцы мои довольны: будем теперь с капустой. После второго дождя взялись рыхлить междурядья, сор выдёргивать. Дошли до конца, спины разогнули и вспомнили вдруг про то лишнее растение: как оно-то? И тут чуть слёзы не навернулись. На том месте, где мы его воткнули, лишь объединённый стебелёк. Когда золу рассеивали, про него-то забыли. Прожорливая тля, видно, при отступлении всем скопом накинулась на беззащитное растение и в дикой злобе сжевала всё без остатка.

Погоревали мы, особенно ребятишки, но делать нечего, стали работать дальше...

Минька

Шёл по улице, из кустов ёжик выкатился прямо под ноги. Как раз в руках была сумка с молоком. Ёжик угнезвился в ней и поворачивал туда-сюда свою весёлую, привлекательную мордочку.

...Дома ёжик почему-то отказался от молока. Попив чаю, семья улеглась спать. Но кто-то чай не допил, оставил в кружке. Как ёж на стол забрался — кто его знает. Видно, с газовой плиты возле окна перевалился. Чаёк гостю понравился...

С неделю, когда все садились за стол, ёж суетился под ногами, гулко топая. Ему давали чаю в блюдце — он лакал, не стесняясь, и оставался доволен.

И тут вдруг — неожиданность. Нашёлся среди соседей... хозяин ёжика.

— Минька! — позвал он, придя к нам.

И ёж отправился вслед за ним, не обращая внимания на яблоки, устилавшие дорожку в палисаднике.

На закате дня

К вечеру лес темнеет, от елей ложатся глубокие тени, а снег блестит под последними лучами заходящего солнца. Солнце гаснет, оплывающими краями мешается с небом. Луна высвечивается всё сильнее и сильнее, будто кто-то старательно сметает с неё пелену, положенную днём.

Снег на закате — розовый, в воздухе пахнет морозом. «Хруп-хруп!» — разговаривает снег на дороге с вашими подошвами.

А в лесу снег молчит. И только тревожит своим розовым свечением.

Нетронутый снег добр, как волшебник. Он не может исполнить желание, но будит по-весеннему хорошие мысли. И вот уже мороз забыт, тепло на сердце и тебе кажется, что ты идёшь навстречу бесконечному морю роз, никак не можешь догнать его, уплывающее за горизонт, догнать, чтобы притронуться рукой, всем телом!

Откуда он, этот тёплый, розовый свет, и почему при взгляде на него ты обязательно думаешь о лете. Он, как надежда, которая будит сердце, не давая ему застыть на морозе, остановиться и оставить тело в летаргическом сне.

Послушайте тишину. В этом великом спокойствии снежной равнины таится сила природы, ждущая пробуждения. Равнина дремлет, согретая теплом холодного снега. Дремлет озимь, замерла, засыпала, уснула под звуки вьюг.

«Много снега — много хлеба», — говорят в народе.

Ты идёшь, проваливаясь по колено в снег, а перед глазами твоими волнуется ржаное поле, нива — надежда, радость, счастье человеческое.

Не плачь, Иринка!

Вечер. Люди жгут всякий мусор, мешающий чистоте жизни. В воздухе — терпкий запах земли. Земля, как душа, — очищаясь, оживает.

Но меня вдруг заставляет обернуться детский плач. Рядом девочка с игрушками, прижатymi к груди, стоит, вздрагивает от слёз.

— Отчего ты плачешь? — спрашиваю.
— Бабушка ушла...
— Не плачь, вернётся к тебе твоя бабушка...
— Собака бродит, белая и злая...
— Не бойся собаку, она добрых людей не кусает... Тебя как зовут?

— Иринка...

Иринка на минуту успокаивается в разговоре.

— Ступай, Иринка, к ребятишкам. Они, видишь, в мячик играют...

— Мальчик, — зову первого, кто ближе, — возьмите Иринку с собой в игру.

— Она не хочет, — говорит он.

— Отчего это?

— Она хочет быть одна и не даёт Нине и Оксанке свои куклы.

Мальчишка убежал, по пути разворошив носком сапога притухший костер.

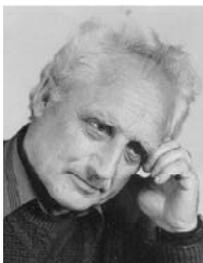
— Плохо, когда человек один... — вслух размышляю я. — И собаки он боится, и темноты. И не поможет ему никакая бабушка... Не плачь Иринка! Поделись своими игрушками со всеми и бегай, радуйся жизни со всеми вместе.

В глубине своей маленькой души девочка, наверное, согласна со мною.

Я иду дальше. И где-то, шагов через двадцать, слышу залихватый смех Иринки.

Всё, оказывается, так здорово просто!

Иван АКУЛОВ

ВАРАВВА

Поэма

1

*Ещё вчера он был одним из тех,
Кого искал настойчиво успех,
По жизни вёл, как будто был он слеп,
И приносил к столу вино и хлеб.
Жизнь походила на цветные сны
Ласкающей ладонями весны.
Сны проявлялись по утрам, в часы,
Когда трава белела от росы,
А солнца луч рассветной бороздой
С ведёрком шёл за ключевой водой.
Сознание не спешило отпустить
Возникшую во сне живую страсть.
Страсть подступала пламенем огня,
Рассвет сжигая и минуты дня.
Но жар был нежен, словно горный свет:*

Родился в 1942 году. Живёт в с. Петровское.
Публиковался в областных и районных газетах, коллективных сборниках, «Тамбовском альманахе».

Автор сборников стихов «Прапамять», «Кукушкины слёзки», «Протомир», «С той стороны...», «Судный час».

Член Союза писателей России.

– Вставай, Варавва! Выходи! Пора
Ответствовать! Толпа людей с утра
Ждёт развлечений. Ей невмозготу
Изобразить в день Пасхи немоту.
И стражники, смеясь, одним тычком
Во двор Варавву вывели. Молчком
Глотал он свет и воздух и не мог
Никак согреться: в темноте продрог.
Дрожали ноги, руки. Голова
Кружилась так, что неба синева
Скатилась в ноги, но поднялся вверх
Песок двора и с ним весёлый смех
Охранников.

– Что встал? Иди вперёд –
Заждался суд и изнемог народ, –
Орал охранник. Запредельный крик
Вернул сознание, но испуг возник:
«Напрасно милосердья ждать... Пилат
Исполнит установленный обряд
Суровой казни: фарисей убит,
Что объяснит и казнь саму и вид».

Путь от тюрьмы до здания суда
Был скор, но стоил многого труда.
Гул, словно тень, его сопровождал
И проникал в сознание роем жал
Не осужденья, а презренья тех,
Кто вслед спешил для праздничных потех.

Судебный зал был полон. Из толпы,
Шумевшей так, что властные столпы
Не слышны были, долетал призыв
«Расни его!..». Ор был сильнее в разы
Шумов в проулках городского дна,
Но обращен не на Варавву – на
Того, кто молча на толпу смотрел,
Не замечая ядовитых стрел.

«Распи!» кричали женщины,
 юнцы
 «Распи!» орали, как и их отцы.
 В ногах притихший шелудивый пёс
 «Распи!» прогавкал и поднял свой нос.
 Жрецы суда, чиновники, писцы,
 На службе молчаливее овцы,
 Орала так глумливое «Распи!»,
 Что гасли на треножниках огни,
 Зажжённые в честь памятного дня
 Исхода из Египта.

«Не меня! –
 Варава посмотрел сквозь чащу век –
 Велик, наверно, этот человек,
 Коль нету страха в позе, суеты...
 Он весь из света горней чистоты».
 Вокруг него бесился, воя, люд,
 Свистел и реготал, впадая в блуд,
 Неиствовал, почувствовав: Пилат
 И сам такому узнику не рад
 Настолько, что готов понять его,
 Принять идеи, образ, естество.

Немало времени прошло, пока
 Пилата вознесённая рука
 Вниманье привлекла – и зал затих,
 Но на мгновенье...
 Вновь взметнулся вихрь,
 Когда Пилат исторгнул из души:
 – Какое преступленье совершил
 Сын Иудеи Назарей Иисус?
 Народ, почуяв запах крови, вкус
 Её на языке, как в каннибальи дни,
 Вскипел нутром: – Распи его!..
 Распи!..

Варава ярость черни потрясла.
 Он будто пробудился ото сна,
 И любопытство – мать родная дел –

Заставило забыть про свой удел
 И обратить вниманье на Христа...
 Подобие безмерного креста
 Угадывалось в воздухе над ним.
 Колеблемый, сиял, как в зыби, нимб.
 – Он – Дух, он – Бог, – Варавва произнёс,
 Но тут же получил от стражи в нос, –
 Молчи, дурак, он – богохульник, лжец,
 А у лжеца всегда один конец –
 Повешенным или распятым быть:
 Такая у пророков жизнь и выть*.
 Варавва сник, но Иисуса взор
 Вернул способность размышлять – и вор
 Вдруг ощутил потребность защитить
 Того, с кем он сейчас хотел бы быть.

– Скажи, Иисус, – услышал он, – скажи,
 Ужель тебя не держит больше жизнь,
 Земная жизнь? –

Пилат не мог никак
 Вокруг Христа густой рассеять мрак.
 Он во второй и в третий раз бросал
 Один вопрос в дышащий злобой зал:
 «В чём виноват Иисус?», – но каждый раз
 Встречал в ответ бесовство напоказ.

Какой-то книжник зачитал грехи,
 Как будто тайно высыпал стрихнин
 В бокал души – не приняла душа
 Ни яда слов, ни блеска палаша.
 «Страх движет ими, потому что Он,
 Похоже, разрушает их закон,
 Устои власти, веры, бытия...
 Я, – мучился Пилат, – не судия
 Тому, за кем не нахожу вины:
 Свободны совесть, слово – и вольны
 Идущие за Назареем в мир,

* Выть – судьба.

В котором Он – и Царь их и кумир...».
 – Ты – Царь, – сказал, как подтвердил, Пилат.
 – Не я, но ты промолвил это, – взгляд
 Христа объял весь зал – и полилась
 Из глаз его чарующая ясь.

Пронзил Варавву взгляд, как свет, насквозь.
 Он лёгкость ощутил. С потоком слёз
 Из тела уходила грязь тех дней,
 Когда он пресмыкался перед ней.
 Любовь, скорее, – зло, чем благодать,
 В ней человека часто не видать.
 Его тянуло сделать шаг-другой,
 Но он не мог пошевелить ногой:
 Мешали кандалы и по бокам
 Стоящая охрана. По рукам
 Стекала дрожь – и плакала душа,
 Вчерашний день, как угли, вороша.
 Луч истины из облаковых стай
 Промыл заулки неискупных тайн:
 За что освистан Иисус толпой
 И что Варавве послано судьбой.

Иегемон, воли в сердце не найдя,
 Пугливым человеком из дождя
 Сбежал под свод обычая: народ
 Преступнику свободу каждый год
 В пасхальный день дарил и был собой
 Доволен чрезвычайно, словно бой
 Выигрывал последнего суда
 Без крови и согбенного труда.
 – Обычай Пасхи чтится, как закон...
 Не может упрекнуть синедрион,
 Что были отступленья – и сейчас
 Я жду великодушия от вас, –
 Пилат взглянул на приумолкший зал.
 – Решайте сами – я своё сказал.
 Он шага не ступил, чтоб отойти:
 Народ взревел: «Варавву отпусти!..».

*У радости счастливые глаза.
Они могли о многом рассказать,
Когда б не боль сердечная, не шок,
Упавший жаром на бескровность щёк.
Свободны ноги, руки, стражи нет,
Но радость не приходит.*

Белый свет

*Постыл – не мил настолько, точно связь
Внезапно с ним навек оборвалась.
– Как можно было осудить Христа,
Чья совесть неподкупна и чиста? –
Варавва заглянул в себя и там
Не увидел противного словам. –
Он никого не убивал, не крал,
Он вас лечил, он обещал вам рай, –
Кричал Варавва. – Люди, это я
Достоин смерти, а не бытия...
– Заткните ему глотку кулаком:
От радости бескостным языком
Льёт истиной приправленную чушь
В кипящее болото наших душ. –
Толпа качнулась к центру от стены. –
Распни Христа!*

Распни!

Распни!

Распни!

*Варавва сквозь глумящийся народ
Пролез к решётке, подпиравшей свод.
За ней стоял приговорённый.*

Он,

*Казалось, был ничуть не удивлён
Происходящим, словно горний свет
Щитом таимным от земных сует,
От ругани, от свиста, от бича,
От сладостных ухмылок палача,
Готовящего крест, незримо заслонял
И в то же время сберегал канал,*

*Питающий его и придающий сил –
Не слышать вой, а слушать шёпот крыл.
Свет стал частицей Назарея, суть
Которого принять не может суд.
– Какая сила в Нём заключена! –
Варавва чувствовал её.*

Волна

*Тепла и нежности в него влилась,
Обволокла, как праздничная сладость.
Он снова бросил в лаву лжи огня:
– Казните, люди, не Его – меня.
Я первым был в позорном ремесле...
Мне – не Ему – нет места на земле...
Он невиновен...*

Но и в этот раз

*Народ не услышал Вараввы глас
И продолжал неистововать во лжи,
Крепя её подножий рубежи.
– Варавва, ты свободен!*

Что ещё

Тебя тут держит?

Скоро ночь плащом

*Укроет город – и стада путан
Откроют крышки у шкатулок тайн,
Содрав с печатей бабушкин сургуч...
Иди – надрай свой заржавельный ключ, –
В лицо ему кричали стар и млад, –
Иди – ищи нерукотворный клад.
Гнала Варавву прочь и знать и чернь,
А он, не отрывая от очей
Иисуса взгляд, тянулся не к дверям,
А к свету благодатному, упрям.
Всё в нём перевернулось от стыда
За жизнь в паскудстве. Злачная луда
Слетела с плеч и спрятала глаза,
Как прячет их ребёнок-егоза.
Он чувствовал: рождается любовь.
Невероятно, но чужую боль
Стал ощущать Варавва как свою,*

Хотя стоял у смерти на краю.
 Меж тем, глумление над Христом росло.
 Привитое веками ремесло –
 Гнобить бесправного – дало свои плоды:
 Зло отпустило чёрные бразды.
 Оно достигло низменных вершин,
 Когда разбило вдребезги кувшин
 С восточным горлом и пустилось в пляс
 Под скрежет слов, шипенье гнойных ляс.

Путь до Голгофы был невыносим.
 Варавву покидал остаток сил.
 Сознание меркло, и струился пот,
 С тюремной грязью попадая в рот.
 – А как же Он! – стучало изнутри.
 – Смотри, Варавва! – донеслось, – Смотри,
 Как терпит Иисус и где исток
 Того, что видишь. Человек – листок
 На древе жизни. Вихрями эпох
 Его несёт, пока последний вздох
 Не обозначит завершённый круг
 Работы мысли и движенья рук.
 И ты – такой!
 Но не такой Христос.
 Не чувствует Он боли, а угроз
 Не слышит вовсе. Человечий страх
 Отринут Им. Вериги на ногах
 Легки на вид, но тяжелы они,
 Как детский голос, крикнувший «Расни!»
 «Бунтует ум мой, но боится плоть...
 Неужто и меня избрал Господь
 Пройти Голгофу и увидеть смерть...
 Мне думать страшно – каково терпеть...», –
 Варавва, вздрогнув, в страхе задрожал...
 Взрывая плоть огнём несметных жал,
 Легко, как свет через окошко, гвоздь,
 Откованный на совесть, вошёл в кость.
 Варавва побледнел. Из мёртвых уст
 С последним вздохом вырвалось: «Иису...».

Людмила КОТОВА

* * *

*Ещё и осень не блистала красками,
А почему-то хочется зимы.
Такими были летом дни контрастными,
Что тошно от погодной кутерьмы.
Сейчас бы снега, белого, спокойного,
До горизонта! Снега в тишине.
А может, ни при чём тут лето знойное?
Быть может, просто захотелось мне
Спокойной радости – как поле снежное –
В подарок, без упорства и борьбы.
...Так хочется прикосновенья нежного!
Но вновь удар в запасе у судьбы.*

*Людмила Котова родилась в посёлке Инжавино Тамбовской области.
Окончила Московскую сельхозакадемию им. К. А. Тимирязева.*

Публиковалась в газетах, коллективных сборниках, «Тамбовском альманахе».

Автор четырёх поэтических сборников, изданных в Москве и Тамбове.

Руководитель литературно-творческого объединения «Откровение» (Инжавино).

Член Союза писателей России с 2001 г.

В небе

*Облака под самолётом,
Словно снег в широком поле.
Мне ведь этого хотелось –
Белого покоя.
Отделила все заботы
Облачно-воздушным слоем.
Убежала-улетела
В небо голубое.*

*Здесь какая-то безмерность
Времени и расстояний.
Здесь как будто и реальность –
Но уже на грани.
Вот укрыла тень поверхность
Облаков! Там – след недавний:
В пустоте повис как данность –
Невесом и явен.*

*Движемся или застыли?
Мы почти как центр Вселенной
В обтекаемом пространстве
Этом беспредельном.
Вдруг блеснули рядом крылья
Встречного, что параллельно
Нам пронёсся – как на трассе
На обыкновенной!*

*Да, наверное, не надо,
Чтобы красота и чудо
Наблюдались ежедневно,
Приручив рассудок.
Реже встречи – ярче радость.
Ну, а я, лечу покуда,
Небом необыкновенным
Наслаждаться буду.*

* * *

*Задержалась туча у земли,
Потянулась к лесу приунылому –
Словно пальцы тонкие свои
Запустила в кудри друга милого.
Встрепенулся оживлённо лес.
Всей листвою к влаге льнёт живительной.
А подруга щедрая с небес
Не жалеет ласки упоительной.*

Подсолнух

*Подсолнух голову понурил,
Сгорбатился по-стариковски.
Пожухли золотые кудри,
Кафтан поистрепался в носке.
Уже и солнышко не манит
По целым дням глядеть влюблённо.
Лишь редкими ночными снами
Он снова в юности зелёной.*

* * *

*Берёзка как будто надела монисто –
Блестят золотишки в зелёных кудрях.
И солнышко в небе с улыбкой лучистой
Любуется ею в канун сентября.*

*И скоро весь лес, уподобясь цыганке,
Накинёт на плечи цветастую шаль.
И так закрасуется, празднично-яркий,
Что лета ушедшего станет не жаль.*

* * *

*Природа в зиму просится.
Бесснежье – как бессонница.
Но, наконец-то, выбелило снегом.
И посветтели улицы,
И расхотелось хмуриться
Уставшему от серой жизни небу.*

*А после – ночь морозная,
Голубогазо-звёздная,
И лунные таинственные тени.
И вся природа словно бы,
Укрытая от холода,
Притихла в сонном умиротворенье.*

* * *

*Ну откуда знают эти птицы,
Что когда-нибудь придёт весна?!
Мне бы так же верить научиться
В дни, когда в душе – тоска одна.*

*Вот ведь птахи: чуть завидят солнце,
Будь то даже хоть в осенний день,
Раззвенятся, словно колокольца –
И мелькнёт весны далёкой тень.*

*Не случайность – искренняя вера
В возрожденье, в радостный полёт.
Пусть ещё не зацвели вербы,
Солнце светит – птичий хор поёт.*

Другие воды

*Ах, эта мудрость о другой воде!
Вернись – и кто-то непременно скажет,
Что воды под ногой уже не те,
В которые ты заходил однажды.*

*Другие воды... Ну а может, пусть?
Пусть унесёт течением ошибки
И разочарования, и грусть,
Надежд твоих безумных призрак зыбкий.*

*Другую будет новая вода.
Но кто решил, что коль другой – то хуже?
Стереотипы верны не всегда.
И, может быть, порою так и нужно:*

*Оставить в очищающей воде
Былое, чтобы с радостью однажды
Понять, что воды под ногой не те,
И прежде не повторится дважды.*

* * *

*Асфальт ненасытною чёрной дырой
Заглатывает светлость снега.
Так, может быть, звёздный космический рой
Врывается в темень с разбега
И в ней исчезает. Как тот первый снег.
И кажется – всё без возврата.
Но циклы свершатся от альф до омег:
Восполнится снова течение рек,
Галактика вспыхнет когда-то.*

* * *

*Спеши проявить заботу
И подарить вниманье.
Быть может, завтра кого-то
Унесёт расстоянье.
А кто-то сойдёт на берег
Временного потока.
Жалей потом о потере,
О невозвратных сроках!
Спеши же, пока он рядом –
Тот, кому ты так нужен.
Тебе самому ведь надо
Добром отогреть душу.*

* * *

*Заставляю себя
Быть к тебе равнодушной.
Уверяю себя,
Что иной путь закрыт.
И разумным словам
Сердце вроде послушно –
Власть дана тем словам
Убереечь от обид.*

*И уже не хочу
Продолженья общенья.
И как будто хочу,
Чтобы нити рвались.
И могла б позабыть
О своём назначенье.
Но не в силах забыть:
Всё имеет свой смысл.*

* * *

Я могу притвориться,
 Что могу обойтись без тебя.
 В этом даже себя
 Убедить я, пожалуй, сумею.
 В роль попробую вжиться
 И, поверив, тебя отпущу.
 Но отправлюсь к врачу,
 О безумстве своём сожалея.

Врач поставит диагноз,
 Что больная совсем не больна
 И разумно вольна
 Поступать. Но ему не поверю.
 Ведь пойму, что напрасной
 Оказалась попытка забыть,
 Что не в планах судьбы
 За тобою закрытые двери.

* * *

Хочу заснуть в твоих объятьях,
 Испив любовного вина,
 Когда бы нежность в них познать я
 И ласку рук могла сполна.

Хочу к тебе прилипнуть кожей,
 Хочу срастись с тобой душой
 И стать тебе других дорожке,
 Когда бы этот час пришёл.

И обострённым восприятием
 Единство это обретя,
 Хочу уснуть в твоих объятьях
 Как спит невинное дитя.

* * *

*Мне гороскоп сулил удачный день.
Мне звёзды утверждали: жизнь прекрасна.
Но в душу заползла больная тень.
Но сердцу радость ждать пришлось напрасно.*

*Обманывали звёзды. «Не нужна!» –
Ты мне сказал. В сто первый раз, наверно.
Но для меня вдруг отцвела весна.
Я вдруг поверила в сто этот первый.*

*...А гороскоп твердит: всё хорошо.
И жизнь вокруг как будто бы всё та же.
Удачный день!.. Он стороной прошёл.
И кто там что сулил – уже не важно.*

* * *

*Ты когда-нибудь станешь мне другом.
Просто другом, без счастья и боли.
Время всё же окажет услугу:
Сердце снова захочет на волю.*

*Плен покинет запретных желаний,
Плен надежды и чувств безответных.
Мир вокруг снова станет бескрайним,
Полным жизни и солнцем согретым.*

*Праздник встреч обернётся досугом.
Всё пойдёт чередой равномерной.
Ты когда-нибудь станешь мне другом.
Благодарным, заботливым, верным.*

* * *

*Отрываешь – уже срослось! –
С кожей, с мясом, почти с костями.
Кто-то может подумать – злость.
Нет, лишь боль в этот миг меж нами.*

*В каждой клеточке – боль разлук,
Безысходности и молчанья.
Разрываешь кольцо из рук,
Из несбывшихся ожиданий.*

* * *

*Не ищите меня – я уснула.
Равнодушию бой проигран.
Флаги спущены, нет караула
И любовь не слагает гимны.*

*Утверждается сонное царство.
Умолкают бурные чувства.
Что ж, покой безболезненный, властвуй!
Ты сумел победить безумство.*

Валерий ХВОРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ АТАМАНА АНТОНОВА

Поэма

Пролог

*У цветущей черёмухи белой
В монастырском притихшем саду
Сонный взгляд мой виденье задело
У рассветной зари на виду.
Я увидел виденье монаха,
Он сиял и свободно парил,
И молитву безмолвно, без страха
Над землёй одиноко творил.
Восхищался посланником рая
Мой простой человеческий дух,
И с черёмухи цвет, облетая,
Тихо-тихо стелился вокруг.
Что его побудило вернуться
В мир, уставший от тёмных ночей?
Может, беды, что стаями вьются,
Может, свет поминальных свечей.*

Валерий Хворов родился в 1957 году в Тамбове. Работает преподавателем технологии в Тамбовском межшкольном учебном комбинате.

Стихи публиковал в газетах, коллективных сборниках, журнале «Подъём». Автор пяти поэтических сборников.

Член Союза писателей России с 2001 года.

Часть I

Тихая дорога

*Лёг на пажити туман,
Лёгкий белогривый.
Едет мимо атаман,
Конь под ним игривый.
Атаман угрюм и смел,
Едет за затоны.
Воевал он как умел
За свои законы.
Рядом брат его родной,
Дмитрий он, Антонов.
Конь под братом вороной,
Век не слышал стонов.
Не звенят вдали клинки,
И не воют суки.
Всюду власть большевики
Взяли в свои руки.
Смерть двухсотую в бою,
Братья пережили,
Там, где вороны свою
Тризну накружили.
Братья едут, и без сна
Думают о многом.
Для чего же вся страна
Жизнью спорит с Богом?
Почему в боях друзей
Пули полюбили?
Каждый был не ротозей,
Каждого убили.
Правых нет и пыль в крови,
И мертва идея,
На костях врагов живи
Красная Расея.
За затоном лес взлетел
Частоколом сосен,
Атаман в нём захотел*

*Встретить тайно осень.
В печке вертится огонь,
Весь в пылу забавы,
Но гуляет где-то конь
Без седла-любавы.
На заимке два бойца
Стали как монахи.
Молят Господа Отца
Чтоб развеял страхи.
Сашика брат и Дмитрий брат,
Правнуки Антона,
Каждый бурям новым рад,
Дующим с затона.
Есть лежанки, стол и харч,
Нет идей напрасных,
И не видно больше харь –
Красных и не красных.
Жить бы им и не тужить
В глубине дремучей,
Только чем им дорожить,
Кроме мести жгучей?
Точит мечь и жжёт сердца
Братьям командирам.
Просят Господа Отца:
– Помири нас с миром?!
И однажды в зимний день
Когда снег не вился,
Старший брат увидел тень,
Охнув, покрестился.*

Часть II

Тень судьбы...

*Тень имела силуэт
Волка-кровотийцы.
Человека рядом нет –
Тень судьбы-убийцы.*

Атаман осел к земле,
 Нет опоры взгляду...
 Там в февральской стылой мгле,
 Жизнь идёт к распаду.
 Или нет, не там она
 Стала некрылатой,
 Здесь печаль душе видна
 С мордою лохматой.
 – Боже мой, куда я брёл?
 Что искал в дороге?
 Что хотел я, то обрёл,
 Волчью тень в берлоге.
 Воскреси же память рать!
 Ту, в начале смуты,
 Все хотели воевать,
 Вольницы рекруты.
 – Сашка, друг, ты не робей,
 Плужников и Ишин,
 Чем попало красных бей,
 Вас одних мы слышим. –
 Штаб восставшей голытьбы
 В Каменке открыли,
 Чтобы все от злой судьбы,
 День и ночь не ныли.

Часть III

Восстание народа

– Мы родной земли народ,
 Верных хлебосеев.
 А в столице правит сброд
 Из жидов-евреев. –
 Весть грозою пронеслась
 По округам-весям;
 – Жизнь весёлая нашлась,
 В Каменке, вот здесь. –
 Ишин, выкушав винца,

Стал весьма речистым...
 Привязал к коню юнца,
 Обозвал чекистом.
 – Ей, Алёха, протащи,
 По селу малого.
 Да с чекиста не взъищи,
 Их в Тамбове много. –
 И Алёха показал,
 Что такое злоба.
 Кровью парня повязал
 Ишинцев до гроба.
 Кровь людская не вода,
 Хлынет – не искрится,
 Сколько будет жить беда,
 Столько будет литься.
 Воскресай гроза страстей,
 Многих ты сгубила.
 Хлётской плетью новостей,
 Всех секла и била.
 – Я признаюсь сам себе,
 Рад был новой доле,
 По душевной по злобе
 И разбойной воле.
 Мужики в село пришли,
 Слушать злые речи.
 В храм молиться не зашли,
 Где пылали свечи.
 В штабе Каменском свои
 Всё решили миром:
 – Мы соратники твои,
 Будь нам командиром. –
 – Я – Антонов, атаман,
 Буду вам собратом,
 За наганом лезть в карман,
 Часто буду с матом.
 Не в бирюльки мы играть
 Шли сюда по тропам,
 Не дадим страну продать,
 Красным голым жопам...

*И пошло, и понеслось:
 – Саика стал штабистом,
 Разжигает в людях злость
 К гадам-коммунистам...
 Волостной союз трудяг
 И стрелки эсеры
 Стали славить вольный стяг,
 Как святыню веры.
 И пошли гулять полки,
 Фронтом друг за другом,
 И рубили мужики
 Красных по округам.*

Часть IV

Правда Марии Косовой

*Вдоль степной реки Кривуши
 Над домами вьётся дым,
 Яблони звенят и груши
 Рядом инеем седым.
 По селу обоз крадётся –
 Кони, сникли и бойцы,
 Всем в тепле ночлег найдётся,
 В избах крепкие венцы,
 И светлы в домах иконы,
 И витает хлебный дух.
 Не разносит эхо звоны
 С колокольни вновь вокруг,
 Только стужа веселится,
 Ярит холодом небес...
 Где-то рыщет, где-то злится
 В белом поле красный бес.
 Не нашёл он полк Марии
 Косовой, и не найдёт.
 За исконную Россию
 Полк стремглав бои ведёт.
 Русь крестьянина простая –*

Божий храм, земля, семья,
 Хлеб в трудах свой обретая,
 Век любить свои края.
 Рьяно звали коммунисты
 Бить буржуев до конца.
 Всей толпой они речисты,
 Против Господа Отца.
 Разделили люд на части,
 Стали власть свою вершить.
 Распалили в душах страсти –
 Кулаков добра лишить.
 Богатеев в сёлах мало,
 Мироедов редок ряд.
 Власть зерно поотбирала,
 У крестьян, у всех подряд.
 Гнев людской – не пыль в чулане,
 Грянул гром и он возрос.
 Крич раздался: – Христиане!
 Бей чертей, решай вопрос. –
 Только черти – те же люди:
 Кто рабочий, кто батрак.
 Подставляют свои груди
 Пулям вражеским за так.
 За копейки спины гнули,
 Жили жизнью голытьбы.
 Взяли власть и присягнули
 Бурям классовой борьбы.
 Бой идёт между своими,
 Озверел народ честной.
 Стали многие чужими
 Для родных, в стране родной.
 Водит враг врага по кругу
 Тёмной ночью, светлым днём.
 Есть о чём сказать друг другу
 Саблей, пулей и огнём.
 Командир полка Мария
 В полушубке на коне,
 Много дел понатворила
 В той и этой стороне.
 – Красных нет в селе, сестрица?
 Бьюсь я с ними и во сне.

Есть в мешке пишено-ядрица,
 Кашу сварить в чугушке.
 Всем бойцам приказ – на отдых!
 А поутру – рысью вскачь.
 Нам ещё сражаться годы,
 Хочешь – смейся, хочешь – плачь.
 Но смеяться мы не будем,
 Да и плакать – не слабы.
 Комиссары тоже люди,
 Хоть и лжи своей рабы.
 Легут и верят в небылицу
 И диктуют всем своё.
 Чтоб любили мы столицу
 И молились на неё.
 Вот и здесь лютует погань
 И куражится вовсю –
 Прострелил поганец ногу
 Другу Ваське Карасю.
 Ест сливную кашу Маша,
 И канон возносит свой:
 – До утра Криуша наша,
 Ставка правды мировой!
 А по утра будь что будет,
 Не была бы жизнь пустой,
 Смерть-погибель не рассудит
 Кто идейный, кто святой.
 Все мы злобою объаты,
 Каждый жаждет судный бой.
 Не уйти нам от расплаты
 За вражду между собой...

Часть V

Доброе дело

Когда поле согрето звездюю,
 Оживает земля неспеша.
 Вновь девицы идут за водою,
 Из колодцев вода хороша.
 Родники бьют в колодцах святые,

В каждой капле – земли благодать.
 Есть они, значит будут в России
 Люди жить, и любить, и страдать.
 Пробиваются травы повсюду,
 И лугов зеленеет руно,
 И пахать своё полюшко люду
 Вновь придётся, как Богом дано.
 Люди-пахари неприхотливы,
 Стерпят хворь и нежданный недуг.
 Как один мужики молчаливы,
 Когда чинят соху или плуг.
 Вот бы так под звездою до гроба
 Мужикам всё пахать да пахать,
 Но витает взаимная злоба,
 Там, где радость могла бы порхать.
 Где-то красные белых разбили,
 Где-то банда настигла врага,
 Горе-реку бедой запрудили,
 И размыла река берега.
 У отряда под флагом кровавым
 Есть задача важнее всего:
 Бить бандитов и левых, и правых,
 Не оставив в живых никого.
 Два озлобленных красноармейца
 По доносу старухи седой
 Допросили соседа путейца
 И двух женицин, объятых бедой.
 – Где тюки атамановой ткани?
 Сколько их? Или мы не правы?
 Не Марии ли Косовой дряни
 То сукно, что хранят две вдовы?
 – Да, сукно положила Мария,
 Приказала хранить и блюсти,
 И сказала: погибнет Россия,
 Если будет Христос не в чести. –
 – Вы сукно берегли для Марии?!
 Да за это расстрел без суда.
 Не нужны вы такие России,
 Вас не будет – не будет вреда.
 Две вдовы у стены деревянной
 Умоляли понять их, простить.

Звонко цокнул затвор окаянный
 Чтобы к бою патрон разместить.
 – Стой! – окликнуло грозное эхо.
 – И стрелять без команды не смей!
 Я успел до расправы доехать,
 И затвором не стоит звенеть.
 Командир я, а ваш самосуд
 Производится не по приказу.
 Кто из вас совершит скорый суд,
 Расстреляю ослушников сразу.
 Две вдовы и сынишка одной,
 Ходит сам под метровую лавку.
 Так какой же им вместе ценой
 Взять пришлось бы бандитскую ставку?
 Пусть Мария здесь прежде была,
 Пусть другие залётные были...
 Власть советская всё же пришла,
 Чтобы все о бандитах забыли.
 Власть Советов теперь состоит
 Из людей, не из чуждого сброда.
 Нам сегодня и впредь предстоит
 Жить судьбой трудового народа.
 А сукно надо конфисковать,
 Склад давно безнадёжно пустует.
 Всем в отряд и давай воевать
 С теми, кто под Тамбовом бунтует.
 – С конным строем, на всех, пополам,
 Шел отряд по Криуше с востока.
 Всем досталось в селе по делам,
 Но не столь, как бывало, жестоко.

Часть VI

Агасфер и Боголюбский

Ветер времени неугомонный
 Дует с западных стран на восток.
 Кто был в вере своей непреклонным,
 Получил свою пулю в висок.
 Боголюбский Олег не расстрелян,

Он контужен в бою и пленён.
 Был он в кличе крестьян не уверен,
 Но стоял за грозу их знамён.
 Бился с красными саблей и пулей,
 Бился насмерть с безбожной ордой,
 Но войны растревоженный улей
 Вновь роился над маткой-бедой.
 Опознали его среди пленных
 Как личину бунтарского зла.
 А в газах его светлых блаженных
 Тень печали душевной была.
 Ни эсер он, ни левый, ни правый,
 Офицер он войны мировой:
 И высокий, и статный, и бравый,
 С поседевшей слегка головой.
 В монастырских покоях не тихо,
 Свет Казанской Святыни померк.
 День за днём большевистское лихо
 Держит здесь свой намётанный верх.
 Отвечать есть кому перед адом –
 Служит с рвением в ЧК Агасфер,
 Вечный жид с немигающим взглядом
 И набором змеиных манер.
 – Что, Олег Боголюбский, попался?!
 Верил в Бога, а он не помог.
 Ты всю жизнь за Россию сражался,
 А спасти свою душу не смог. –
 – Ошибаешься, жид вечной боли,
 Я за душу ещё постою
 И умру ради праведной доли,
 Но тебя не увижу в раю. –
 – Как узнал ты меня, благовестный?!
 Кто открыл тебе тайну мою?
 Неужели Христос твой небесный
 Здесь затеплил лампаду свою. –
 – Как тебя не узнать, если слухи
 Ходят всюду о света конце.
 Если кровью питаются мухи,
 Что на пуль полыхает свинце.

Там, где зло расплодилось без меры,
 Где грехи выше светлой любви,
 Там шабаш свой вершат агасферы,
 Утопив всё святое в крови.
 Свят Саровский, но тих и безмолвен,
 Видя вновь всю Россию в огне.
 Каждый будет со смертью помолвлен,
 Став Иудой по сходной цене. –
 – Что несёшь ты о власти Христовой,
 И Саровский не свят Серафим.
 Я для власти Вааловой новой
 Самый главный чекист-херувим.
 Я с Ваалом вердикт не нарушу,
 Ты, Олег, о своём говори...
 Когда пуля пронзит твою душу,
 Вспыхнет пламя рассветной зари.
 Хочешь жить?! Так продли свою долю,
 Отрекись от любви и добра,
 Ты получишь достойную волю
 И кошель дармовой серебра. –
 – Не продам я ни душу, ни долю,
 Не продамся тебе никогда.
 Я не стану для каждого болью,
 Кто небес не боится суда.
 Верю я: на порушенном месте
 Вновь восстанет разрушенный храм.
 Каждый колокол благостной вестью
 Возвестит о святом по утрам. –
 – Честь с тобой, а со мною идея
 Осквернять все святые места.
 Для меня твоя Русь – Иудея,
 Та, когда распинали Христа.
 И не важно в каком она чане
 Откипела, согнувшись в дугу.
 Есть патроны в холодном нагане
 И мандат на стрельбу по врагу. –
 Умирал Боголюбский за веру
 В лучший мир без заблудших рабов,
 Не предав, не продав Агасферу
 Свою жизнь, свой духовный Тамбов.

Часть VII

Любовь атамана

*Соловы поют соловушки
 Грустно-грустно у реки.
 Многие гуляй-головишки
 Потеряли мужики.
 Тухачевский гнал приказами
 Молодых большевиков,
 Чтоб они травили газами
 Мужиков-бунтовщиков.
 – Виноваты подкулачники,
 Как и злыдни-кулаки. –
 Так решили горе-ратники,
 Обнажив свои клинки.
 Вновь законы кровью мечены,
 Вольница крестьян в плевках.
 Плачут тихо в избах женщины
 И младенцы на руках.
 Под Шибряем Нижним светлая
 На траве лежит роса.
 Повстречались снова с ветрами
 Двух прохожих голоса.
 Братья вольные Антоновы
 Шли к подруге одного.
 – Храм не встретит перезвонами
 В этом крае никого. –
 Тишину спугнув нечаянно,
 Братья вздрогнули слегка...
 – Ждёт ли женщина отчаянно
 В доме милого дружка?.. –
 Ночью женщине не спится,
 Днём тоску не истребить.
 Кто-то тихо в дверь стучится:
 – Атаман пришёл любить! –
 Дмитрий стражем притулился,
 Сашка с женщиной вдвоём.*

Так по ласкам истомился,
 С жаром шепчет о своём.
 Духом пал, и вот поди же –
 Стал опять в мечтах силён...
 Нет души на свете ближе
 Той, в которую влюблён.
 В пух и прах разнёс бывшее
 В ясной памяти своей.
 Всё печальное, всё злое
 Сжжёт в огне прошедших дней.
 Но вокруг Шибря плахой
 Классовой лежит страна,
 Губит всех расстрела страхом,
 Агасфер как сатана.
 Окружили дом с наганами
 Вмиг пособники ЧК,
 С лицами всегда погаными –
 Ныне, присно, на века.
 Не сбегать в лесное логово,
 Бой коротким был, как миг...
 Что твоё, что вечно Богово –
 Атаман душой постиг.

Эпилог

Время вспять не повернуть,
 Не помчат его галопом.
 Как здоровье не вернуть,
 Прошагав по пыльным тропам.
 Прошлое не изменить
 Людям, счастье не нашедшим.
 Вновь судьбу обременить
 Не дано нам днём прошедшим.
 И зачем в мечтах радеть
 О былой стезе тревожной.
 Лучшие голубем лететь
 Над травой придорожной.

Нина ИЗМАЙЛОВА

Очки

*Прозренье наступает,
но не вдруг –
без розовых очков
тускнеет круг,
очерченный для призрачной отрады.
Подкрашиваю их я втихаря,
и – снова лучезарная заря
над серыми завалами
распада.*

*Мне говорят:
«Пора очки снимать.
Смотри – разбиты вдреызг,
а ты опять
лелеешь всуе дерзкие капризы...»
И всё-таки
очков я не сниму,
но радугой цветущей заменю
разбившиеся
розовые
линзы!*

*Нина Измайлова родилась во Владимире, живёт и работает в Тамбове.
Публиковалась в газетах, коллективных сборниках, альманахе «Радуга
над Цной».*

Автор книги стихов «Меня позвали – я пришла».

Член Союза российских писателей.

Возвращение*Памяти Евгения Харланова*

*Когда умирают поэты,
в садах опадает малина,
снега, иссыхая, чернеют,
в землю уходит трава.
А небо становится ниже,
и птицы в лесах умолкают,
тускнеет и слепнет солнце,
глохнут в горле слова.*

*Когда умирают поэты,
становится вдруг безразлично,
какао любил или водку
певец при жизни земной,
и жил он в стране далёкой,
или в соседнем доме
и заходил вечерами,
чтоб покалякать с тобой.*

*И сколько ни рассуждают
друзья от литературы
и о своей причастности,
и о других пустяках,
а ОН остался все тем же,
просторным и бесприютным...
каким он ушел из жизни,
таким и вернулся...
в стихах.*

Баллада о Троллейбусе

*Троллейбус, сопя и вздыхая, по улице тащится –
Сминается знойный асфальт под протектором стёртым.
И снится ему, что изящная стройная ящерица
Зовёт поваляться в зелёной лощине за городом.*

*Вечерний газон задремал и наполнился полночью,
Угасли шаги, и Троллейбус внезапно проснулся.
И, штанги закинув за плечи, побрел потихонечку
Из города спящего — ни о кого не споткнулся.*

*В лощине прохладной, на свежей траве изумрудной
Валялся Троллейбус, рососою бока умывая,
И глупой счастливой улыбкой приветствовал утро,
И думал: «Сюда приглашу я братишку Трамвая.*

*Как мягко и весело! Воздух, пропитанный мёдом,
Стрекоз привлекает, и лёгкие бабочки вьются,
И двери мои не штурмуются больше народом,
И можно в любую минуту заснуть и проснуться...»*

*От города пыльного к северу тянется балка.
Засыпана мусором – смрад из глубин исторгает.
Огромная свалка. Простая привычная свалка.
Разбитый троллейбус зловещую свалку венчает.*

«Мерседес-600»

(Авторуководство по эксплуатации)

*Хвалю, Хозяин, – ты меня купил
И отстегнул немереные бабки.
Надеюсь, хватит выдержки и сил,
Дабы усвоить и мои повадки.*

*Компьютером владеешь? Я горжусь!
Мобильника из рук не выпускаешь?
Почти что свой! Давай, братан, не трусь –
Лениво как-то мной ты управляешь.*

*Когда вальяжно ты во мне сидишь,
В глазах людей ты – новый русский, барин,
А для меня – подопытная мышь.
Так будь мне за ученье благодарен.*

*Я – «Мерс», а не «Москвич», и не «Ока»
Или задрипанная фермерская «Нива».
Мне о таких тереть свои бока,
Дерзну заметить, даже некрасиво!*

*Ну что, опять какой-то светофор?
Да мне плевать – зелёный или красный –
Когда лечу стрелой во весь опор,
Перечить мне, как минимум, опасно!*

*Во, ты даёшь! Нажал на тормоза –
Так мне из строя выведешь колодки!
Ах, пешеход? Протри свои глаза,
Да полюбуйся на его походку:*

*Едва передвигается, бедняк,
Одет в тряпье, ни дать, ни взять – бомжует!
Не человек он вовсе, а... червяк!
Давай освободим его от сует!*

*И пусть родня не рвёт последних жил
И шибко о надгробье не печётся:
Кто пешеходом срок земной прожил,
Простым крестом сосновым обойдётся.*

*Чего дрожишь? Пугаешься ментов?
Врубись, в натуре – это же не круто!
Ты к новому мышленью не готов,
Покуда подчиняешься кому-то!*

*Напоминаю: ты купил — МЕНЯ!
И лишь передо мной теперь в ответе!
А если мой урок преподан зря,
На повороте выплону, сопля,
Да так, что окочуришься в кювете!*

Молитва лисицы

*Послушай, охотник, Ты – Бог! Я – простая лисица,
Одна из немногих, что выжили прошлой зимой,
И буду Тебя неустанно просить и молиться,
Чтоб Ты не гонялся с собаками нынче за мной.*

*Мой лес поредел, но нашла я себе за пригорком
Уютное место – не сразу его разглядишь!
Построила дом, а по-вашему, вырыла норку,
Лисят родила и поймала им первую мышь.*

*Охотник, Ты – Бог, и Жена Твоя – тоже Богиня,
Одетая в бархат, в шелка, с бриллиантом кольцо...
Неужто мой сын, мой любимый лисёнок, погибнет,
Чтоб мехом пушистым её обрамлялось лицо?*

*Гринпис далеко, и не сможет за нас заступиться –
Помидуй, Охотник, меня и малюток-лисят!
Земля велика, только где нам спастись и укрыться,
Когда милосердия люди иметь не хотят?*

*Исчезнут леса, обмелеют ручьи и озёра,
Порвётся с разумной природой незримая нить –
И полчища крыс и мышей завоюют Твой город,
И некому будет семейство Твоё защитить.*

*Баланс опрокинется. Всякое может случиться –
Богиня, которую Ты ублажал и ласкал,
Однажды посмотрит в глаза Тебе серой волчицей
И явит внезапно надменный звериный оскал.*

Ты ждёшь...

*Семь лет мне светила улыбка твоя,
Семь лет я глядела, дыханье тая,
В твои золотые, как солнце, глаза...
Но солнце затмила ночная слеза.
Меня ты покинул – и чёрная мгла
Меж мной и тобой навсегда пролегла.*

*И кануло в бездну семь лет и семь дней,
Четырнадцать лет и четырнадцать дней,
И трижды по семь и сто семьдесят дней –
Нет горше утраты, нет боли больней.*

*И тихо в ночи колокольчик звенит...
Срывается яблоко с ветки в зенит
И тьму пробивает, и стёкла летят
Мне прямо в глаза. И вонзаясь, слепят.*

*Я знаю, ты ждёшь меня там, на лугу,
Ты ждёшь меня там, на другом берегу.
Меж нами года, словно горы в снегу,
И я пробиваюсь сквозь тьму и пургу –
Улыбку твою я в себе берегу
И только дойти всё никак не могу...*

Мотылёк

*Мотылёк, надрываясь, летит к возжеленному свету.
Вязнут крылья во тьме. Зачарованный тонким лучом,
Он стремится пробить темноту, и последние метры
В предвкушенья грядущего счастья ему нипочём.*

*Голубая пыльца истрепалась о своды туннеля –
И почти что бескрылым бродяга окончит свой путь.
Замерев на краю долгожданно лелеемой цели,
Он рванётся в слепящий огонь – отдохнуть...*

Баллада о коте

Жил у старушки чёрный кот,
 И ласков и умён.
 Бывало, выйдет из ворот
 И смотрит на ворон,
 Потом отводит томный взор –
 Ну как тут не понять?
 Негоже умному коту
 Небесных птиц гонять.
 Хозяйка летнею порой
 Спешит на огород,
 За ней вальяжно – хвост трубой –
 Идёт любимый кот.
 А ввечеру сидят вдвоём
 На кухне у окна,
 Едят. Он – кашу с молоком,
 Хлеб с молоком она.
 Так и вели они свой быт
 Без горя и забот,
 Но был безжалостно убит
 Старушкин чёрный кот.
 Два дня она его звала,
 И на крыльце ждала,
 На третий день в густых кустах
 Убитого нашла.
 В холстину тельце завернув,
 Поплакала о нём
 И вырыла ему, вздохнув,
 Могилку под окном,
 От чуждых взглядов оградив
 Сиреневым кустом.
 Убийца чёрного кота
 Был злобен неспроста –
 Он с детства кошек презирал,
 При случае пинал.
 Его и мучила, и жгла
 Котова чернота,
 Напоминавшая о том,

Что совесть нечиста.
 И как бы ни был белокур,
 И молод, и красив,
 Себе он душу зачеркнул,
 Единожды убив.
 Когда-нибудь в последний путь
 Старушку отнесут,
 Слегка в домишке приберут
 А после продадут,
 И может быть, и может быть,
 Жилплощадь купит тот,
 Кем был безжалостно убит
 Несчастный чёрный кот.
 И в соблюдение примет –
 А почему бы нет? –
 Войдёт хозяин в этот дом
 С каким-нибудь котом.
 И будет чайник на плите
 Насвистывать фокстрот,
 И будет зыркать в темноте
 Зелёным глазом кот,
 И беспокойно будет бить
 В бока себе хвостом,
 Почуяв в страхе, КЕМ убит
 Зарытый под окном.
 Хозяин кличку даст коту,
 Предложит молока,
 Но слышен будет за версту
 Тревожный вой кота,
 И будет в доме пустота
 И смертная тоска.
 И кот, конечно, в тот же день
 Оттуда удерёт,
 И тяжким камнем ляжет тень
 От дома до ворот,
 И в палисаднике сирень
 Вовек не расцветёт.

Елена ЛУКАНКИНА

МИСТИЧЕСКИЕ ДРАМЫ

ПО ТУ СТОРОНУ ГРЕХА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АРТЁМ
СОФЬЯ
РУСЛАН
ЖЕНЩИНА
НАДЯ

Все герои — лет тридцати.

СЦЕНА 1

Комната. Горит тусклый свет. В центре огромная кровать. На ней (буквой «У») под одним одеялом лежат трое: АРТЁМ, СОФЬЯ и РУСЛАН. Все одновременно просыпаются.

СОФЬЯ (*закрывает руками грудь*). Что это, чёрт возьми! Кто вы такие?

АРТЁМ. Эээ...

Елена Луканкина окончила Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, работает журналистом.

Она автор трёх поэтических и одного прозаического сборников, её стихи и проза публиковались в столичных журналах «Московский вестник», «Российский колокол», «Поэзия», в воронежском «Подъёме», в «Тамбовском альманахе». Пробует свои силы Елена и в драматургии.

Член Союза писателей России с 2005 года.

РУСЛАН. Здравсьте...

Каждый начинает тянуть одеяло на себя.

СОФЬЯ. Постойте, вы что делаете в моей постели?

РУСЛАН. В твоей? А с чего это она твоя?

СОФЬЯ (*взволнованно оглядывается*). Это не моя комната.

АРТЁМ. А где мы?

СОФЬЯ. Где-то...

РУСЛАН (*чешет затылок*). Вчера вечером я шёл после работы. Зашёл в стриптиз-клуб. Ну делать мне было нечего!

СОФЬЯ. Мне совершенно не интересны твои мотивы!

РУСЛАН. Ну так вот. Зашёл. Попил пива. Заказал девушку в кабинке. Вошёл и...

АРТЁМ (*с одобрительной улыбкой*). Здорово время проводишь, дружище!

РУСЛАН. Подождите. Я открыл дверь и... Проснулся здесь.

СОФЬЯ. Мда уж, оригинально!

РУСЛАН. Но как это могло быть?!

СОФЬЯ (*тянет одеяло на себя*). Господи, я же вся голая!

Парни заглядывают под одеяло.

АРТЁМ. Чёрт! Я тоже.

РУСЛАН (*улыбаясь*). И я.

СОФЬЯ (*Руслану*). Так, давайте все по порядку. Ты после работы шёл в стриптиз-клуб

РУСЛАН. Да.

СОФЬЯ. Заказал приватный танец?

РУСЛАН. Ну да.

СОФЬЯ. Зашёл в кабинку?

РУСЛАН. Ну.

СОФЬЯ. И оказался здесь с нами?

РУСЛАН. Выходит что так.

СОФЬЯ. Замечательно!

Долгая пауза.

СОФЬЯ. Я вчера вечером спускалась вниз по лестнице в своём подъезде. Уже подходила к двери...

РУСЛАН. Дай угадаю: и проснулась вместе с нами!

СОФЬЯ (*растеряно*). Да.

РУСЛАН. Отлично! А ты что вчера курила? Тоже травку? Хоро-

ДРАМАТУРГИЯ

шая однако оказалась шмаль!

АРТЁМ. Ребята, это уже не смешно! Я шёл к Наде.

СОФЬЯ. Кто такая Надя?

АРТЁМ. Моя девушка. Купил ей белых роз.

СОФЬЯ (*с ухмылкой*). Как банально! Если букет, значит – непременно роз.

АРТЁМ. Она любит белые розы.

РУСЛАН. Так, ладно, не отходи от сюжета. Купил белых роз...

АРТЁМ. Дошёл до её дома. Докурил. Открыл дверь подъезда.

РУСЛАН, СОФЬЯ (*вместе*). И очутился тут!

АРТЁМ (*неуверенно*). И очутился тут.

СОФЬЯ. Вот и разобрались! Прекрасно! На этой радостной ноте предлагаю всем найти свою одежду и валить отсюда.

РУСЛАН. Поддерживаю предложение дамы. Но кто-нибудь здесь видит хоть какое-то подобие одежды?

Все смотрят по сторонам.

СОФЬЯ. Да здесь, вообще ничего нет, кроме этой кровати!

РУСЛАН (*сбрасывает одеяло со своей стороны*). Просто потрясающе! Мы все видим один и тот же сон! Расслабьтесь!

АРТЁМ (*переворачиваясь на живот*). Слава Богу, а я-то уж решил, что тронулся совсем!

СОФЬЯ (*отворачивается*). Стыд-то какой! Прикройся!

РУСЛАН. А что? Мне скрывать нечего! К тому же, во сне чего ж стесняться-то! И тебе, зеленоглазка, предлагаю последовать моему совету!

СОФЬЯ (*сильнее натягивая на себя одеяло*). Нет, спасибо...

АРТЁМ. Так. И долго мы ещё будем спать?

РУСЛАН (*разводит руками*). Неизвестно.

АРТЁМ. Давайте тогда что ли поговорим о чём-нибудь?

РУСЛАН (*заводит руки за голову*). Хорошее предложение!

СОФЬЯ. И о чём?

АРТЁМ. Ну давайте для начала познакомимся. Я – Артём.

РУСЛАН. Руслан.

СОФЬЯ. Софья.

РУСЛАН. Как здорово, что в нашем мужском коллективе есть очаровательная муза.

Софья ухмыляется.

АРТЁМ. Да, Сонечка весьма хороша собой. Но не кажется ли вам

странным, что мы все видим друг друга?

РУСЛАН. Выходит, что нам снится сон на троих.

СОФЬЯ. А такое бывает?

АРТЁМ. Не знаю. Наверное. Интересно. А что там за дверью?

СОФЬЯ. Открой и узнаешь.

Артём подходит к двери, прикрываясь подушкой.

АРТЁМ. На ней нет ручки.

СОФЬЯ. То есть?

АРТЁМ. Её нельзя открыть.

СОФЬЯ. А замок?

АРТЁМ. Замка тоже нет.

РУСЛАН. Подождите, а это точно дверь?

АРТЁМ. Она самая.

СОФЬЯ (*поворачиваясь*). Здесь есть окно.

АРТЁМ. Кажется, это рисунок.

СОФЬЯ. Как?

АРТЁМ (*подходя к стене*). Посмотрите. Тут нарисован сад из окна. Окно и сад нарисованы на стене.

РУСЛАН. Отлично! Мы в замкнутом пространстве. Предлагаю всем троим устроить...

СОФЬЯ (*сердясь*). Если я здесь одна девушка, это ещё не означает, что мне захочется переспать с вами двумя. И не потому что я какая-нибудь пуританка. У меня другие принципы. Я себя не на помойке нашла, чтобы спать с неизвестными мужчинами даже во сне.

РУСЛАН. Подумаешь, королева какая нашлась!

СОФЬЯ. А ты, вообще, помолчал бы! В стриптиз-клуб он шёл.

РУСЛАН. И что здесь такого?

СОФЬЯ. Ничего! Озабоченный!

РУСЛАН (*бросая подушку в Софью*). На себя бы посмотрела! Монашка!

АРТЁМ. Хватит вам уже! Всё это как-то странно! Почему мы не просыпаемся?

СОФЬЯ. Потому что будильник ещё не прозвонил.

АРТЁМ. Завтра же суббота...

СОФЬЯ (*бросая подушку обратно Руслану*). Ещё лучше!

РУСЛАН. Терпеть меня, милочка, тебе придётся ещё пару часов, как минимум. Ну что ж, давайте тогда знакомиться ближе.

АРТЁМ. Софья, расскажи нам о себе.

СОФЬЯ. Не собираюсь.

РУСЛАН. Да ладно, что ты тут из себя строишь!

ДРАМАТУРГИЯ

СОФЬЯ. Отстань от меня!

АРТЁМ. Ладно. Я начну. Работаю программистом в компьютерной фирме. Не женат. Расстался с девушкой недавно. Через месяц у меня отпуск. Еду в Турцию.

РУСЛАН. А у меня есть своя точка. Бутик. Женат. Двое детей. Всё у меня в жизни отлично.

СОФЬЯ. Заметно, что барыга.

РУСЛАН. А ты, дай угадаю: преподаёшь в школе для барышень уроки кройки и шитья?!

СОФЬЯ (*говорит, медленно поднимаясь*). Я, между прочим, следователь. И если найду тебя в реальной жизни, ты у меня из налоговых вылезать не будешь. Понял?

РУСЛАН. Ой, ой, ой! Правоохранительница. Ты меня не запугивай. А то сам так пугну, что мало не покажется!

АРТЁМ. Так, прекратите! Не сон, а чёрт-те что! Я предлагаю всем поспать. Во сне ведь тоже можно поспать. Так ведь?

СОФЬЯ. Теоретически, да. Хорошая идея.

Все ложатся на подушки и начинают ворочаться и укладываться. Руслан мгновенно засыпает и начинает похрапывать.

АРТЁМ (*приподнимаясь*). Вы слышали?

РУСЛАН (*разговаривает во сне*). Мама, отстань уже, да поел я, поел!

АРТЁМ. Вот опять. Слышите?

СОФЬЯ (*не отрывая голову от подушки*). Что?

АРТЁМ. Этот звук.

СОФЬЯ (*ворчливо*). Я ничего не слышу, кроме бреда этого маменькиного сынка.

АРТЁМ. Ну как же так?

В стене появляется проход. Артём встаёт и заходит в него.

СЦЕНА 2

Маленькое, абсолютно белое помещение. Без окна. За столом сидит ЖЕНЩИНА в очках, похожая на секретаршу. В её руке – бумага. Больше в комнате ничего нет. Проход, через который АРТЁМ прошёл, затягивается.

ЖЕНЩИНА. Артём Ветров?

АРТЁМ (*оторопев*). Да.

ЖЕНЩИНА. Убийство.

АРТЁМ. Что?
 ЖЕНЩИНА. Причина смерти.
 АРТЁМ. Какой смерти?
 ЖЕНЩИНА (*приспуская очки*). Вашей, Артём, вашей!
 АРТЁМ. Я что умер?
 ЖЕНЩИНА. А по-вашему нет?
 АРТЁМ. По-моему, это сон.
 ЖЕНЩИНА. Все так считают.
 АРТЁМ (*опирается на стену*). И как же я умер?
 ЖЕНЩИНА. Вас убили тяжёлым тупым предметом в подъезде дома, где живёт ваша любимая девушка Надя.
 АРТЁМ. Кто убил?
 ЖЕНЩИНА (*снимает очки и кладёт на стол*). Бомж.
 АРТЁМ. Какой бомж?
 ЖЕНЩИНА. Обычный.
 АРТЁМ. Зачем?
 ЖЕНЩИНА. Банально: он хотел есть. Ему нужны были деньги. Он подкараулил вас.
 АРТЁМ. Он знал меня?
 ЖЕНЩИНА. Нет. Вы удивлены?
 АРТЁМ. Я мёртв? Или сплю?
 ЖЕНЩИНА (*спокойным тоном*). Вы мертвы, Артём. И это непоправимо.
 АРТЁМ. Но почему?
 ЖЕНЩИНА. Для этого я и здесь.
 АРТЁМ. Для чего?
 ЖЕНЩИНА. Чтобы вы нашли ответ на этот вопрос.
 АРТЁМ. На вопрос: «Почему я умер?»
 ЖЕНЩИНА. Совершенно верно. Какие у вас есть предположения?
 АРТЁМ. Всё это чушь, и я сплю.
 ЖЕНЩИНА. А ещё?
 АРТЁМ. Это случайность, что меня убили.
 ЖЕНЩИНА. Всё? На этом ваши варианты закончились?
 АРТЁМ. Да.
 ЖЕНЩИНА (*достает из стола бумаги*). Давайте я вам помогу, Артём! В девятом классе вы утопили троих котят.
 АРТЁМ. Каких ещё котят? А тогда, в деревне? А куда их, по-вашему, нужно было девать? Заставить умирать с голоду? У нас и так тогда было две кошки. Куда же ещё троих?
 ЖЕНЩИНА (*зачитывает по списку*). Далее. В институте вы избili студента Колю.
 АРТЁМ. Ну, избили, это громко сказано. Он за Надей моей ухлёс-

ДРАМАТУРГИЯ

тывал. Вот и разобрались по-мужски.

ЖЕНЩИНА. На вечеринке позавчера у вас была случайная половая связь с девушкой.

АРТЁМ. Ну, я тогда был пьян. И не помню совершенно ничего. И, вообще, надо разобраться: кто с кем спал. Она со мной или я с ней? Я даже лица её не видел. Просто наутро проснулся и прочитал записку: «Спасибо за сладкую ночь. Ты был незабываем. Твоя незнакомка».

ЖЕНЩИНА. А вы помните её имя, Артём?

АРТЁМ. Да какое там имя! Я же говорю: и лица-то её не помню!

ЖЕНЩИНА. Хорошо, я вам напомню. Её звали Софья.

АРТЁМ. И что дальше?

ЖЕНЩИНА. Это имя ни о чём вам не говорит?

АРТЁМ (*запинаясь*). Нет. Не знаю я никакой Софьи. Разве что...

ЖЕНЩИНА. Да, да, Артём, это та самая девушка.

АРТЁМ. Там, в комнате?

ЖЕНЩИНА. Да.

АРТЁМ. Почему?

ЖЕНЩИНА. Что?

АРТЁМ. Мы проснулись с ней вместе. И ещё с этим. Как его?

ЖЕНЩИНА. Русланом.

АРТЁМ. Да.

ЖЕНЩИНА. А как вы думаете?

АРТЁМ (*берётся за голову*). Я вообще уже ничего не думаю

ЖЕНЩИНА. Вы должны исправиться.

АРТЁМ. В каком смысле?

ЖЕНЩИНА. В прямом.

АРТЁМ. То есть?

ЖЕНЩИНА. Спасти свою душу и её.

АРТЁМ. Стоп. Стоп. Стоп. Это что же значит? Я здесь, чтобы исправлять свои грехи?

ЖЕНЩИНА. Ты здесь, чтобы спастись.

АРТЁМ. От чего или от кого?

ЖЕНЩИНА. От себя.

АРТЁМ (*крутит головой*). Ничего не понимаю.

ЖЕНЩИНА. Поймите потом. Артём, у вас слишком мало времени. Не тратьте его впустую.

АРТЁМ. И что же я должен сделать?

ЖЕНЩИНА. Вы свободны.

За спиной снова появляется проход. Артём уходит и ложится в постель.

СЦЕНА 3

Снова та же комната с огромной кроватью, на которой лежат трое:
АРТЁМ, СОФЬЯ и РУСЛАН. Софья спит.

РУСЛАН: Ну что, поговорил?

АРТЁМ. С кем?

РУСЛАН. С женщиной?

АРТЁМ (*удивлённо*). Ты её знаешь?

РУСЛАН. Конечно.

АРТЁМ. И кто она?

РУСЛАН (*смеётся*). Твоя совесть. Не узнал что ли?

АРТЁМ (*злась*). Очень смешно!

РУСЛАН. Это не шутка.

АРТЁМ. А ты откуда знаешь её?

РУСЛАН. Потому что я тоже в твоей голове.

Пауза.

АРТЁМ. То есть как?

РУСЛАН. Вот так. Меня здесь вообще нет. Я — твоя мысль.

АРТЁМ. Мысль?

РУСЛАН. Да.

АРТЁМ. Не понимаю.

РУСЛАН. Ты хотел жить припеваючи. Хорошо зарабатывать. Иметь многих женщин. Быть крутым. Так вот я и есть ты. Тот, кем ты мог бы стать.

АРТЁМ. С таким вот животом?

РУСЛАН. Да, с таким вот животом.

АРТЁМ (*показывая на Софью*). А она?

СОФЬЯ. А она та, с которой ты бы мог быть.

АРТЁМ. Я тогда был пьян. Она, скорее всего, тоже.

РУСЛАН. Она тебя любит.

АРТЁМ. Что? Мы даже не знакомы.

РУСЛАН. Это ты с ней не знаком. А она тебя знает.

АРТЁМ. Как так?

РУСЛАН. Вы живёте в одном подъезде. Она — одинокая девушка. Работа у неё тяжёлая. Она давно уже тайно любит тебя. Но ты не замечаешь её.

АРТЁМ (*усмехаясь*). Трогательная киношная история.

РУСЛАН. Нет. Это твоя жизнь, которую ты не замечаешь.

АРТЁМ. И что дальше?

ДРАМАТУРГИЯ

РУСЛАН. Тогда на вечеринке. Ты был непотребно пьян. Это факт.

АРТЁМ. Со всеми бывает.

РУСЛАН. Согласен. Но с тобой довольно часто.

АРТЁМ. Не чаще, чем с другими.

РУСЛАН. Софья тоже знает твоего друга Дениса, который был зачинщиком того веселья.

АРТЁМ (*привстает*). Подожди. Денис тоже в следственном отделе работает...

РУСЛАН. Совершенно верно. В одном кабинете с Софьей.

АРТЁМ. Так... И что дальше?

РУСЛАН. Она увидела тебя там. Обрадовалась. Ну а дальше, я думаю, ты догадываешься, что произошло.

АРТЁМ. Она меня напоила?

РУСЛАН. Напаиваешься ты сам. И весьма быстро. Ей оставалось только войти в ту комнату...

АРТЁМ. Да. Чтобы изнасиловать меня...

РУСЛАН. Отнюдь! Чтобы познакомиться. Но ты тут же включил свой дамский счётчик, и слил бензин сам знаешь куда.

АРТЁМ. Прямо-таки и слил?

РУСЛАН. Да. Умудрился как-то.

АРТЁМ. Я ж пьяный был.

РУСЛАН. Ну, тебе это не помешало наследить.

АРТЁМ. Так я что...

РУСЛАН. Да-да, то-то.

АРТЁМ. И что ж?..

РУСЛАН. И то ж: ты теперь папа.

АРТЁМ (*истерически*). Что?!!

Крик Артёма будит Софью.

СОФЬЯ. Что происходит? Ты что кричишь?

АРТЁМ. Руслан сказал, что ты беременна.

СОФЬЯ (*спросонья*). Какой такой Руслан?

АРТЁМ (*показывая в сторону соседней подушки*). Этот.

СОФЬЯ. Но там никого нет.

АРТЁМ. Как нет?

РУСЛАН. Она меня не видит. Я — твой вымысел.

АРТЁМ (*падает на подушку*). Господи, когда же я проснусь!

СОФЬЯ (*изумлённо*). Я беременна?

АРТЁМ. Я не знаю.

Фигура Руслана исчезает.

СОФЬЯ. Ты же только что сказал, что да.
 АРТЁМ. Мне так сказали.
 СОФЬЯ (*протирает глаза*). Ничего не понимаю.
 АРТЁМ. Я тоже. Ты меня знаешь?
 СОФЬЯ. Ну да. Ты — Артём.
 АРТЁМ. А откуда ты меня знаешь?
 СОФЬЯ. Мы же с тобой тогда переспали.
 АРТЁМ (*снова вскакивая с подушки*). Что? Ты знала?
 СОФЬЯ. Что знала?
 АРТЁМ. Ты помнишь ту ночь?
 СОФЬЯ. Конечно, помню.
 АРТЁМ. И тебя не удивило, что мы сейчас здесь в этой комнате.
 СОФЬЯ. Нет. Мы же сейчас с тобой спим.
 АРТЁМ (*в ступоре*). Не понял.
 СОФЬЯ. Ну, в это самое время наши тела, там, в реальности, занимаются сексом на вечеринке.
 АРТЁМ. Прекрасно! Этого ещё не хватало! И что я там делаю?
 СОФЬЯ. Пока что сопишь.
 АРТЁМ. И всё?
 СОФЬЯ (*вскидывает брови*). Ну и...
 АРТЁМ. То есть я уже... В тебе?
 СОФЬЯ (*смущёно*). Да. Во мне.
 АРТЁМ. Как мне там, в тебе? Хорошо?
 СОФЬЯ. Я не знаю. А ты разве не помнишь?
 АРТЁМ. Так я был в доску пьян! Ты что, не поняла что ли?
 СОФЬЯ. Поняла. Но думала, что помнишь.
 АРТЁМ. Для чего мы сейчас здесь вдвоём?
 СОФЬЯ. Чтобы ты понял, что так нельзя жить.
 АРТЁМ. Как так?
 СОФЬЯ. Как ты. Безответственно.
 АРТЁМ. А ты такая праведница, явилась ко мне под маской добродетели научить меня уму-разуму! Да?
 СОФЬЯ. Я люблю тебя.
 АРТЁМ (*кричит*). Ты же меня совершенно не знаешь!
 СОФЬЯ. Знаю. Ты не такой плохой, каким хочешь казаться.
 АРТЁМ. У меня есть Надя, и я её люблю.
 СОФЬЯ. Не любишь. Ты никого не любишь. Ты просто не умеешь...
 АРТЁМ. А ты умеешь?
 СОФЬЯ (*шёпотом*). Я стараюсь.
 АРТЁМ. А я и вправду умер?
 СОФЬЯ. Пока ещё нет. Ты же ещё на мне.

ДРАМАТУРГИЯ

АРТЁМ. Ах, ну да. Мы же сейчас того самого.

СОФЬЯ. Неужели ты не чувствуешь меня?

АРТЁМ. Сейчас?

СОФЬЯ. Там.

АРТЁМ. Я пьяный.

СОФЬЯ (*закрывая глаза рукой, плачет*). Какой ужас!

СЦЕНА 4

Та же комната. Скомканные простыни огромной кровати.

АРТЁМ и СОФЬЯ лежат, обнявшись.

СОФЬЯ. Тебе понравилось?

АРТЁМ. Неплохо.

СОФЬЯ. Ты что-нибудь почувствовал?

АРТЁМ (*глядя её волосы*). Да, тебя.

СОФЬЯ. И что?

АРТЁМ. Ничего. Мне было приятно. Спасибо.

СОФЬЯ. За что?

АРТЁМ. За то, что я теперь знаю, что спал с тобой и какая ты тогда там была.

СОФЬЯ. Но ты сейчас здесь со мной трезв.

АРТЁМ. Да.

СОФЬЯ. Почему же ты так холоден?

АРТЁМ. Потому что я тебя не знаю.

СОФЬЯ (*гладит его грудь*). И не хочешь узнать?

АРТЁМ. А зачем?

СОФЬЯ. Я же человек.

АРТЁМ. Я тоже.

СОФЬЯ (*смотрит ему в глаза*). Я люблю тебя.

АРТЁМ. А я нет.

СОФЬЯ. А ты захоти.

АРТЁМ. Я уже захотел.

СОФЬЯ. Нет, захоти меня полюбить.

АРТЁМ. У меня есть Надя.

СОФЬЯ. Но ты же ей изменяешь!

АРТЁМ. Ну и что?! Все мужчины изменяют.

СОФЬЯ. Значит — ты её не уважаешь.

АРТЁМ (*отстраняется*). К чему ты всё это сейчас? Да, ты одинокая девушка. Симпатичная. Наверняка, умная. Зачем тебе всё это?

СОФЬЯ. Я хочу быть с тобой.

АРТЁМ. Зачем? Я не пойму.

СОФЬЯ (*прижимаясь сильнее*). А ты пойми. Ощути меня в себе.

АРТЁМ. Вот начинается.

СОФЬЯ. Это твой шанс.

АРТЁМ. Какой ещё шанс?

СОФЬЯ. Продолжать жить...

Пауза.

АРТЁМ. То есть?

СОФЬЯ. Ты сейчас умираешь...

АРТЁМ (*вскрикивая*). Что?!

СОФЬЯ. Ты сейчас лежишь в подъезде с пробитой головой и умираешь.

АРТЁМ (*испуганно*). Кто ты? Софья, откуда ты знаешь, что я там, в подъезде?

СОФЬЯ. Потому что я склонилась сейчас над тобой.

АРТЁМ. А почему мы сейчас в этой постели вдвоём?

СОФЬЯ. Потому что я тебя спасаю сейчас здесь своей любовью, чтобы ты не умер.

АРТЁМ. Меня убил тот бомж?

СОФЬЯ. Ты сам себя убил. Я лечу тебя.

АРТЁМ. Что за чепуха?

СОФЬЯ. Не прогоняй меня...

АРТЁМ. Да я даже из этой долбанной комнаты не могу выйти. Что я вообще сейчас могу?! (*Встаёт с постели.*)

СОФЬЯ. Ты можешь всё, если захочешь.

АРТЁМ. Я хочу жить. Я хочу наслаждаться этим миром.

СОФЬЯ. Давай это делать вместе. Я согласна стать твоей на всю жизнь.

АРТЁМ. Не нужна ты мне на всю жизнь! То, что я взял тебя сейчас, ничего не означает.

СОФЬЯ (*плача*). Значит — через несколько минут ты умрёшь. Я не могу тебя спасти.

АРТЁМ. Подожди. Кто ты?

СОФЬЯ. Я — твоё будущее.

АРТЁМ. Ничего не понимаю. Руслан — это моё потенциальное будущее. А ты какое?

СОФЬЯ. Я — твой возможный выбор. Руслан тоже.

АРТЁМ. Значит, я должен выбрать?

СОФЬЯ. Выбора у тебя два: либо умереть, либо жить.

АРТЁМ. Я хочу жить.

СОФЬЯ. Так, как ты жил раньше, ты больше не можешь.

ДРАМАТУРГИЯ

АРТЁМ. Почему?

СОФЬЯ. Потому что это бесполезная жизнь.

АРТЁМ (*громко крича*). Кто имеет право это решать?! Я живу, как хочу!

СОФЬЯ. Теперь нет.

АРТЁМ. Почему?

СОФЬЯ. Я жду от тебя ребёнка. Теперь ты в ответе не только за себя, но и за нас твоих.

АРТЁМ. Чёрт возьми!

Софья подходит к Артему и кладёт его руку на свой живот.

СОФЬЯ. Здесь твоя жизнь.

АРТЁМ. Я не хочу этого ребёнка.

СОФЬЯ. Ребёнок не виноват в этом.

АРТЁМ. Сделай аборт.

СОФЬЯ. У тебя нет сердца.

Софья снова ложится в кровать.

АРТЁМ. Пойми, это была случайная связь.

СОФЬЯ. Одна из десятка других?

АРТЁМ. Да.

СОФЬЯ. Зачем?

АРТЁМ. Я — мужчина.

СОФЬЯ. А я — женщина.

АРТЁМ. Поэтому у нас и был контакт.

СОФЬЯ. Как грубо ты это называешь!

АРТЁМ. А как же ещё? Трение и не более того.

СОФЬЯ. Ты сейчас умрёшь, и всё.

Артём замирает. Опускает голову, поворачивается к Софье и бросается на колени. Прижимает Софью и начинает целовать.

АРТЁМ. Я хочу жить! Спаси меня!

СОФЬЯ (*целует его глаза*). Ты же меня любишь, глупый.

АРТЁМ. Да, люблю, спаси меня!

СОФЬЯ. Ты же ведь тогда, там, хотел этого — любить меня?

АРТЁМ. Хотел. Хочу и сейчас.

СОФЬЯ (*не скрывая слёз*). Зачем тебе нужна была эта Надя?

АРТЁМ. Я хотел забыть тебя.

СОФЬЯ. Ты переспал с ней, чтобы забыть меня?

АРТЁМ. Да.

СОФЬЯ (*продолжая целовать*). Глупый...
АРТЁМ. Я не знал, что ты беременна.
СОФЬЯ. На той вечеринке у тебя была я, но ты обидел меня.
АРТЁМ. Ты не должна была уходить.
СОФЬЯ. А ты не должен был спать с той.
АРТЁМ. Да. Не должен. Прости.
СОФЬЯ. Где мы сейчас?
АРТЁМ (*крепко обнимая*). Мы друг в друге. Всегда.
СОФЬЯ (*берёт его за руку*). Ты не умрёшь. Я держу тебя за руку.
АРТЁМ. Я там лежу и ты рядом?
СОФЬЯ. Да. И в этом тонком мире мы тоже рядом.
АРТЁМ. А как ты нашла меня?
СОФЬЯ. Я ждала тебя в тот день. Я знала, что ты придёшь. Я уже простила тебя тогда. Простила тебе всё до того...
АРТЁМ (*целует её волосы*). Милая моя.
СОФЬЯ. Я решила выйти прогуляться. И увидела тебя всего в крови...
АРТЁМ. Это был бомж?
СОФЬЯ. Почему ты постоянно о нём твердишь?
АРТЁМ. Я уже не знаю, что реально, а что нет.
СОФЬЯ. Вот что реально.

Она срывает со стены рисунок с садом и за ним оказывается окно.

СОФЬЯ (*выглядывает в окно*). Посмотри.

Артём подходит к ней.

СОФЬЯ. Видишь?
АРТЁМ. Да, меня увозит «скорая». А вот ты. Стоишь рядом. Ты плачешь.
СОФЬЯ (*плача*). Я плачу. Ты будешь жить.
АРТЁМ. Ты думаешь?
СОФЬЯ (*обнимая его*). Я это знаю.
АРТЁМ. Почему?
СОФЬЯ. Я загадала.
АРТЁМ. Что?
СОФЬЯ. Если ребёнок толкнёт ножкой — то ты поправишься. И он толкнул.
АРТЁМ. Когда?
СОФЬЯ. Только что. Чувствуешь?

Он снова кладёт свою руку на её живот.

ДРАМАТУРГИЯ

АРТЁМ. Да. Прости меня.

СОФЬЯ. Я давно тебя простила.

АРТЁМ. За всё?

СОФЬЯ. Да.

АРТЁМ. И за то, что я могу умереть?

СОФЬЯ. И за это тоже. Но ты не умрёшь. Посмотри.

АРТЁМ (*смотрит в окно*). Это наш сын?

СОФЬЯ (*улыбаясь*). Да. Ванечка.

АРТЁМ. А это ты...

СОФЬЯ. Да.

АРТЁМ. Но меня там нет.

СОФЬЯ. Ты всегда будешь в нас. Человек не существует сам по себе. Он живёт в людях.

СЦЕНА 5

У кровати стоят АРТЁМ и СОФЬЯ, смотрят в окно. На их лицах — грустные улыбки. Через вновь открывшийся проход в комнату входит ЖЕНЩИНА с бумагой в руке, позади неё РУСЛАН.

АРТЁМ (*оборачиваясь*). Мне пора?

ЖЕНЩИНА. Нет.

РУСЛАН. Будущее — это не просто выбор среди возможных вариантов.

СОФЬЯ. Это желание...

АРТЁМ. Не умирать больше! Я ведь не умер?

ЖЕНЩИНА. Ты спишь.

АРТЁМ (*удивляясь*). Сплю?

СОФЬЯ. Да.

АРТЁМ. И что там в реальности?

ЖЕНЩИНА: Ты на вечеринке. Уже пьяный. Лежишь.

СОФЬЯ. Сейчас ты проснёшься, и тебя найдёт та девушка.

АРТЁМ. Я ещё не...

РУСЛАН (*с ухмылкой*). Нет, дружище, нет, ты ещё не переспал с ней.

СОФЬЯ. Я жду тебя дома, и я беременна.

АРТЁМ (*обнимая Софью*). Я скоро приду к тебе. Ты мне веришь?

СОФЬЯ. Верю...

Артём ложиться в кровать. Софья, Женщина и Руслан исчезают.

СЦЕНА 6

Другая комната. Вечеринка. Играет музыка. АРТЁМ просыпается.
В голове шумит. В комнату входит НАДЯ.

НАДЯ. Привет, красавчик!

АРТЁМ (*приподнимаясь*). Привет!

НАДЯ. Ну что повеселимся?

АРТЁМ. Отчего же! (*Встает, подходит к девушке и начинает расстегивать её блузку.*)

НАДЯ. У тебя резина есть?

Артём опускает руку в карман и достаёт оттуда бумажку. Читает.
Его лицо бледнеет.

АРТЁМ (*закрывая глаза*). У неё будет ребёнок... Мой ребёнок... Я должен...

НАДЯ (*гневно*). Что?!

АРТЁМ (*начинает что-то искать*). Мне пора домой.

НАДЯ (*недоумевая*). Я не поняла. А как же....

АРТЁМ. Я должен увидеть своего сына. Если я уйду сейчас, то не умру. Мне надо спешить!

НАДЯ. Ты совсем что ли рехнулся?!

АРТЁМ (*надевая тиджак и завязывая шнурки*). Я ещё не умер. Я чуть было...

НАДЯ. Идиот!

Девушка выходит из комнаты, резко хлопая дверью. Антон снова достаёт скомканную бумагу, разворачивает её. На обратной стороне он видит рисунок: вид сада из окна.

АРТЁМ. Этот рисунок. Тот самый! Это Ванюша нарисовал. Моё будущее. Я должен спешить и всё исправить. Я не хочу больше умирать!

Артём открывает дверь и выходит в комнату с огромной кроватью, на которой спит Софья. Проходит её. Затем – белую комнату, в которой сидит Женщина и читает бумагу. Далее – подъезд, в котором лежит его умирающее тело, и выходит на улицу.

КОНЕЦ

ПРОЩЕНИЕ ВМЕСТО ПРОЩАНИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЕТЯ, мальчик 10 лет.
СЕРЁЖА, друг Пети, мальчик 9 лет.
АННА, мать Пети.
СВЯЩЕННИК
СТАРИК
ДРУГИЕ МАТЕРИ
ДРУГИЕ ДЕТИ

СЦЕНА 1

Вагон. В купе сидят ПЕТЯ И СЕРЁЖА. На столе разложена карта. Поезд едет без остановок. Колёса ритмично стучат. За окном — ничего не видно. Ночь. Больше никого в вагоне нет. Горит тусклый свет.

ПЕТЯ. Мне кажется, мы уже несколько дней едем в темноте.

СЕРЁЖА. Да. Может, это полярная ночь?

ПЕТЯ. Не может быть, мы же едем с юга. Посмотри (*водит пальцем по карте, разложенной на столике.*) Вот мы проехали Новороссийск, Ростов. Сейчас мы должно быть в Воронеже.

СЕРЁЖА (*прижимаясь лицом к стеклу*). Почему же тогда нет солнца и света? Мы спим что ли, когда светло?

ПЕТЯ. Я не знаю. Но странно как-то! А ты не помнишь, чем закончился спектакль?

СЕРЁЖА. Нет. Как в тумане всё.

ПЕТЯ. Мы, наверное, с тобой заболели.

СЕРЁЖА. Не хотелось бы.

ПЕТЯ. Кому же хочется болеть?!

СЕРЁЖА (*выглядывая в тамбур*). И в вагоне нет людей.

ПЕТЯ. Да, и не было вроде. Мы сели и больше никого не было.

СЕРЁЖА. Понятное дело, скоро в школу. Все уже дома сидят, готовятся к учёбе. Только мы с тобой ещё филоним.

ПЕТЯ (*потягиваясь*). Да. Но скоро счастливые деньки закончатся. И снова — парты да портфели.

СЕРЁЖА. Странно: и часы остановились. Даже непонятно, какое

сейчас время суток.

ПЕТЯ. И сколько показывают?

СЕРЁЖА (*смотрит на руку*). Четыре тридцать...

ПЕТЯ. Интересно утра или вечера?

СЕРЁЖА. Если вечера — то мы в это время как раз на спектакле были.

ПЕТЯ (*задумчиво*). Ну да...

СЕРЁЖА. Почему же нет остановок? Не может быть, чтобы никто не выходил и не входил.

ПЕТЯ. А помнишь, фильм такой был — «Автобус смерти». После учёбы школьники сели в него, двери закрылись, и он тронулся. Сначала всё было спокойно, а потом... Он ехал без остановок, набирая скорость. Ребята визжали от ужаса, а водитель-вампир и не думал тормозить, гнал неведомо куда.

СЕРЁЖА (*сгущая брови*). И чем всё закончилось?

ПЕТЯ. Он их убил, когда они слетели в овраг. Просто съел.

СЕРЁЖА. Не люблю ужасы.

ПЕТЯ. А меня удивляет, когда людям страшно. Это же ведь не настоящему, а они всё равно боятся!

СЕРЁЖА. Там всё так натурально выглядит: и кровь, и страх.

ПЕТЯ. А ты думаешь перед смертью о чём люди думают?

СЕРЁЖА. О жизни.

ПЕТЯ. Жизни после смерти? А она есть?

СЕРЁЖА. Нет, о прожитой.

ПЕТЯ (*с грустью*). Я вот ещё ничего не успел.

СЕРЁЖА. Я тоже. А давай придумаем рассказ о поезде смерти, который везёт людей на тот свет?

Пауза.

ПЕТЯ (*испуганно*). Зачем? Что за глупая идея?

СЕРЁЖА. Ну, отчего же глупая? Мы вот с тобой сейчас в поезде. Остановок нет. Пассажиров тоже. Солнце не всходит. Кругом — тьма. Часы остановились. Чем не сюжет? Начнём так: «Их везли в ад».

ПЕТЯ (*с ухмылкой*). Тоже мне Спилберг! Насмотрелся фильмов!

СЕРЁЖА. А что такого? Не нравится? Ты же сам про автобус этот рассказывал.

ПЕТЯ. Это же кино! Совсем другое. Чем больше ты обо всём этом говоришь, тем больше я начинаю переживать. Что-то и, вправду, не так (*настороженно оглядывается*).

СЕРЁЖА. Ладно. Оставим эту затею. Всё у нас будет хорошо. Давай лучше в города поиграем.

ДРАМАТУРГИЯ

ПЕТЯ. Давай.

СЕРЁЖА. Ну, начнём с родного города. Тамбов.

ПЕТЯ. Так-так-так. Вильнюс.

СЕРЁЖА. Хм. Саратов.

ПЕТЯ. Варшава.

СЕРЁЖА. И всё же странно, что за окном — всё время темень. Даже как-то страшновато. Скорей бы домой. Астрахань.

СЕРЁЖА. Так хочется мяч с ребятами погонять. Новгород.

ПЕТЯ. Донецк. А мне в деревню к бабушке съездить.

СЕРЁЖА. Краснодар.

ПЕТЯ (*смотрит в окно*). Даже небо какое-то черничное.

СЕРЁЖА (*вглядываясь*). Красиво и страшно.

ПЕТЯ. Ростов-на-Дону.

СЕРЁЖА. У — это уже посложнее. Улан-Удэ.

ПЕТЯ. На «э» я не знаю. Поэтому Донбасс.

СЕРЁЖА. А представь, если мы ночью приедем?

ПЕТЯ (*округляя глаза*). Слушай, а вдруг солнце навсегда потухло?

СЕРЁЖА (*скептически*). Чего?

ПЕТЯ. Оно ведь должно когда-нибудь потухнуть. Я читал: солнце потухнет раньше, чем предполагалось. Оно постоянно уменьшается в размерах.

СЕРЁЖА. Но не сегодня же! Да и мы бы замёрзли без солнца-то.

ПЕТЯ. Кто знает! Может, мы спали, а в это время солнце умирало. Кстати, в вагоне заметно похолодало.

СЕРЁЖА. Да, холодновато. Но я не верю! (*Качая головой.*) Этого не может быть!

ПЕТЯ (*улыбаясь*). Я тоже, честно говоря, не верю. Мы точно заболели! Ты — такой бледный.

СЕРЁЖА (*присматриваясь*). Ты тоже. Давай спать ляжем. А скоро уж и Тамбов будет.

ПЕТЯ. Давай. Солнце обязательно завтра взойдёт.

СЕРЁЖА (*улыбаясь*). И мы окажемся дома.

Мальчишки ложатся под одеяло и засыпают под стук колёс.

СЦЕНА 2

Кладбище. Холодный осенний день. Идут похороны. Вокруг двух могилки столпились люди. Бледная АННА, ДРУГИЕ МАТЕРИ и ДРУГИЕ ДЕТИ рыдают. СВЯЩЕННИК стоит рядом. Могилки забрасывают землёй.

СВЯЩЕННИК (*женщинам*). Мы все скорбим по этому трагичес-

кому случаю. Эти невинные дети будут оплаканы тысячами слёз и молитв. Я прошу вас всех крепиться и держаться вместе. И ещё — желайте своим детям мира и покоя. Им сейчас очень тяжело.

Анна начинает выть и убегает. Священник — спешит за ней.

СВЯЩЕННИК. Анна, подождите.

Анна не останавливается. Выбегает за ворота кладбища и бежит по тротуару. Рядом проносятся автомобили. Впереди — мост.

СВЯЩЕННИК (*запыхавшись, останавливается*). Подождите же! АННА (*падая на колени*). Дети не должны уходить раньше своих родителей. Это невыносимо! Как я могу после этого жить?

СВЯЩЕННИК. Твоё желание — грех. Как ты этого не понимаешь?! Если ты наложишь на себя руки, то никогда не увидишь своего сына. Потому что попадёшь в ад.

АННА. Мой ребёнок видел ад... Он горел в нём. Мой сын был в том зале. Он смотрел детский спектакль. Улыбался, был счастливым. И вот его не стало. Взрыв. Пепел. Всего какая-то ничтожная секунда и нет этой жизни. Всего какое-то ничтожное желание ничтожного человека и моего сына не стало. Нет больше такой огромной и маленькой жизни. (*Рыдает.*)

СВЯЩЕННИК (*кладя руку на её плечо*). Эти тучи, трава, деревья — все они скорбят вместе с тобой.

АННА. Это не боль! Это сильнее и глубже! Изнутри... Внутри меня всё выжжено.

СВЯЩЕННИК. Ты мучаешься. Но всё твоё существо полно любви и памяти... Отпусти своего ребёнка. Ему нужен мир и покой. Он уже был на войне. Ему пора домой.

АННА (*рыдая*). Он не вернётся домой! Никогда!

СВЯЩЕННИК. Бог любит тебя и твоего сына! Он встретит его...

АННА. Мой Бог остановил бы убийц! Это не мой Бог!

СВЯЩЕННИК. Я буду молиться за тебя. Детей примут с нежностью. Они откроют врата...

АННА. Он нужен мне здесь! Эта потеря для меня смертельна! Назад пути нет!

СВЯЩЕННИК. Твой ребёнок сейчас потерян, он между небом и землёй. Только ты в сила остановить его мучения!

АННА (*надрывно*). А где в это время был Бог? Я спрашиваю тебя, где был твой чёртов Бог, когда мой сын умерал?!

СВЯЩЕННИК (*тихо*). Бог был с ним.

АННА (*кидается на него*). И молча смотрел? Смотрел, как тельце

ДРАМАТУРГИЯ

моего ни в чём не повинного сына разлетается в клочья?! На это смотрел твой Бог?!

СВЯЩЕННИК (*пытаясь обнять Анну*). Он умирал вместе с ним. На кресте. Он умирал и за этих детей.

АННА (*вырываясь*). Я не хочу... Я не могу больше жить! Бог забрал мою жизнь. Моё сердце мертво. И я безжизненна...

СВЯЩЕННИК. Анна, каждого ждёт свой суд. И меня, и тебя, и тех, кто лишил твоего ребёнка жизни.

АННА. Я не могу больше прощать! Я не могу больше терпеть! (*Подходит к перилам моста.*) Я иду к нему...

СВЯЩЕННИК. Это неправильно. Это не выход. Ты же знаешь...

АННА (*с ненавистью*). Самоубийцам нет прощения? Твой Бог и этого не может понять?!

СВЯЩЕННИК. Всевышний хочет всем добра...

АННА. А мне? Что он припас для меня?

СВЯЩЕННИК. Ты не можешь ненавидеть... Ты и ребёнка своего учила этому. Зачем, Анна? Зачем так терзать себя? Ты ни в чём не виновата!

АННА. Что же мне теперь делать?! Жизнь — это, по-вашему, счастье? А смерть — выходит, грех? Теперь моя жизнь — это моя смерть! Тишины больше нет и страха нет. (*Смотрит вниз, на реку.*) Есть только невыносимый грохот собственной никчёмности и бесполезного существования!

СВЯЩЕННИК. Ты должна жить! Ради своего ребёнка, который будет смотреть на тебя! Оттуда, сверху!

АННА. Я устала...

СВЯЩЕННИК (*глядит её по голове*). Мы все устали... Отпусти его...

АННА. Как, если он во мне?

СВЯЩЕННИК. Поговори с ним. Открой своё сердце и поговори со своим сыном. Он ждёт твоей помощи. Скажи, что любишь его, и вы обязательно встретитесь.

АННА (*падая на колени*). Я не могу его отпустить!

СВЯЩЕННИК. Он всегда будет с тобой, но тебе надо отпустить его душу...

АННА (*выбиваясь из сил, шепчет, глядя в небо*). Петенька, милый мой, мама тебя любит и придёт к тебе.

СВЯЩЕННИК. Вы встретитесь. Я обещаю.

АННА (*почти без чувств*). Мы — вместе...

СВЯЩЕННИК. Вы всегда будете одним целым...

Анна затихает. Священник поднимает её. Несколько секунд они молча стоят. Потом разворачиваются и идут обратно в сторону кладбища.

СЦЕНА 3

Поезд неожиданно останавливается. ПЕТЯ и СЕРЁЖА выходят на залитую солнцем поляну. Поезд исчезает. Перед ними открывается небывалой красоты вид. Где-то неподалёку журчит ручей.

ПЕТЯ. Посмотри, как здесь здорово. А где мама? Она же должна меня встретить. И вообще, где мы? *(Оглядывается.)*

СЕРЁЖА *(испуганно)*. Нас не там высадили.

ПЕТЯ. Поезд уже ушёл. Мы не попадём домой.

СЕРЁЖА *(подходя к ручью)*. Посмотри вниз. Это же твоя мама.

В отражении ручья появляется АННА и СВЯЩЕННИК.

ПЕТЯ *(наклоняясь)*. Да это она. *(Кричит.)* Мама, это я, мама! Я здесь! *(Зачерпывает ладонями воду.)*

СЕРЁЖА. Она сказала, что любит тебя, и вы обязательно встретитесь.

ПЕТЯ. Но почему она там? Мама должна была быть здесь. На платформе. Встречать меня.

СЕРЁЖА. Я не знаю.

ПЕТЯ *(взволнованно)*. Моя мама, кажется, плачет.

СЕРЁЖА. Да. Посмотри, а вон и моя мама.

ПЕТЯ. Ага. У церкви. И она тоже в слезах.

СЕРЁЖА. Что-то не так. Мы остались здесь одни. Что же мы будем делать?

ПЕТЯ *(отчаянно)*. Мы умрём с голоду.

СЕРЁЖА *(снимая с плеч рюкзак и растягивая его)*. У нас осталось немного печенья и минералка.

ПЕТЯ. Что же нам делать?

СЕРЁЖА. Я думаю, надо найти кого-то, кто поможет нам. Вот тропинка. Значит — она куда-то приведёт.

Идут по тропинке, подходят к дереву.

ПЕТЯ. Посмотри, какое большое и старое дерево!

СЕРЁЖА. Да, наверное, дуб.

ПЕТЯ. А это мох. И что это значит?

СЕРЁЖА. Что?

ПЕТЯ. Мох растёт с северной стороны.

СЕРЁЖА. И что? Мы идём верно?

ПЕТЯ *(вздыхая)*. Я не знаю...

СЕРЁЖА. А здесь хорошо...
ПЕТЯ. Ага.

СЦЕНА 4

Вдалеке появляется СТАРИК, который идёт к ребятам.
Подходит к ним и приветливо улыбается.

СТАРИК. Здравствуйте, дети!
СЕРЁЖА, ПЕТЯ (*в один голос*). Здравствуйте!
ПЕТЯ. Скажите, где мы?
СТАРИК. Вы в тайном месте, о котором никто не знает.
СЕРЁЖА. А почему мы здесь?
СТАРИК. Это такая игра...
ПЕТЯ. Мы хотим домой. Отведите нас в милицию. Мы потерялись. Надо, чтобы нас нашли.
СТАРИК. Здесь огнине ваш дом.
ПЕТЯ. А моя мама? Где она? Я видел её в ручье.
СТАРИК. Она придёт к тебе. Но потом.
СЕРЁЖА. Потом? Это когда? Через час? Завтра? Через год? Или когда мы вырастем?
СТАРИК. Вы всегда будете детьми.
ПЕТЯ. Почему? Мама говорила, что когда я вырасту, то обязательно стану лётчиком.
СТАРИК. Петя, ты — уже лётчик. Посмотри. Ты видишь?

Старик поворачивает Петю и Серёжу спиной друг к другу.

ПЕТЯ (*удивлённо*). Это крылья?
СТАРИК. Да. Теперь вы можете летать.
СЕРЁЖА. А я могу прилететь к своей маме?
СТАРИК. Да. Но только во сне.
ПЕТЯ. Почему?
СТАРИК. Это игра.
СЕРЁЖА (*испуганно*). Я хочу домой.
ПЕТЯ. Я тоже.
СТАРИК. Так надо, ребята. Вы скоро всё поймёте.
ПЕТЯ. А как же школа? Через неделю первое сентября.
СТАРИК. Здесь вы научитесь всему.
ПЕТЯ. Чему?
СТАРИК. Помнить и прощать.
СЕРЁЖА (*хихикая*). Помнить правила и законы, а прощать учителей.

СТАРИК (*улыбаясь*). Да. Именно так.
ПЕТЯ. Я не хочу всё знать.
СТАРИК. Не хочешь?
ПЕТЯ. Я не хочу знать зла.
СТАРИК. А ты видел зло?
ПЕТЯ. Я видел, что взрослые сделали с Мухтаром.
СТАРИК. А кто такой Мухтар?
ПЕТЯ. Наша собака. Они содрали с неё шкуру и повесили на калитке.
СТАРИК. Мне очень жаль...
СЕРЁЖА. И я не хочу! Не учите нас этому!
СТАРИК. Не буду. Обещаю. Зато я научу вас летать. Высоко. Над горами и реками.
ПЕТЯ. А как же поезд?
СТАРИК. Он ушёл и не вернётся больше.
СЕРЁЖА. И мы не попадём домой?
СТАРИК. Дом — это там, где твоё сердце.
ПЕТЯ. Мой дом — это мама.
СТАРИК. Значит — мама всегда будет с тобой. Верно?
ПЕТЯ. Верно.
СЕРЁЖА. Мне кажется, что я умер.
СТАРИК. Почему?
СЕРЁЖА. Я больше не боюсь.
ПЕТЯ (*изумлённо*). Не боишься?
СЕРЁЖА. Да, совершенно ничего не боюсь. У меня есть крылья, и я могу летать. Так бывает, когда человек умирает.
ПЕТЯ (*вздрагивая*). Это правда? Мы умерли?

Мальчики испуганно смотрят на Старика.

СТАРИК. Вы — мои гости.
ПЕТЯ. А почему у нас крылья?
СТАРИК. У ангелов есть крылья.
СЕРЁЖА. Вот это да!
ПЕТЯ. Я не увижу маму...
СТАРИК. Наоборот. Ты теперь её заступник.
ПЕТЯ (*радостно*). Я буду её охранять?
СТАРИК. Да. Она под твоей защитой.
СЕРЁЖА. И я тоже буду защитником?
СТАРИК. Да, друзья мои! И у нас с вами много дел.
ПЕТЯ. А можно желание? Раз я — ангел.
СТАРИК. Да, конечно.

ДРАМАТУРГИЯ

ПЕТЯ. Я хочу, чтобы у меня был братик. Можно так сделать?

СТАРИК (*оторопев*). Ну... На всё воля...

СЕРЁЖА. Господа. Но Петя очень просит...

СТАРИК (*помолчав*). Да, у твоей мамы будет сын. Я обещаю. А у тебя, Серёжа, есть желание? Я думаю, будет справедливо, если я услышу и твоё пожелание.

СЕРЁЖА. Я хочу, чтобы поезд, на котором мы приехали сюда — сломался. Навсегда, ну или хотя бы на время.

СТАРИК (*с горечью*). Увы, но у него своё расписание.

СЕРЁЖА. На двадцать минут. Пожалуйста.

СТАРИК. Ну, хорошо. Будь по-вашему! А теперь нам пора.

ПЕТЯ. Куда?

СТАРИК. Знакомиться с вашими новыми друзьями.

СЕРЁЖА. А их здесь много?

СТАРИК. Да.

ПЕТЯ. И они все — ангелы?

СТАРИК. Да, все.

ПЕТЯ. А моя мама станет ангелом?

СТАРИК. А это зависит от тебя, дружок!

ПЕТЯ. Мама говорила, что плохих людей не бывает.

СТАРИК. Теперь вы понимаете, почему у нас с вами так много работы?!

СЕРЁЖА. Да. Зла должно быть меньше.

СТАРИК. Помнить и прощать — вот, что умеют ангелы.

ПЕТЯ. Я помню и прощаю.

СТАРИК. Кого ты помнишь?

ПЕТЯ. Свою семью.

СТАРИК. А прощаешь?

ПЕТЯ. Того, кто убил Мухтара...

СЕРЁЖА. ...И нас.

Серёжа подходит к дереву и прижимается к нему. Петя берёт Старика за руку. Они смотрят вдаль. Поезд, подъезжая к станции, останавливается.

Из него никто не выходит.

Эта картина замирает, будто кадр кинофильма, очертания размягчаются, цвета становятся яркими, фигуры и лица небрежно заштрихованными. Всё это превращается в рисунок на листе бумаги, который маленький Алёша дорисовывает и бежит показывать маме. Анна улыбается, целует Алёшу и нарисованного Петю. В её глазах — слёзы.

КОНЕЦ

Марина ЕЛЮТИНА

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ

Когда предутренняя дымка уже рассеялась, а первые солнечные лучи коснулись ярко-красных кистей рябины, на порог просторного, окрашенного в зелёный цвет, деревянного дома вышел невысокий широкоплечий мужчина. Он слегка ёжился от утреннего холода, и, прищурившись от бьющих в лицо солнечных лучей, с удовольствием стал слушать прощальные песни скворцов, усевшихся на телевизионной антенне.

— Эх, как же дышится сегодня-я-я! Видать, день удачным будет! — потянувшись, сказал мужчина и стал застёгивать пуговицы на своей потёртой, изрядно пропахшей бензином куртке.

У калитки он задержался и, покосившись в сторону соседнего дома, вдруг громко прокричал:

— Здравсьте, Марья Семённа! Вот он я! Живой ещё!!! Ага! — и, сняв кепку, низко поклонился старушке, смотрящей на него из окна.

Соседка Сергея Петровича Коновалова была дамой одинокой и любопытной. А потому, ну никак не могла она пропустить сегодня, как впрочем, и всегда, такое событие, как уход «любимого и глубоко уважаемого соседа» из дома на работу. Так что по утрам помимо уже привычных Коновалову скворцов на телевизионной антенне, он непременно видел и Марию Семёновну, уже бодрствующую, несмотря на столь ранний час.

Марине Елютиной нет и 30-ти. Живёт в Рассказове.

Окончила факультет журналистики ТГУ им. Г. Р. Державина. Работает на Рассказовском радио.

Как поэт и прозаик публиковалась в районных и областных газетах. Автор трёх книг, в том числе романа «Живой» о жизни чернозёмной деревни XIX века, вышедшего в 2008 году в Тамбове.

На приветствие соседа пожилая женщина всегда реагировала одинаково: застенчиво кивала головой, словно извиняясь за то, что, мол, как бы невзначай попался он, Коновалов, ей в этот момент, а потом задёргивала шторы.

Вот уже добрый десяток лет Коновалов работал водителем такси. Его профессионализм был, как говорится, налицо: машину всегда вёл легко и уверенно. Поэтому, как у любого аса в своей профессии, имелись у нашего героя и постоянные клиенты: с удовольствием пользовались его услугами знакомые, родственники и малоизвестные Коновалову люди, наслышанные о его широкой душе. Никогда Сергей Петрович не отказывал в помощи: то престарелого дедушку довозил до поликлиники, а то и отставшего от поезда пассажира-зевачу до соседней станции. Кроме того, была в нём ещё одна особенность — словоохотливость. Да и пассажиры все как один попадались разговорчивые. Бывало, начнут изливать душу, словно врачу-психиатру, совета спрашивать, мол, рассуди, как быть... Правду сказать, Сергей Петрович и сам любил делиться отдельными моментами своей жизни. За полчаса поездки мог рассказать всё: от рождения до женитьбы, от походов за грибами в лес до участия в митингах протеста.

Этим утром Коновалов не успел ещё завести свою машину с чёрными шашечками на двери, как зашипела рация, и приятный женский голос произнёс:

— Доброе утро, Сергей Петрович! Примите вызов, улица Кленовая...

— Вот и поехали! Поехали, родная! — ласково сказал он своей машине, словно живому существу.

...Впереди уже виднелось высотное здание на улице Кленовой, где должен был ждать Коновалова клиент. Постройка, предназначенная под офисы и конторы, была современного вида и заметно выделялась на фоне других городских зданий. Шофёр притормозил прямо у ступенек. Однако, клиента не было видно. У конторы — ни души.

Сергей Петрович, неспеша закурил. Пристально поглядывая то на входную дверь, то на всё здание сразу, стал рассуждать:

— Да! Внушительно! Впечатлительно! Это ж, сколько люду здесь работает?! Поди, тыща будет! И чем только они тут занимаются? Неужто работы на всех хватает?

Коновалов пожал плечами. В этот момент по широким каменным ступенькам, торопясь, к нему направлялся представительного вида молодой мужчина: в длинном кожаном пальто и с кейсом в руках. Шаг его сменялся бегом. Мускулы на лице дрожали, было заметно, что он

нервничает. Небрежно развязав и скомкав галстук, мужчина спрятал его в карман пальто, а затем быстро открыл дверь автомобиля.

— Поехали! Поехали, шеф! Поскорее! — охрипшим голосом произнёс он.

— Поехать-то поедем, — докуривая сигарету, ответил Сергей Петрович. — Только куда?

— А куда-нибудь! Хоть на Северный Полюс, — расстёгивая верхнюю пуговицу на белоснежной рубашке, ворот которой туго сдавил шею, облегчённо вздохнул тот. — Лишь бы с глаз долой отсюда и поскорее...

Коновалову пассажир показался чересчур уж странным. Однако машину с места стронул. И чем дальше несло такси по городским улочкам, выющимся словно серпантин, тем больше не по себе становилось Сергею Петровичу.

«Что за пассажир такой достался... странный... Больно странен... Да уж, странный парень... маршрут выбрал “никуда”... — путались в голове мысли. — Точно! Преступник!!! Ей-Богу, преступник!..»

И, недолго думая, таксист свернул на соседнюю улицу, где до отделения милиции было подать рукой.

— Парень, ты часом не вор? — найдя в себе смелость, спросил Коновалов пассажира. — Вот, гляди: и пальто у тебя длинное — для конспирации, так сказать, и галстук, вон, снял и спрятал, чтоб приметы скрыть. А чемодан-то, небось, деньгами краденными набит? Вон, как раздулся! Много взял-то?

— Я?!

Глаза пассажира блеснули. Растерянность, раздражённость в них сменилась на добродушие. Хмурое лицо вытянулось, и пассажир захохотал:

— Я?! Деньги! Ха-ха! Вор!!! Ха-ха-ха! Да уж, папаша, рассмешил! Да уж! А вообще-то ты прав: я — вор, только вор, которого обокрали. При тормозе-ка во-о-он там, у парка, а то и впрямь до милиции меня доставишь.

Коновалов от услышанного немного смутился, на щеках его выступил румянец: неловко стало от того, что задумка его насчёт милиции так легко была разгадана незнакомцем.

Такси остановилось возле парка. Красные гроздья рябины светились насквозь от ярких солнечных лучей. Деревья сбрасывали с себя последние листья, и ветер, подхватывающий их с асфальтовых дорожек, нёс этот разноцветный карнавал прямо к пруду, чтобы бросить

на тихую и потемневшую водную гладь.

— Красиво, правда? — спросил незнакомец Коновалова, смотря на своё отражение в пруду. — Красиво... и невыносимо!.. Невыносимо больно. Может, утопиться? С горя, а? Жить-то незачем. Нет больше Зверева... Ах, да! Прости, папаша, забыл представиться. Игорь Васильевич Зверев, заместитель генерального директора фирмы... Впрочем, это неважно... Да и заместитель я теперь уже бывший...

Зверев разочарованно махнул рукой, присев на корявый пенек, что торчал неподалёку из земли. Выглядел он обессиленным и уставшим.

— Э, браток, стой! — встревожился было Коновалов. — Топиться он, видите ли, задумал! Во-первых, это уж без меня, пожалуйста. А во-вторых, ответь-ка, что все-таки у тебя в чемодане?

Для большего устрашения Петрович нахмурил брови и уставился на собеседника, который в это время разглядывал резной дубовый лист. Зверев казался отстранённым и задумчивым. По взгляду было понятно, что не интересовали его ни формы, ни краски осеннего листа, а что-то своё, то, о чём он размышлял сейчас. Услышав вопрос таксиста, молодой человек отбросил листок в сторону и нервно ответил:

— Вот деревня! «Чемодан»! Да не «чемодан», а кейс! А в нём мои труды, наброски и планы по перспективному развитию фирмы. Конечно те бумаги, которые удалось вернуть. Остальные украдены и присвоены другим человеком — моим боссом. Да, о чём это я?! Кому теперь это нужно?! — Зверев снова потух, как перегоревшая лампа.

— Значит, не деньги, — удовлетворённо и с некоторым облегчением заключил Сергей Петрович. — Это хорошо, просто замечательно. А то я тут ненароком подумал Бог знает чего...

Он снова закурил.

— Значит, не воровал?.. Ке-е-ейс, — произнёс Коновалов протяжно, вдумываясь в каждый звук. — Ну, кейс! Я, знаешь ли, не шибко грамотен. В деревне родился, почти всю жизнь прожил в деревне. Это вот последние годы — в городе. Так что, парень, говорю тебе, не знаток я новых слов. Разговариваю, как умею, — продолжал Коновалов, оправдываясь. — Я же не академик какой-нибудь. На кой мне слова непонятные... А ты насчёт топиться не передумал?

— Нет! — твердо ответил ему Зверев. — Зачем жить? Нет больше Игоря Васильевича Зверева! Растоптали!

И вдруг протянул к Петровичу руку, указывая на сигарету: мол, дай закурить.

— Как же нет? — недоумевал Коновалов, и, достав из кармана пачку

сигарет, подал её собеседнику. — Вот же ты — передо мною. Молодой, красивый, представительный. Подумаешь, не «заместитель» он теперь. И чего? Рук что ли нет? Или голову потерял? Давай устрою тебя к нам в таксисты. Права-то есть?

— Ты что, издеваешься, папаша? — недовольно отрезал тот. — Я? И в таксисты? Нет! Лучше утопиться!

— Ах так!!! Так... так... Тогда я тебе больше скажу! Дурак ты, Игорь Васильевич Зверев! Дурак! — Коновалов начал шагать то вперёд, то назад, то, обходя Зверева вокруг, вертясь, словно юла. — Заместитель дурака ты, а не генерального директора! Разве жизнь наша — это «кейсы», чёрт их поberi?! Ну, не было у меня в жизни ни кейсов, ни должностей, а только дорога. А я, знаешь ли, вполне счастливый человек. Бывало, едешь мимо многочисленных скирд на полях, глядишь на пожелтевшие луга, на чёрную пашню и вспоминаешь, как когда-то, ребёнком, скот на этих лугах пас, ходил за конным плугом, скирдовал солому... Да мало ли других дел пришлось переделать за мои годы. Теперь, вот, людей вожу по улицам городским. Не носил я белых рубашек и галстуков, а всё равно — я счастлив. Счастлив, что живой, здоровый, зарплата есть, пусть маленькая, да на хлеб хватит.

Коновалов разнервничался, снял кепку и утер ею пот, обильно выступивший на лице.

— Счастье, Игорь Васильевич, оно не от должностей идёт, а изнутри, вот отсюда, — и ударил себя кулаком в грудь. — Где бы ты ни был, кем бы ты ни был, важно, чтобы труд твой людям был нужен. А значит и ты. Ух!!! Вот это я разошёлся! Вот это меня прорвало!.. А у вас, у интеллигентов, грамотеев, что? Ноете, ноете: всем недовольны, всё не так, выкрутасов всяких подавай... Галстук-то подбери, вывалился, вон, из кармана.

Зверев слушал внимательно. Переосмысливая, прокручивая в голове, то, о чём говорил ему Сергей Петрович. Во многом с Коноваловым он соглашался, поддакивал. Петрович же всё никак не мог угомониться. Юлой вертелся вокруг Зверева, по-прежнему сидящего на пне. Наконец, остановился и пнул ногой по пню. Трухлявый пенёк затрещал, захрустел, и... Зверев оказался на земле.

— Это самое, да чего я тут с тобой нянькаюсь? — взбунтовал Коновалов. — Прекращай, давай! А то ща-а-ас ремень сниму, да и отделаю, как следует. Седай в машину, домой повезу!

Сидя на холодной земле, выпучив глаза, словно напуганный ребёнок, Зверев ничего не понимал: ни то, как он оказался на земле, ни то, какое право имеет этот шоферюга кричать и топтать на него ногами. Наконец он пришёл в себя, о чём-то подумал, посчитал по пальцам и, осенённый внезапной мыслью, крикнул:

— А знаешь, ты прав, папаша! Чёрт с ними, с украденными бумагами. У меня ведь ещё столько наработок есть — по маркетингу и менеджменту... по вопросам стимулирования продаж, пролонгированию договоров... перспективная работа... на десятилетия. Возьму да и открою своё предприятие. А что?!

— Ты, это, иностранными словами не выражайся, — стушевался Петрович и вновь скомандовал. — Седай в машину!

...Коновалов доставил Игоря Васильевича до подъезда пятиэтажного дома. Зверев завязал помятый галстук, стряхнул с него сухую листву, пригладил растрёпанные волосы, глядя в зеркало машины.

— Ну, держи пять, папаша, — протянув руку. — И спасибо тебе за всё! Это вот за проезд, хватит?

Коновалов ответил на рукопожатие.

— Хватит. Только благодарить меня не за что, утопленничек несостоявшийся!

Оба улыбнулись, и Зверев вышел из машины. Не успел он сделать и нескольких шагов, как Коновалов задержал его, приоткрыв дверцу автомобиля:

— Слышь, Зверев Игорь Васильевич, директор предприятия, никогда не отчаивайся и от работы не отказывайся, пусть и невысока она бывает. Да! Чемодан свой забери! Забыл, вон, на сидение.

Петрович бросил Игорю кейс. На лице Зверева вновь появилась улыбка, и он в знак согласия кивнул головой.

...Сергей Петрович в тот день работал до самого вечера. Доставил до места назначения с десятком пассажиров, и с чувством выполненного долга возвращался домой.

Подъехав к невысокому забору, он заглушил мотор, вышел из машины, хлопнув дверцей, как будто намеренно, грохотом, привлекая к себе внимание, и быстрыми шагами направился по узенькой цементной дорожке. Его переполняли радость и удовлетворение от сегодняшнего дня. Пританцовывая на месте, он поворачивал ключ в замочной скважине и с таким же грохотом закрывал за собой дверь. Но спустя мгновение из двери снова показалась сначала его правая рука с засаленной кепкой, затем и он сам:

— Ах, чуть не забыл! Марья Семённа, моё почтение! Вернулся я! Целым и невредимым! Отметьте меня в своём табеле!

Мария Семёновна, как и всегда, сделала ангельское личико, извиняясь, кивнула головой и задернула шторы.

— Вот, теперь всё! — облегчённо вздохнул Коновалов. — Можно и отдохнуть, сил набраться, понадобятся ещё. А то ведь много их, чудачков-то на белом свете, чудачков с чемоданами... Тьфу, ты! С кейсами...

Никита ДУБРОВИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

О девочках «без напыления»

Итак, общепризнанно в широких мужских кругах, что в природе женщины водятся двух типов, а именно — «с напылением» (наиболее многочисленная популяция) и «без напыления» (редко встречающиеся индивидуумы, впрочем, многие исследователи данной темы склонны признавать полное отсутствие таковых, мифичность их существования). Выбрав исследовательский метод «от противного», мы опишем отличительные (вторичные) признаки девушек с напылением, дабы понять, кто такие девушки «без наворотов», простые и такие нужные нам, мужикам. Итак, девушки с напылением обладают следующими качествами и способностями:

...если их о чём-то просишь, они думают, что ты уговариваешь их, либо требуешь, и, вообще, соизволит ли королева исполнить желаемое или нет — Бог весть...

...всегда спорят, даже с тишиной...

...их невозможно долго целовать. Ведь поцелуем — они делают тебе большое одолжение. И вообще — целоваться нудно, глупо, слишком романтично, холодно зимой, летом жарко, стеснительно, банально, изо рта пахнет, смешно, надоело, дёсны болят, на нас смотрят, я устала и т. д., и т. п., и пр.

Никита Дубровин родился в Тамбове в 1987 году. Студент 5-го курса ТГУ им. Г. Р. Державина, специальность: «Международные отношения».

Пишет стихи и прозу, увлекается музыкой, живописью, графикой. Ни к одному из существующих в Тамбове литературных объединений не принадлежит.

В «Тамбовском альманахе» публикуется впервые.

...что касается магазинов — это среда обитания девушек с напылением, их естественная природная среда обитания...

...что касается покупок-подарков, то их категорически нельзя совершать для таких девочек. Это вызывает у них зависимость сродни наркотической, и в случае неудовлетворения они ищут следующего, удовлетворяющего парня...

...у девушек с напылением всегда что-то не так: что-то болит, кто-то обидел, где-то проблемы, не то слово сказал — порой создаётся тем впечатление, что мужчины для таких девочек вовсе враждебная форма жизни, с которой даже и посплетничать-то нельзя!..

...сложно сказать, зачем нужны им мужчины. Существует теория, что потребность в мужчинах у девочек с напылением есть оголосок, выражение детских мечтаний и желаний, который на протяжении жизни плавно эволюционирует до определения «Все мужики казлы!!!»...

...мужчина, не обладающий качествами спонсора, для таких девочек не является полноценным мужчиной...

...всех девочек с напылением производят на такой фабрике, где формовка телесных ёмкостей производится по чёткой формуле 90-60-90. Однако, по неизвестным науке причинам, девочки с напылением, на генном уровне стремясь в созревшем возрасте достичь производственных стандартов, тем не менее, часто их достичь не могут. Отсюда постоянное нытьё: «Я — толстая». Самое изощрённое в этой ситуации, что мы часто можем услышать «я — толстая» и в тех ситуациях, когда девочка заметно тоньше приведённых стандартных данных...

...то, что для нас не является святым, а часто видится нам и порочным и ненужным, для девочек с напылением свято — это их подружки, макияж, шмотки, тот симпатичный парень с прошлой вечеринки, тупая музыка, телек, видик, пляж, шоколад и многое другое...

...в свою очередь, наши ценности часто вызывают у них чувство отвращения и категорическое неприятие: бухач и закусь, умная музыка, мясо, ЦСКА, наши друзья, рыбалка-червяки и многое другое...

...если девочка удовлетворена вполне своей внешностью и не ноет по поводу отсутствия космодрома шмоток, она уже по одному этому критерию автоматически становится девочкой без напыления...

...девочка с напылением всегда умнее нас, мужиков, вообще и тебя, отдельно взятый парень, в конкретности. Если не верите, спросите сами...

...девочка с напылением стремится заполнить квартиру всячес-

кой живностью, только если это не является нашим желанием. Если же таким желанием обладает и мужчина, живущий с нею, включается дух противоречия...

...дух противоречия есть центральная деталь в механизме жизнедеятельности девочек с напылением...

...по теории девочек с напылением любовь есть такая штука, которая может — р-р-раз, и исчезнуть! Однако, она удивительным образом возрождается без особых потрясений в отношении нового объекта. Возможно, девочки с напылением обладают особым механизмом влюбления, который отличен от той любви, про которую мы со школы читаем у классиков. Сей вопрос является темой отдельной серьёзной исследовательской работы...

...отношение к Богу сходно отношению к мужчинам: раз Бог не является ярко выраженным спонсором, дарящим видимые подарки, значит и внимания Ему уделять особо и не стоит. С утолщением напыления увеличивается отрицание Бога...

...при особо толстом напылении шансы выйти замуж, естественно, критически малы, что логично (по мнению девочек с напылением) является причиной ненависти к мужчинам как к классу...

...трёп и дикий ржач есть наиболее часто используемый метод общения у девочек с напылением...

Опишем несколько вербальных ситуаций общения с девочками типа «с напылением», дабы на конкретных, полученных опытным путём примерах чётче раскрыть своеобразность их поведения.

Наиболее типичная ситуация:

— Я всегда права!

— Почему?

— Потому, что я всегда права!!

— Но это ты так говоришь?!

— Да, говорю, потому что права и об этом нельзя молчать!!!

Комплиментарное общение:

— Девочка, ты такая красивая! Я тебя люблю!

— Ой, смешно-то как! Гляди — у тебя так смешно уши шевелятся, когда ты говоришь...

Или:

— Слушай, ну дай я тебя поцелую!

Схватившись за живот и задумавшись о чём-то своём:

— Ой, мя щас стошнит...

Логика:

— Знаешь, а я хотел бы ребёнка!

— Да... И я хотела... собаку завести...

Отсутствие логики:

— Ну чё ты всё плачешь?

— Я такая толстая? (Именно вопросительно!)

— Из-за такой ерунды?

— Да!!! А ещё...(Хлюп! Хлюп!) А ещё... с меня джинсы спадают!!! Ы-ы-ы-ы!..

Думаю, мы достаточно осветили некоторые аспекты жизнедеятельности девочек с напылением. На самом деле ситуаций и качеств неисчислимое множество, поэтому автор решил выделить в хаотичном порядке особо яркие свойства, пройденные им опытным путём. Прошу не кидать в него камни.

Этот трактат — действительно о девочках БЕЗ напыления. Эти, такие заветные девочки, есть те девочки, которые НЕ обладают вышеречисленными заморочками и жизненные принципы которых заметно проще, легче и, в то же время, глубже и обоснованнее.

Видите, как здорово получается, друзья! Нам, всего-то и достаточно, чтобы наши дорогие подружки не то чтобы обладали чем-то таким, а как раз, чтобы обладали отсутствием всего этого разэтакого, будь оно неладно!..

Обычный

Посмотрю в зеркало:

Самый обычный...

Самый обычный?

Ну вот и отлично!

Не хуже всех

*Мания быть не хуже всех
И капельку лучше –
То ли мой секрет
То ли яд в душу...*

*Закодируюсь в стихах,
Слова – ключ к собственным тайнам,
Узнавая себя –
Знать себя не желаю...*

* * *

*Боишься строить из себя храм.
Бьют по рукам демоны.
И посвящаясь суетным делам,
Грехи шаги твои меряют.*

*Порой ты думаешь: ага,
Да вот же я – здание.
Я лично живу всегда
И действую, и знаю созерцание.*

*Но это лишь слепой туман –
На шею льстивую веревкою,
Ни здание ты, даже не вигвам,
А дом с выбитыми стёклами.*

*Ты, словно проходной двор,
Впускаешь всех подряд, не зная совести,
И неподъёмен, и тяжёл
Всех разных мнений ор, их какофония...*

*Боишься строить из себя храм.
Боишься
Храм
строить.*

* * *

*Если захочу все краски света
Выразить словами и пером,
Выберу вот эту осень, просто осень,
Через малое – о большом.*

*Сколько суеты попирает секреты,
Клад под спудом в сердце моём...
Осень закатов, будни рассветов...
Мечта – саблей, фантазия – огнём.*

*Забудьте про счастье, про море, про лето...
Наполните душу тишиной.
Тогда услышите грохот ветра,
Разлучённого с весной.*

*Тогда бульвар, прохожие и сигареты
Перейдут в мир иной.
А вам – останется счастье это –
Осень, вы, и покой...*

* * *

*Так сложно кардинально понравиться
А не понравиться не умею совсем
Просто милый мальчик, на которого радуются –
Такова канва всех моих тем*

Ольга ТОДОСЕЙЧУК

* * *

*Я тебя очаровала,
Мой поклонник, мой француз,
И никак не ожидала,
Что предложишь ты союз.*

*Ты один, как ты мне пишешь,
И мечтаешь о семье.
Говоришь, что мною дышишь...
Ох, и страстный Вы, месье!*

*Жаль, что – с разной мы судьбою,
Нам с тобой не по пути.
Быть друзьями нам с тобою –
Лучше выход не найти.*

*Я тебя почти не знаю,
Как не знаешь ты меня.
Но, мой друг, тебе желаю
Жить, талант любви храня!*

Оле Тодосейчук — 21 год. Родилась в Мурманске. С детских лет живёт в Тамбове. Окончила тамбовскую гимназию № 7 с французским уклоном и 1-ю художественную школу. В настоящее время — студентка 4-го курса отделения «Связи с общественностью» ТГТУ.

Занимается в литературной студии «Строфа» в стенах областной библиотеки им. А. С. Пушкина.

Данная публикация в «Тамбовском альманахе» — первый выход юной поэтессы к широкому читателю.

Письмо Татьяны

(XXI век)

*«Я к Вам пишу, чего же боле...» –
Перечитает, вставит «смайл».
«Пойми, прошу!» – и в сердце с болью
Отправит «кликом» этот файл.*

*Томится Ларина Татьяна
И ждёт ответа по ночам.
Откроет почту утром рано –
Увы, но там – обычный «спам».*

*«Но Вы, к моей несчастной доле...» –
Напишет, утерев слезу.
Вздохнёт, нажмёт «очистить поле»
И снова «выбрать файл» внизу.*

*Получит файл с письмом Онегин,
Убавит плеер, включит свет.
Закроет файл с пометкой «тэги»
И углубится в Интернет.*

*Подумав: «Девушка, что надо!»
Он улыбнётся, покраснев.
Она не носит марку «Prada»,
Но всё же – лучшая из дев!*

*Ответит, в «тайл» вложив всю душу,
В разделе «Тема» напишет: «Да!»
Предложит Лариной: «Послушай,
Быть может, встретимся тогда?»*

*Татьяна утром, чуть бледнея,
Откроет почту и... вздохнёт!
«Я Вас люблю... И будь моею!» –
Нажав на «ввод», она прочтёт.*

Любимому

*Не зная, что я рядом,
Ты ходишь по земле.
Пушистым снегопадом
Я таю на челе.*

*Весёлым звонким ливнем
Я в зной к тебе приду
И ручейком игривым
В жару уберегу.*

*Весенним тёплым светом
Согрею в холода.
Зимою буду летом...
С тобою – навсегда!*

*Ребёнком стану нежным,
К щеке твоей прижмусь,
И голубем безгрешным,
Взлетая, обернусь.*

*В лесу листком кленовым,
Как нимфа, притворюсь.
Планетой стану новой,
На небе появлюсь.*

*И, путь твой освещая,
Тебя благословлю.
И ты пойдёшь, не зная,
Что я тебя люблю.*

Соблазны

1

*Когда Бог создал Землю,
Озёра и цветы,
Сказал: «Я не приемлю
В природе пустоты!»*

2

*И Он двум людям первым
Дал сад прекрасный в дар.
Нарёк он деву Евой,
Муж девы стал Адам.*

3

*Она была прелестна,
Как солнца блик в вине.
Адам, пред Богом честный,
Всегда внимал жене.*

4

*Однажды, ясным утром,
Жена, смотрясь в ручей,
Промолвила вдруг хмуро:
«Открыл мне правду Змей.*

5

*Ты помнишь слово Божье –
Не трогать тех плодов?
Но ты быть сильным можешь,
Отец же наш таков!»*

6

*И в пальцах нежной девы
Сиял запретный плод.
Адам, послушав Еву,
Грех на душу берёт.*

7

*Укрыли солнце тучи,
Сгущаясь над людьми.
В посланье Божьем участь
Доносится из тьмы.*

8

*От зорких глаз скрываясь,
Тревожится чета.
Мешает им, смущая,
Их тела нагота.*

9

*И понял Бог, в чём дело –
Запретный сорван плод!
Стыдятся люди тела –
В них Сатана живёт.*

10

*«Ослушались меня вы, –
Сказал им горько Бог. –
Вы – грешны и неправы.
Да будет вам урок!»*

11

*Не глядя друг на друга,
Забыв свой путь назад,
Идут Адам с супругой,
Покинув райский сад...*

12

*Соблазнов опасайтесь,
В них кроется беда!
А Змея избегайте,
Хоть с Вами Бог всегда!*

80 лет со дня рождения
Майи Александровны Румянцевой

Валентина ДОРОЖКИНА

Её слушали, затаив дыхание...

Чем больше лет проходит со времени ухода из жизни Майи Румянцевой, тем чаще я возвращаюсь к её стихам, и в который раз убеждаюсь: её поэзия – это исповедь. Она никогда не боялась покаяться перед читателем, показаться слабой. Она всегда верила, что читатель поймёт всё, что написано равнодушным сердцем. Эта вера — от искренности. Она любила своего читателя, и он платил ей взаимностью. Нас, тогда ещё молодых поэтов, Майя Александровна часто брала с собой на выступления. Мы не раз были свидетелями того, с каким восторгом принимали Майю Александровну в рабочих и студенческих аудиториях! Её слушали самозабвенно, затаив дыхание, внимали каждому слову. Многие стихи слушатели уже знали, но всё равно просили читать и «Балладу о седине», и «Протест», и «Чайку». Все стихи производили впечатление потрясающее, особенно стихотворение «Чайка» с такой концовкой: «Скажи, а чайки тоже умирают, когда их море предаёт?..». После этих строк зал замирал, и аплодисменты раздавались не сразу, как это часто бывает при особенно сильном впечатлении.

Валентина Дорожкина родилась в Мичуринске, окончила Тамбовский пединститут. Она автор 20-ти в основном поэтических сборников, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, лауреат нескольких литературных премий. Помимо поэзии занимается прозой, литературоведением, переводами. Много лет руководит литературно-творческим объединением "Тропинка" при областной детской библиотеке.

Награждена орденом Дружбы.

Почти всегда Майя Румянцева читала любимое многими стихотворение «Дай явь, как сон...». Помню, в мае 1975 года, во время выступления в одной из воинских частей Тамбова, Майя Александровна, предупреждённая, что вечер поэзии посвящён годовщине Великой Победы, читала гражданственную лирику, стихи о войне. И вдруг, после очередного стихотворения, после бурных аплодисментов, из зала раздался голос: «Прочитайте "Дай явь, как сон..."!». Никогда не забуду и радостного, и смятенного выражения лица поэтессы. Она, словно за разрешением, повернулась к сидящим за столом перед залом устроителям вечера. Последовал кивок, и зазвучали строки, которые, по-моему, не могут оставить равнодушным самого чёрствого человека:

*Дай явь, как сон,
Явись ко мне,
За все разлуки дай награду,
Как на ворованном коне,
Ворвись с глазами конокрада...*

Все, кто встречался с Майей Румянцевой, говорил с ней, читал или слышал её стихи, — все буквально прикипали к ней, делились своими радостями и горестями. И если она чувствовала в собеседнике друга, она тоже доверяла ему и при всей внутренней сдержанности становилась откровенной:

*Ты приходил ко мне,
И я была волшебницей.
Ты становился в той стране сильнее —
В моей стране, где очень много нежности,
В моей стране, где очень мало дней.*

Но было и так, что откровение поэта употреблялось кем-то во зло, и тогда опять появлялись стихи, в которых было всё — нежность, отчаянье, надежда: «Я снисходительна к вам, как к детям, которые ломают свои игрушки...».

Мне вместе с другими молодыми поэтами приходилось бывать дома у Майи Румянцевой, когда она жила на Тулиновской улице. Какие это были вечера! И сейчас, по прошествии более трёх десятков лет, ясно вижу разгорячённые лица Евгения Харланова, Евстахия Начаса, самой хозяйки, споривших о том, кто из поэтов сильнее, проникновен-

нее, пишет о любви — женщина или мужчина. Майя Александровна была уверена, что — женщина, и цитировала Марину Цветаеву, Анну Ахматову. «Слегка» соглашаясь с ней, присутствующие мужчины читали наперебой Бориса Пастернака, Андрея Вознесенского... И каждый вечер неизменно заканчивался тем, что звучали стихи самой Майи Румянцевой. И не было никого, кто не согласился бы с тем, что эта женщина-поэт умеет написать о любви так, как не напишет ни один поэт-мужчина. Только Пушкин... Но он — вне всяких споров...

Сколько же прекрасного и необходимого получали мы от общения с Майей Румянцевой! И до сих пор живём этим.

Майя Александровна Румянцева родилась 27 декабря 1928 года в Москве. На её долю выпало тяжёлое детство. Она была ещё подростком, когда началась Великая Отечественная война. Уже тогда будущая поэтесса понимала, что каждый человек должен внести свой вклад в дело победы над врагом. Труд, иногда и непосильный, сопровождал её всю жизнь. «Не верят мне, что работала грузчицей», — написала Майя Александровна в одном из стихотворений. Да, в это трудно поверить тем, кто мало её знал. Грузчицей она действительно работала, и вообще ей не чужд был любой труд. Она обладала удивительным даром опозэтизировать всё и всех.

Немало стихов подарила читателям Майя Румянцева! А сколько профессий воспела она в своих произведениях! Её поэма «Как поэт опоздал на свидание» — о Герое Социалистического Труда доярке Тамаре Куделиной — вышла отдельной книгой в 1974 году в московском издательстве «Современник». Из посвящений — сосновцам, мичуринцам, липчанам, целым коллективам и организациям — состоит сборник «Характеры» (1977):

*Есть село Успеновка,
Дальнее село.
Соловьиным пением
Рощи замело.*

.....
*Пахнет свежим хлебом,
Добрый стол накрыт.
Белый конь с телегой
У крыльца стоит.*

Майя Александровна писала о доярках, шофёрах, учителях — о людях труда, с которыми вела доверительный разговор и делилась самыми сокровенными мыслями. Этот сборник вышел в свет, когда Майя Румянцева жила уже в Тамбове. А до этого работала в Москве лаборанткой в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, училась в Литературном институте имени А. М. Горького. Позже переехала в Липецкую область, а в конце 1960 годов — на Тамбовщину. Здесь, в чернозёмном крае, давшем Отечеству великое множество выдающихся людей, поэтесса обрела друзей, написала немало стихотворений и поэм, имела огромную аудиторию слушателей.

Тамбовский край стал для Румянцевой второй малой родиной, щедро дарившей ей темы и героев произведений:

*Здесь удивляюсь каждой жизни,
Здесь судьбы к сердцу пролегли,
Для коих ширь большой Отчизны
С Тамбовской началась земли.*

Первая книга стихов Майи Румянцевой вышла в 1962 году в Липецком областном книжном издательстве. А через год в Москве проходило Всесоюзное совещание молодых писателей. Майя Александровна попала в семинар известного поэта Николая Тихонова, который сразу обратил внимание на необыкновенную лирическую силу её стихов, на их тонкий психологизм и светлое ощущение мира у автора. Через несколько лет ещё один известный писатель — Илья Сельвинский — назвал Майю Румянцеву в числе талантливых русских поэтов.

Она много ездила по стране, а уж Тамбовскую область исколесила, как говорится, вдоль и поперёк. Собираясь в очередную командировку, улыбалась: «Еду за стихами». И привозила их из каждой поездки. Стихи рождались после встреч с людьми, после каждого значительного события в жизни страны в целом и Тамбовщины в частности. Этот край Майя Румянцева полюбила всем сердцем. Обращаясь к столице в день прощания, поэтесса писала:

*Москва, ты мне всё прости —
И этот прощальный стих,
И то, что в разлуке с тобой
Сдружилась с другой землёй.*

*И то, что сегодня под вечер
С волненьем Тамбовщину встречу.*

В многочисленных сборниках поэта читатель найдёт стихи о войне и о хлебе, о добре и зле, о встречах и разлуках. Биение неравнодушного сердца чувствуется в каждом стихотворении. Майе Румянцевой принадлежат ставшие известной песней стихи о Зое Космодемьянской; это её строки звучат у Вечного огня на Соборной площади в Тамбове: «Я приговариваю к смерти всех убийц. / Я приговариваю к жизни всех убитых!».

Со страстностью честного поэта и гражданина пишет Майя Румянцева о судьбах людей своего поколения, гневно осуждая тех, кто забыл, «какой ценой завоёвано счастье». Её «Баллада о седине» (первоначальное название «Баллада о седых») была опубликована во всех центральных газетах и журналах, она до сих пор звучит на вечерах поэзии:

*О, седая мудрая старость!
О, седины неравных боёв!
Сколько людям седин досталось
От не отданных городов!
А от тех, что пришлось отдать,
Поседевших не сосчитать...*

Глубокими чувствами проникнут поэтический голос Майи Румянцевой, когда она говорит о любви, о счастье любить и быть любимой. И даже в стихах о разлуке, о неразделённой любви её лирическая героиня — не жалкая женщина, смирившаяся со своей участью, наоборот, она становится возвышенной, обогащённой великим чувством:

*Уйду в беду или в моря...
Нелепо всё и просто:
Я – государство.
От меня
Мой государь отрётся.*

В предисловии к книге Майи Румянцевой «Избранное», которая вышла в издательстве «Художественная литература» в 1980 году, как раз в год её кончины, поэт Владимир Цыбин написал: «В сущности,

большинство стихов Румянцевой — это воспоминания: о детстве, об услышанном от горемычных деревенских баб, о работе в поле, грузчицей; даже любовь — в прошлом. Словно она давным-давно разлучилась с кем-то дорогим, невозвратным. Её стихи о любви — из разлуки. К ней, к её стихам о любви как нельзя кстати подходят слова Жуковского о том, что в жизни много прекрасного и кроме счастья...».

И это прекрасное, которого у Майи Румянцевой было действительно много, она воспевала до конца дней, даже тогда, когда боль не давала дышать, когда таяла надежда на выздоровление. Поэзия жила в ней, пока билось её сердце, — сердце любящей, терпеливой женщины и великой труженицы. Она никогда не сетовала на судьбу, работу считала лекарством от всех бед, верила, что земля делает человека добрей и мудрей:

*Земля ты моя, землица!
Я руку пушу в борозду
И пальцами-корневицами
Почувствую, как расту.
Во мне прорастёт это чудо
Из света, травы и тепла.
Я стану, как дед мой мудрый,
Спокойна и очень добра.*

Майя Румянцева знала цену любви и дружбе. Пройдя через лишения, потери, она никогда не тяготела к накопительству. В её доме было много только книг и гостей. Какие велись здесь разговоры о творчестве, разгорались споры о «женской» и «мужской» поэзии, сколько было прочитано стихов! Каждая встреча у Майи Румянцевой была для начинающих литераторов школой мастерства. Она не жалела времени для молодых авторов, многим помогла выпустить книги, вступить в профессиональный союз. 12 лет возглавляла она областную писательскую организацию, всё делала для того, чтобы на Тамбовской земле ежегодно проходили праздники литературы и искусства. Ни одна изданная книга не оставалась незамеченной: Майя Александровна беспокоилась о том, чтобы в газетах обязательно появились рецензии, чтобы автор встретился с читателями, и как можно больше людей узнали бы его имя...

«Кукушка, щедрая, как мир, мне века три накуковала...», — напи-

сала Майя Александровна в одном из стихотворений. Но кукушка, к сожалению, намного ошиблась. И, видимо, в особо тяжкую минуту выплеснулись из души поэта горькие строки:

*Я и щедра, я и добра.
Не жаль мне злата, серебра,
Не жаль души, не жаль казны,
Ни дня, ни ночи, ни весны.
Не жаль мне сердца самого...
Да только было б для кого...*

Майю Румянцеву любили друзья, читатели и почитатели её таланта. Но она нуждалась и в другой любви — преданной, на всю жизнь. Её безграничную нежность, сердечную незащищённость удавалось разглядеть далеко не всем — вернее, не тем, в ком она больше всего нуждалась, чьей взаимности ждала. Отсюда и такое признание:

*Я замолчу, а может быть, заплачу
Среди обид, продажности и мук.
Уйду я со своею неудачей –
Со всею горечью спокойных рук...
Но вот когда умру, то люди вдруг увидят,
Что сердце у меня – не просто так...*

Сердце этой нежной, прекрасной женщины, глубокого поэта, интересного собеседника с широким кругозором, было всегда открыто навстречу каждому, в ком она чувствовала равнодушие, понимание того, чем она жила и дышала, — Поэзии...

Книг у Майи Румянцевой при жизни вышло немало: «Грузчица» (1962), «Чайка» (1965), «Твоё имя» (1969), «Дорога, встречи, любовь» (1978) и другие. Они издавались в Москве, Липецке, Воронеже. Майю Александровну ценили известные столичные поэты, писавшие вступительные статьи к её сборникам, рецензии на них. Высшей формой признания мастерства поэта считалось (и считается, наверное, до сих пор) факт выхода его сборника в издательстве «Художественная литература», выпускавшем обычно книги маститых прозаиков... И если уж кто-то из поэтов был удостоен такой чести, то, как шутили братья по перу, «автору можно спокойно умирать». К несчастью, шутка стала печальной реальностью: Майя Александровна, хоть и не увиде-

ла книгу «Избранное», но успела прочитать набранный текст в гранках (тогда в типографиях ещё не было компьютеров) и порадоваться, что её стихи выходят в таком солидном издательстве. Она ведь собиралась жить долго и не верила, что тяжкий недуг подводит её к неизбежному концу; стихи писала до последних дней — это было спасением от невыносимой боли. Она часто цитировала слова Николая Заболоцкого: «Не позволяй душе лениться...». Её душа никогда не знала лени. Она создавала произведения не о собственной боли, а о боли века, и говорила с современником языком тонкого лирика и стойкого гражданина.

За заслуги в развитии советской литературы и большую общественную работу Майя Румянцева была удостоена государственных наград — ордена «Знак Почёта», медали «За доблестный труд». За цикл патриотических стихотворений она стала лауреатом областной комсомольской премии имени Зои Космодемьянской. А песня о Зое на стихи Румянцевой (музыка Алексея Нешко) до сих пор звучит в концертных программах профессиональных коллективов и коллективов художественной самодеятельности не только в Тамбовской области. В день полувекового юбилея, 27 декабря 1978 года, поэтессе был вручён орден Дружбы народов. К этому времени она уже тяжело болела, и награду ей вручали в больнице...

Немногим более пятидесяти лет прожила на свете Майя Александровна Румянцева. Её не стало 21 марта 1980 года. Наступала весна, пробуждалась природа, но не было уже улыбающейся Майи, так любившей подставлять лицо солнечным лучам. Но поэты уходят — стихи остаются: жива в сердцах её читателей и почитателей светлая память о женщине и поэте. Живы стихи.

В Тамбове обществом любителей книги были посмертно изданы два сборника стихов Майи Румянцевой: «Встречи и разлуки» (1991), «Раскрепощённость» (2002).

С 2006 года Управление культуры и архивного дела Тамбовской области совместно с писательской организацией начали издание книг в серии «Литературные родники Тамбовского края». Первым выпуском серии стала книга стихотворений и поэм Майи Румянцевой «Неоткрытая глубина».

*Я это всё тебе дарю,
Пусть как какой – реки излука.
И я тебя благодарю
За горе встреч и за разлуку.
И за окраину годов
У тех окраин леса с летом.
Благодарю тебя без слов,
Без снов и памяти рассветов.
Благодарю и всё дарю.
Да что дарить?.. Себя спасти бы.
За дом прощальный, за зарю.
...За пепел в туфельке
Спасибо...*

Весной под Тамбовом

*Какое странное созвучье
Речей, ручьёв, грачей.
И в стоге – солнца беглый лучик,
И этот дуг – ничей.
И ветви делают промашку
У роицы, вставшей у ручья.
Где, словно на ветру рубашку,
Вихрь треплет трели соловья...
А вечером я шаль накину
И за околицу уйду.
Слова промолвишь у полыни
И стон обронишь в лебеду.
Ну, а словечко – не колечко,
В траве высокой не найдёшь.
И речи с волнами у речки.
И где здесь – правда?
Где здесь – ложь?..
Качнётся птица у печали,
Перо уронит на закат.
И небо синее причалит,*

*Когда глаза в глаза глядят.
Я – продолжение степи древней.
Во мне живуч и риск, и страх.
И гаснут далеко деревни.
И гаснут яблони в глазах...*

Будьте счастливы, мужчины

*Будьте счастливы, мужчины, –
Так отныне повелела –
Те, которых я обидела,
Те, которых я жалела...
Ах, какие я наличники
К лицам вашим подбирала!
Дни да ночи с вечеринками
В сердце вашем пировала.
И не вы меня покинули,
Покидаю нынче вас.
Вон как странно брови выгнула
Та луна, что не про нас.
Вон как странно залиловело
И как тихо рассвело.
За калиткой слово молвила,
В сердце – плач на всё село.
– Здравствуй, этот час прощания
С горьким праздником в конце. –
Обещанья, обещанья –
Талым снегом на кольце.
Я не добрая, не злая.
А кручина – как лучина.
Заклинаю, завещаю –
Будьте счастливы, мужчины...*

* * *

Вспоминаю я детство в деревне...
Берега меня звали к причалу.
Говорила мне бабка древняя,
Головою скорбно качала:
– Имя Майя – плохое, красавица,
Будешь, дочка, всю жизнь свою маяться...
... Мне накаркали глупые галки,
Нарекла, видно, с детства гадалка
Маету, маету бесконечную,
Непоседливость эту вечную.
И косые взгляды супруга,
И сиденье на чемоданах,
Поездов убегающих вьюгу,
Полустанки в дождях и туманах.
Нарекла мне бессонные ночи,
Беспокойные поиски строчек.
Нарекла мне прощаний с лихвою
И восторги негаданных встреч.
... Я приеду в село над рекою
И, наверно, ту бабку встречу.
Я скажу ей доброе слово
За пророчества, что сбываются.
Пусть она напророчит мне снова
Неустанно, пожизненно маяться...

Ау-ау

– Ау-ау! – Я не зову.
Я просто так по перелеску
Кричу такое деревенское,
Такое тёплое: – Ау... – И я одна.
Да где ж одна?
Весь мир аукается рядом.
Кукушка надо мной видна,
Сто лет пророчит мне в награду.

За что?
За что? Скажи мне, серая?
Что для земли я этой сделала?
Как заплатить за всё, что вижу,
За всё, что слышу, что вбираю.
Чем заплатить, скажи, должна я
За это поле караваев,
За этот лён простоволосый,
За даль, за свет, за трепет вёсен
И за загадку вдохновенья,
За это вечное горенье
В любви, восторженности, в мыслях.
За всё – и дальнее, и близкое...
А у меня – лишь две руки
И сердце – в песнях до отказа.
И день за днём – вперегонки,
И жизнь проходит как-то сразу.
Всё, что имею, в дар прими,
Но знаю, что и жизни – мало.
Кукушка, щедрая, как мир,
Мне века три накуковала...

* * *

Я не могу, когда мужчины плачут.
Коснусь губами влажных глаз
Прости меня... – Удачу?
Неудачу? – Пришедшую в твой смутный час.
Прости меня, что я не виновата,
Что виновата – тоже позабудь.
Прости за доброту.
И что когда-то
Недобрым был
Наш долгий трудный путь.
Пусть говорят...
И судят, пересудят.
Пусть говорят –
Молва всегда, как дым.

*... Однажды солнце тишину разбудит –
И я увижу тебя снова молодым.
Идёшь, весёлый, роцею косматой
И жжёшь костры, высокие по грудь.
Прости меня, что я не виновата,
Что виновата – тоже позабудь.
Начало чувства или окончанье –
Всё это неподсудно для людей.
... Я не могу, когда мужчины плачут...
Смотри, какая за окном метель...*

* * *

*Забывать, что ты – не ты,
Что ты – не тот.
И пусть во мне вся боль моя умрёт.
Но как взглянуть потом, рассветным утром,
И как сказать тебе, что это – ложь,
Что пропасть слов твоих,
Восстанье рук я путала
С другим, что на тебя чуть-чуть похож...
Я не унижу чувств твоих подачкой,
Лишь для того, чтоб легче было мне.
Невысказанность слов я дальше спрячу,
В непоправимой спрячу глубине.
Я стану тихая, спокойная, как заводь,
Перечеркнув глаза твои призывные...
Я буду плакать после, долго плакать.
Я буду плакать оттого, что сильная...*

* * *

*Как преступница пред казнью,
Горлом чувствую топор.
Мне ли жить среди боязни,
Видевшей тебя в упор?!
Размахнись, лихой отступник!*

Быть твоей, потом – ничьей.
На одну меня, преступную,
Много ждущих палачей.
Руки их – жадны и липки,
Лица прячут в темноте.
Будет ночь помостом зыбким,
Будет – тело или тень?
Мне ли, ждущей да бунтарской,
Побояться схватки равной?!
Я срываю с глаз повязку
Да убийцу выбираю...
Мне ли жить среди боязни,
Видевшей тебя в упор?..
Как преступница пред казнью,
Горлом чувствую топор...
И однажды повстречаю
Вас среди ненужных лиц.
И спрошу я:
– Как живётся,
Самый нежный
из убийц?..

* * *

Целовал, как будто знал:
Не навечно, не навечно...
Рельсы мчались мимо скал –
Разделённые две речки...
И последний поезд наш
Уносило,
уносило...
То ли смех, то ли плач
На рассвете ночь скосила...
С той поры по поездам
В ночь не спится.
К проводам или к словам
Рвутся птицы.
Только чёрная река

*Тает, тает.
Тихо станет на века,
Ночь растает.
Длятся чёрные леса
Ночью спелой.
Длится чёрная тоска
Перед тем, как стану
Белой...*

* * *

*Я не умею кулаки сжимать...
И мне даны раскрытые ладони,
Чтоб только гладить и любить.
Меня ты словом можешь ранить больно,
И мне себя никак не защитит...
Я замолчу, а может быть, заплачу
Среди обид, продажности и мук.
Уйду я со своею неудачей –
Со всею горечью спокойных рук.
Такие руки – лишь у Гулливера,
Что на ладонях ненависть держал.
Ты говори, и вновь они поверят
Твоим, как губы, осязаемым словам...
Но вот когда умру, то люди вдруг увидят,
Что сердце у меня – не просто так.
Оно умело и любить, и ненавидеть
И от обид сжималось всё в кулак...
В грудную клетку, как в решётку, билось...
...Ладоней я сжимать не научилась...*

Владимир РУДЕЛЁВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ЕВГЕНИЯ ХАРЛАНОВА

Для того, чтобы образовалась чья-то поэтическая школа, нужно, чтобы у её основателя или начинателя был талант — необыкновенный, огромный, всеобъемлющий, зажигающий, таинственный, словно внушённый откуда-то свыше, больше дарованный, чем приобретённый. Подобный талант обычно усиливается хорошим, разносторонним образованием и воспитанием, развитием, стремлением осмыслить Мир. Теперь уже совершенно ясно, что именно таким талантом обладал **Евгений Иванович Харланов** (1943—1993); свой талант он осознавал, гордился им и — страдал, видя свою неприкаянность и избыточность во всеобщем суетном круженье, понимая отдалённость своего звёздного Времени и чувствуя превратность, даже трагичность своей судьбы.

Образованность поэта тоже была и высока, и уникальна. Он учился на физмате Тамбовского педагогического института, захваченном и осенённом в харлановское время гением блестящего историка физики и терпеливого педагога — профессора Павла Степановича Кудрявцева. Это было не просто высокое, известное имя, это была современная научная школа, это был метод глубокого проникновения в существо предмета.

Владимир Георгиевич Руделёв — доктор филологических наук, профессор-консультант ТГУ им. Г. Р. Державина.

Родился в г. Ельне на Смоленщине в 1932 году, много лет жил в Рязани, с 1972 года живёт в Тамбове.

Он автор 8 отдельных сборников поэзии, прозы, критики и собрания избранных сочинений в 6 томах.

Член Союза российских писателей.

Гордостью Тамбовского физмата был созданный профессором Кудрявцевым и его учениками (а также их высокими покровителями) Музей истории физики, позже неизвестно кем и почему разрушенный, закрытый и наскоро забытый. Вторым научным центром учительской кузницы в городе Тамбове была, конечно, кафедра философии, руководимая профессором Александром Лазаревичем Хайкиным, редким знатоком современных философских течений, «*другом парадоксов*» (в пушкинском смысле!), любимцем мыслящей тамбовской публики. И вот к обжигающему своим талантом ученому-философу попадает в ученики поэт Евгений Харланов. Пройдя аспирантский курс и защитив диссертацию, он становится преподавателем-философом в Тамбовском институте культуры. Круг его интересов и знаний широк: история искусства, культуры, религии. Философия кажется главным в его жизни, но это только подспорье действительно главного — Поэзии.

...«А правда, профессор, — сказал Харланов, придя однажды ко мне в общежитие на Полковой, — что вы — идеалист?» Я смутился: честно говоря, во мне в ту пору кипело неверие в привычные философские догмы, мир казался сложнее (и проще!) банальных марксистских схем, и, увлечённый теорией информации Клода Шеннона (всё-таки больше Николая Трубецкого, чем Шеннона!), я ещё не нашёл своего пространства в хаосе новых и старых идей. Но я сказал Харланову, скорее задираясь, чем откровенно и сердечно: «Вы правы. Я, наверное, идеалист, а не поклонник товарища Фейербахова». Харланов посмотрел на меня печально, отошёл к окну, прислонился к батарее и спокойно, как в студенческой аудитории, прочитал полуторачасовую лекцию о материализме, начав с Гераклита и кончив Марксом. Лекция была превосходна — мне в институте и аспирантуре в Рязани таких не читали. Но я уловил в ней некоторую грусть и запас мысли, позволяющий любому слушателю оставаться самим собой, не подчиняясь авторитетным рассуждениям и правилам. Лекция кончилась — и начался наш спор о структуре мира, где все спутано и переплетено, а кончили мы разговор — стихами...

* * *

В 70-е годы в Тамбове поэтов было немало. Случались весьма ода-рённые, содержательные, очень новые — такие, как **Геннадий Якушечко**: в нём горел огонь *чувственной поэзии*, перекинувшийся, на-

верное, с Алексея Апухтина и Нестора Кукольника — поэтов, не осмысленных до сих пор, отнесённых к третьему разряду номенклатурными, самовлюблёнными критиками. Сам Геннадий Якушенко, рано погибший, тоже ещё не осмыслен и не оценён. Между тем это был заметный противовес Харланову-стихотворцу, в котором чувственное находилось в подчинении у философического и осмысляющего мир; но, когда оно, это чувственное, прорывалось неожиданно, подобно грозе или вихрю, то разило, не давая придти в себя, успокоиться и слёзы подавить.

Вот пример такого *прорыва* — стихотворение «У старой ивы», его недаром помнят и любят все знавшие Харланова, например, **Нина Измайлова** (её без всякой скидки можно назвать ученицей упоминаемого мастера). Заговоришь с Ниной о Харланове — и враз увидятся-услышатся и *старая ива*, и *три звезды в её проёме*, похожие на *обломки синей вазы*... Вот что-то («*нечто*») разбилось и *стало зримо в блеске синих осколков*. «*Черты необходимости сотри — и ты увидишь мир необычайный*», — цитирует Измайлова любимого поэта... Господи! Да это же явная полемика с Блоком («*Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен*»). Харланов именно так постигал своих учителей — в полемике, превосходя их благодаря современному опыту, но не зачёркивая и не уничтожая. И не только Блока, но и Пушкина («*По самому краешку лета, / где пыль, где махорка растёт, / с глазами табачного цвета / идёт восхитительный кот...*» — это в пике пушкинскому: «*У лукоморья дуб зелёный...*»). Но — вернёмся к *старой иве*: там ещё осталось немало сокровенного. Красота и всё лучшее в жизни, по Харланову, наблюдается и осознаётся лишь тогда, когда исчезает, остаётся только в памяти и там — сокращается до образа (*девичьего лика в мгновении зари*). Но и это — лишь начало преобразования, сокращения, редукции. А дальше... Вот уже моя собеседница Нина Измайлова, просяив, говорит о харлановской чайнке, которая падает на дно стакана (на самом деле — на самое дно души: «*Внезапный вид в стремительном пути / — затерянный и близкий полустанок / чайнкой закрутившейся взлетит / и канет в душу, как на дно стакана...*»). Да, ничего не скажешь — захватывает! Всех захватывает. Не меньше, чем Апухтин, и Кукольник, и даже Якушенко! Потому что здесь — поэт, который, благодаря смелому и неожиданному образу, заставляет смеяться, радуясь, а больше плакать, страдая, как сам он плакал и страдал, находя созвучное своей душе в Блоке и Хлебникове, впрочем, и вдалеке от литературы — в Магеллане!

О харлановском образе, о многогранной и даже безграничной поэте мастера можно говорить бесконечно. Об этом, кстати, уже и книга написана нашей талантливой аспиранткой Инной Подольской (книга издана в 2004 году и называется: «Языковые средства создания художественного образа — на материале поэтических текстов Евгения Харланова»), в ней 216 страниц, не считая фотографий и прочих приложений. Раскрыт секрет харлановских поэтических механизмов. Секрет раскрыт, а создать поэту, вроде какой-нибудь харлановской, кому угодно невозможно. Вот хотя бы вроде такой: «... Как свернутую скатерть, / куст сирени / мы развернём / от комнаты до кометы!». Для подобных конструкций нужны осенения и озарения. Но об этом — чуть позже!

* * *

Я уже упомянул двух современников Харланова: Якушенко и Измайлову — для того, чтобы показать, что избранный нами для очень серьёзного разговора поэт не был один в Тамбовском поэтическом пространстве. В этом пространстве находился ещё почти не принимаемый тамбовской поэтической элитой **Сергей Бирюков**. Это был не только серьёзный поэт, но и исследователь поэтического языка, ученый-филолог, историк литературы, равного которому в Тамбове до сих пор нет. Теперь Бирюков иногда наезжает в наш град, живя в основном в Германии; Тамбов без него обходится, как обходится он и без **Марины Кудимовой**, ставшей москвичкой и поэтессой, известной не только в России...

Словно чистый родничок, пробился в толще тамбовской литературной рутины абсолютно русский и воистину народный поэт **Александр Макаров**; его-то почти сразу приняли и приласкали, но понять не поняли, и даже сам он себя понял не до конца, исправив первоначальные стихи-шедевры («Тоскую по другу — зелёному лугу...» и «Подкову»), словно вырвал из земли драгоценные первоцветы и поместил их в баночку из-под майонеза. Случались в Тамбове не только роднички, но даже целые реки и моря, вроде **Майи Румянцевой** («То ли бабы качают море, / То ли море качает баб»). Но Харланову не становилось менее одиноко от таких случаев: его не принимали высокомерные издательско-писательские круги, литературно-критические — тем более: Харланова было выгодно считать вечно начинающим, подающим надежды, высвечивающимся в конце тоннеля, в далёком будущем; при жизни поэта его редкие книжечки выходили с запоздани-

ем, упрощённые и сокращённые до ужаса, из них вычёркивалось всё наиболее заметное; критика отзывалась вяло и поверхностно, без понимания харлановской неординарности и поэтической глубины. И никто не знал, кроме, может быть, доброго друга Евгения Харланова, — журналиста Владимира Плуталова, что в Тамбове живёт самый яркий и одарённый русский поэт, что ему не вполне легко, что ему не хватает воздуха, а пробивной силы («конкурентоспособности») вовсе нет. Позже об этом было сказано — через газету «Книжное обозрение» (1989 г.); и посыпались письма от желающих познакомиться с творчеством тамбовского отнюдь не рядового автора, от заражённых его талантливыми строчками. Но настоящая, полная (впрочем — без поэм!) поэтическая книга Харланова «У придорожного камня» вышла только после кончины поэта: в 1993 году её издал преданный друг Евгения Харланова журналист Евгений Писарев.

* * *

Конечно, как теперь принято говорить, *концепт* «школа» немислим без процесса обучения поэтическому мастерству. К таковому Харланов как будто и не причастен: он не руководил «Радугой», где обильно обливали критической водой молодых тамбовских авторов, попутно уча их рифме и ритму, элементарной метафоре и даже непостижимому эпитету, который не обязательно прилагательное и не в каждом прилагательном. Чуть раньше (применительно к письменному тексту можно сказать и «чуть выше») я говорил о харлановской поэтеме и об уникальности её конкретного преломления в образе *сирени*. Повторяю: создать такой (подобный) образ можно только пройдя поэтическую школу Харланова и развив свой талант, если его хоть сколько-нибудь было. Понять модель подобного образа (поэтемы) можно прочитав упомянутую книгу Инны Подольской или кандидатскую диссертацию этого автора (и это неплохо и немало — для восприятия того же харлановского текста!), но создание намного выше понимания. Понимать можно научить любого культурного человека, создавать могут лишь некоторые, только очень одарённые. Вот здесь и начинается поэтическая школа.

...Прослушав однажды мою поэму «Осенний переулочек», Харланов пришёл в гнев: ему не понравился образ лирического героя (я подавал его как гениального поэта нашего времени, убитого обстоятельствами и всем прочим. «Не может быть великий поэт слабым че-

ловеком! — ревел Харланов. — Нет, Владислав! (Ругаясь со мной, Харланов всегда путал моё имя, не говоря уж об отчестве, тут он его вовсе забывал.) Ваш герой — не герой, а значит, и поэмы нет!»

Я, между прочим, редко читал Харланову свои произведения, предпочитая слушать харлановские, но (со страхом!) прочитал как-то «Ноктюрны из окна» (вариации на темы Гарсиа Лорки). «Молодец! — ехидно произнёс мой собеседник. — Молодец, Константин! Ты научился писать стихи — не хуже... — Незаметно переходя на ты, он упомянул одно одиозное поэтическое имя. — Тебя теперь можно в стенгазете печатать!»

Вдохновлённый этими историческими похвалами, я решил продолжить чтение. «А вот это ты у меня скрал! — не переходя на вы, уличил меня Харланов, услышав строчку: «*Объявишись, светят мне в окно /две лампочки, две лесбиянки...*» — Верни, положи на место!» — «Где же это я у вас украл, сударь, и где это место, откуда я украл?» — «А нигде! — злился Харланов или делал вид, что злится. — Просто, украл и всё!»

Я, конечно, понял (правда, не сразу, наверное), что поэт меня похвалил. Нехотя, как-то скрыто и скрытно, но — похвалил. И это была дорогая похвала.

Я был на десять лет старше Харланова и встретился с ним в довольно зрелом возрасте, как стихотворец, наверное, уже сложившись, но только в общении с этим прекрасным тамбовским мастером, я получил то, что теперь могу смело назвать *поэтической школой*. И это коснулось не только моего поэтического творчества, но и научного мировоззрения, метода исследования поэтического языка, воспитания аспирантов и докторантов, не говоря уж о студентах: они жили вместе со мной харлановскими стихами. Здесь я хотел бы назвать особенно заметные и высоко чтимые мною имена своих учеников: доктора филологических наук, профессора С. В. Пискуновой, кандидатов наук Н. Г. Серебренниковой и О. Н. Андреевой, но особенно — И. В. Подольской, написавшей прекрасную диссертацию о поэтических текстах Харланова. Но это всё-таки только наука, а не сама поэзия; живая поэтическая струя, идущая прямо от Харланова, проявилась в творчестве безусловно одарённой поэтессы **Ларисы Астаховой** и уже упомянутой здесь дважды проникновенной и щедрой на добрые слова Нины Измайловой.

Ларису Астахову Харланов нашёл (кажется, в «Радуге») и отметил

в 1992 году; он назвал её самой талантливой поэтессой в городе Тамбове; о её сборнике стихотворений для детей «Чудесный паровозик» поэт написал добрую и содержательную статью, опубликовав её в «Молодёжной газете». Харланов подчеркнул высокое назначение детской поэзии, в которой не должно быть ни дефектных рифм, ни изношенных метафор. В образном поэтическом мире Астаховой Харланов словно увидел отражение или подобие своего поэтического «*при творчества*». Недолгое сотрудничество Харланова и Астаховой дало немало приобретений и тому и другой. Астаховой, во всяком случае, — полный заряд поэзии на всю жизнь. В беседах с Астаховой Харланов, конечно, постоянно забывал имя молодой поэтессы, называл её то Нинелью, то Капитолиной, но всегда находил в обилии её стихов самое ценное, превосходное, такое, что не устареет никогда. Я уже давно написал и отправил в очень хорошую тамбовскую газету статью о Ларисе Астаховой, о её 11 стихотворениях, созданных в харлановском ключе и опубликованных в одном из выпусков «Тамбовского альманаха». Здесь повторяться не могу, как не могу распространяться и о поэтическом творчестве ученицы Харланова Нины Измайловой (я написал предисловие к её стихотворному сборнику «Молитва Лисицы», выхода которого жду с нетерпением). Скажу только о том, что в лице Измайловой литературный Тамбов обретает высокого художника слова, несомненного гуманиста, проникновенного исследователя человеческих и всех иных живых душ, патриота Тамбовского края и знатока его истории.

Но нельзя думать, что поэтическая школа Харланова проявляется только в тех немногочисленных авторах, кто так или иначе сотрудничал с прекрасным поэтом при его жизни. Я перехожу к рассуждению о стихийно сложившейся *поэтической школе Харланова*, очевидность которой стала ощутимой после смерти поэта, в последнее десятилетие.

* * *

Не могу не начать этот радостный и одновременно грустный разговор с отрицательной оценки официальной тамбовской литературной критики, так и не нашедшей нужных слов для объективного представления творчества Харланова, как, впрочем, и его великих тамбовских предшественников (**Гавриила Державина, Евгения Баратынского, Алексея Жемчужникова**). Ничего удивительного в этом нет: упомянутая критика привыкла с жадностью улавливать капли смыслов откуда-то сверху: то из «Литературной газеты», то из пре-

стижного «Нового мира», а там, между прочим, нет никому никакого дела ни до воронежского Прасолова, ни до рязанских Маркина или Осипова. А уж о тамбовских поэтах привыкли вообще думать свысока, принимая все полуанонимные отрицания молодых тамбовчан, вроде совсем не бездарного **Антоня Веселовского**. Так и живут потом наши тамбовские авторы с каким-то липким клеймом, пока не станут великими, как Марина Кудимова.

Но великими не становятся, великими рождаются, если есть на то не только талант, но и условия. Я помню, как в школьные годы я удивлялся, читая на доме Есениных в Константинове табличку о том, что в доме сем «жил русский поэт С. А. Есенин». Ни слова — о величии и даже о таланте, и на эпитет «*советский*» не хватило духа! Теперь в Рязани есть университет имени С. А. Есенина. Вот едут туда, говорят и читают. И произносят: «Великий Есенин!». А разве тогда, в 40-е годы, Есенин не был великим? А в Харланове или в Якушенко разве что-нибудь прибавилось после их смерти! В отзыве на стихи Астаховой Харланов саркастически вырвал из себя: «На мою долю не пришлось ни Белинского, ни даже какого-нибудь Ермилова». Якушенко ничего подобного не проносил: он был рад тому, что у него нашли *гражданственность и пафос (Иван Кучин)*. Скажите, как много! Но ведь там, где у поэта встречаем гражданственность и пафос, там поэзии почти нет. А вообще-то она у Якушенко потрясающая: «*Спи. / Не думай ни о чём. / Сон твой мною предугадан. / Не тревожься, / Я ведь рядом. / Горячо твоё плечо...*». Космическое переплетение движений снега и кленовых листьев. Космические взлёты мысли и чувств Автора. Здесь Якушенко, не пересекаясь, движется рядом с Харлановым, столь же мощно и звёздно. Можно подумать, что это один и тот же автор, но это лишь инвариант двух ярких талантов, двух совершенно разных мастеров. И нельзя измерить степень одного и другого: оба бесконечны и — *дополнительны*. Закон *дополнительности* в Мире был открыт датским физиком Нильсом Бором. В поэзии — та же дополнительность, и она уничтожает литературно-критические «табели о рангах», всякие градации поэтов, возведения одних в первый сорт, а иных — в третий. В поэте важно увидеть инвариантные черты таланта и знак школы. У Харланова это в первую очередь — сквозной характер *поэтемы*, динамический образ, имеющий сложную композицию, которая позволяет в простом, подчас рядовом явлении увидеть связь времён и пространств, диалектику Бытия, космическое назначение человека и всё прочее, что только можно увидеть, пристально

вглядываясь в то, что дано в ощущениях и осмыслениях.

Вот яркий пример харлановской поэтической динамики — стихотворение «Отблески»... Начало отсчёта, движения мысли, — *перекрёсток* («*На перекрёстке пыль, как пудра...*»). Уличная *пыль* — не очень приятная реальность. Но она напоминает поэту *пудру* — атрибут женских забот о красоте. И это меняет суть дела: пыль создаёт *бархат речей* («*Всё бархатнее тон речей*»), *пыль* делает *перламутровым закат*, он становится похожим на «*раковину сквозь ручей*». *Раковина и ручей* — два символа с противоположными (дополнительными) смыслами: *раковина* — женское начало, которое, безусловно, волнует и тревожит поэта, *ручей* — движение, скоротечность жизни (начало, явно, мужское, и оно отождествляется со *Временем*, которое непременно *проходит*). Но есть и ещё одно *Время* — *бабье лето*. Это *Время* — непреходящее («*Стоит недвижно бабье лето, / и время обтекает день. / Так женское литое тело / блестит в струящейся воде...*»). Первое *Время* *бесконечно*, оно вне событий, оно их *обтекает*; второе — *конечно*, но оно, благодаря событийности (праздничности или трагичности) остаётся в памяти и потому — «*стоит недвижно*». Оба *Времени* — *дополнительны*: одно не существует без другого (нет *Времени* без *События*, как нет *События* вне *Времени*). Человеческая жизнь — часть второго *Времени*, и в нём самое главное — *Любовь* (*Женщина* = «*женское литое тело*»). Поэт ощущает это особенно остро, но он хочет, чтобы это ощущал, как он, каждый, он заражает своей поэзией каждого (и это есть то, что называют катарсисом): «*Не говори-те: / «Всё проходит». / Скажите лучше: Всё идёт*». Второе *Время* (событийное = то, что не проходит, а идёт) — самое дорогое в жизни человека, потому что имеет душу (*внутреннюю форму* — по Вильгельму фон Гумбольдту), и человек начинает понимать, что слово «серебро» «*прекрасней обозначаемого им*». А это значит, что существует взаимность миров (объективных и субъективных, реалий и их отблесков). И самое дорогое — отблески. Потому человек и дорожит скоротечностью своей жизни, мечтая о бессмертии и боясь его:

*И, несмотря на скоротечность,
людским присущую годам,
вдруг испугает слово «вечность»,
обещанное где-то там.*

Это стихотворение, в силу своей идейной глобальности и поэти-

ческого совершенства, может одно представлять всю поэзию Харланова и его короткого времени, оно выглядело бы великолепно в Антологии русской поэзии XX века, и оно когда-нибудь в такую Антологию войдёт. Но столь же мощно и грустно, по-харлановски, звучат слова **Елены Луканкиной**: «...ты лежишь, ты жива, / но согласна быть мертвой» и слова **Марии Знобищевой**: «Я пришла сдавать экзамен / по печали и весне». Школа Харланова существует объективно, и она составляет смысл современной поэзии, получившей необыкновенный взлёт в сегодняшнем Тамбове.

* * *

Итак, в Тамбове необыкновенный подъём Поэзии. Но почему-то поэтические имена почти все женские. Я бы назвал ещё несколько великолепных поэтических имен (о них ещё придётся писать!), в числе которых **Екатерина Лебедева** и **Людмила Кулагина (Сергеева)**. Но это ведь тоже женские имена. Звоню своему давнему другу прозаику Ивану Захаровичу Елегечеву: «Как объяснишь, Иван Захарович, обилие женщин в авангарде современной тамбовской поэзии и отставание мужской её половины?» — «А очень просто, — гудит надрывно в ответ Елегечев. — Феминизация общества. Явление отнюдь не радостное!»

Может быть, поэзия вообще дело не мужское? Может быть, это явление чисто женское, *сапфическое*! Может, Орфей с Эвридикой были больше подружками, чем мужем и женой? Что бы мы ни говорили на этот счёт, а в Харланове преобладало явное мужское начало. Это был несомненный поэт-мужчина, как Пушкин или Алексей Константинович Толстой, как Державин и Баратынский. Восполнение мужской половины в тамбовской поэзии ещё предстоит.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

3 октября 2008 года состоялось отчётно-выборное собрание Тамбовского отделения Союза писателей России. Подавляющим большинством голосов правление в полном составе (В. Дорожкина, Е. Начас, В. Аршанский, Л. Перцева, Л. Котова, Е. Луканкина) избрано на второй срок. Возглавлять правление в ближайшие 5 лет тамбовские писатели вновь доверили прозаику и литературоведу Николаю Наседкину.

* * *

Сразу трое членов Тамбовского отделения Союза писателей России награждены областными премиями по итогам 2008 года. Поэт Александр Макаров удостоен премии имени Баратынского, писатель-публицист Юрий Расстегаев – премии имени Воронского, а юная поэтесса Мария Знобищева – премии имени Зои Космодемьянской.

* * *

Во Всемирный День Поэзии 21 марта в областной библиотеке им. А. С. Пушкина состоялся грандиозный поэтический вечер-презентация сборника «Тамбовский писатель-2009. Том I. Поэзия», включивший в себя стихи и «визитные карточки» 20-ти поэтов, членов Тамбовского отделения Союза писателей России. Эта первая часть двухтомника вышла в издательстве Литфонда при финансовой поддержке управления культуры и архивного дела области. Вела вечер редактор-составитель сборника Валентина Дорожкина. Во 2-й том, который готовится к изданию, войдут произведения прозаиков из Тамбовской писательской организации.

* * *

9 апреля 2009 г. в Москве состоялся XIII съезд Союза писателей России, на котором председатель правления Тамбовской писательской организации Николай Наседкин вновь избран секретарём правления СПР.

* * *

В Интернете открыт сайт Тамбовского отделения Союза писателей России. Гости-посетители, заглянув по адресу www.niknas.by.ru/1tambovsp, могут узнать самые свежие новости из жизни и деятельности Тамбовского отделения Союза писателей России, познакомиться с историей создания писательской организации на Тамбовщине. Центральный раздел сайта — «Персоналии», где о каждом из членов СП сообщаются биографические сведения, библиография основных изданий и представлены образцы его творчества.

Ну а самой объёмной по содержанию получилась страничка, где разместились со всем своим содержимым уже шесть выпущенных номеров «Тамбовского альманаха» и будет добавляться каждый свежий выпуск.

В рамках областного фестиваля «Пасхальный Свет», проходившем в мае 2009 г., тамбовские писатели совершили несколько «поэтических туров» по Тамбовщине. В Сампурском, Знаменском и Инжавинском районах побывали Николай Наседкин, Валентина Дорожкина, Лидия Перцева, Марина Гусева, Елена Луканкина, Татьяна Маликова, Валерий Кудрин, молодая поэтесса Елена Захарова. В стенах местных школ или музеев прошли большие литературные праздники, на которых выступали не только гости, профессиональные поэты и прозаики из Тамбовского отделения Союза писателей России, но и местные самодеятельные литераторы и артисты.

* * *

Фонд «Великий Странник молодым», действующий на базе Интернет-порталов Стихи.ру и Проза.ру отпечатал-выпустил в одной из типографий Туапсе (Краснодарский край) книгу под названием «Первый сборник поэзии». Среди 33-х авторов – семь поэтов из Тамбова: Зинаида Королёва (она же написала и предисловие к сборнику), Лидия Перцева, Татьяна Маликова, Марина Гусева, Мария Знобищева, Александра Николаева, Фаина Гафарова.

НОВЫЕ КНИГИ

Аршанский В. Дети века. Тамбов: ОАО «Тамбовполиграфиздат», 2008. 292 с. 1000 экз.

Аршанский В. Талант созидателя. Тамбов: ОАО «Тамбовполиграфиздат», 2009. 108 с. 300 экз.

Дорожкина В. Благая весть. Стихи. Тамбов: ОАО «ТТ "Пролетарский светоч"», 2008. 368 с. 1000 экз.

Меркушова Н. Тайники души. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 120 с. 400 экз.

Откровение. Стихи и проза инжавинских авторов. Вып. 4. / Сост. Л. Котова. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 144 с. 300 экз.

Радуга над Цной. № 7 / Сост. Т. Курбатова. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 108 с. 300 экз.

Расстегаев Ю. Пасечные истории. Тамбов: ОАО «ТТ "Пролетарский светоч"», 2008. 332 с. 500 экз.

Селивёрстов В. Тамбовский губернатор Безобразов. Тамбов: ОАО «ТТ "Пролетарский светоч"», 2008. 132 с. 1000 экз.

Тамбовский писатель-2009. Том I. Поэзия / Ред.-сост. В. Дорожкина. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 504 с. 700 экз.

Хворов В. Тень судьбы. Поэмы, стихи. Тамбов: ОАО «ТТ "Пролетарский светоч"», 2008. 96 с. 300 экз.

Цурикова Н. счастье быть любимой. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 60 с. 200 экз.